

ЭДУАРД ОВЕЧКИН

АКУЛЫ ИЗ СТАЛИ

18+

Эдуард Овечкин
Акулы из стали. 5 в 1

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Овечкин Э. А.

Акулы из стали. 5 в 1 / Э. А. Овечкин — «Издательство АСТ»,
2022

ISBN 978-5-17-148339-5

В колоритные, смешные и ностальгические рассказы Эдуарда Овечкина о российских моряках-подводниках читатели влюбляются с первых же строк! Здесь и веселые байки о флотских буднях, и красочные зарисовки о жизни в 90-х годах, и местами суровая реальность военной службы. Моряки устраивают розыгрыши, ставят на себе эксперименты, наблюдают за китами и начальством, разудало сдают воинские нормативы, тайком бегают на свидания с девушками и романтично мечтают встретить Летучего Голландца. Однако трудно найти людей, лучше знающих свое дело, более мужественных и ответственных, ведь перед нами самая настоящая элита российского флота. Яркий авторский стиль Овечкина, динамичное повествование от лица профессионала, фирменный морской юмор и целая галерея невероятных образов не оставляют равнодушными даже людей, далеких от «подводного» мира. Эти истории читаются в радость, а если печалют, то без уныния, и от них просто невозможно оторваться до самого конца! Теперь все пять «Акул из стали» под одной обложкой! Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-148339-5

© Овечкин Э. А., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Акулы из стали	8
Путь (от автора)	8
Ошибка эволюции	12
Мимозы и нутрия	17
Снег и бабы	19
Романтика	29
По системе Станиславского	33
Медленный газ	36
Морковь	39
Тополя	42
«Космическая пехота» и теория марксизма-ленинизма	46
Акула	47
Землетрясение	50
Вова	54
Пятьдесят оттенков зелёного	56
Костыль	59
Козёл	64
Дураки	67
Дураки и преферанс	72
Моряки бывают	76
Пипидастр	79
Ваш коллега, связист!	83
Все мужики – козлы	86
Недотёпа	88
Чёрная Метка	91
Якорь	95
Хванчкара и шурупчик	98
Хлеб	102
«Хилтон»	104
Флаг	106
Уха	109
Упадок	112
Дежурный	115
Таракан	117
Тридцать патронов и «калашников» на дне	120
Сука	126
Мичман Тоня	129
Старпом	136
Пятнадцатилетний капитан	138
Международный скандал	141
Сто девяносто мегаватт	144
Крайний	151
Смерть	153
Третий тост	157
Туман	161
Хлорка и права человека	161

Сверхъестественное	165
Горец	175
Притихший северный город	179
Млекопитающие	185
Воспитательная работа	190
Тишина	194
Я и бал принцесс	197
Совершенство	201
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. 5 в 1. Сборник рассказов

© Овечкин Э., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Акулы из стали

Путь (от автора)

При выборе определённого жизненного пути вы должны помнить одну штуку: путь тоже выбирает вас. Или не выбирает. В зависимости от этой взаимности вы потом и будете по нему

идти. Если путь вас не выбрал, будет это тяжело и мучительно. Наверняка и с сожалениями о том, что вы по нему пошли. А если путь выбрал вас, тоже всё будет трудно, но вспоминать потом о нём вы будете с теплом где-то в глубине своей души. Если, конечно, не бросите его. Бросить захочется наверняка. Даже путь праздности, роскоши и богатства некоторым надоест, так что уж о наших путях говорить, правда? И путь будет вам мстить, если вы его не пройдёте до конца, знайте об этом. Если причина покажется ему весомой, то он просто заложит в вашу душу уголёк сожаления, который будет тлеть всегда, то затухая, то разгораясь, но никогда не погаснет совсем.

Поэтому я вам хочу сказать перед началом своего рассказа: если выбрали путь, то пройдите его обязательно до конца или хотя бы до ближайшей логичной развилки.

Старпом наш, помню, говорил минёру, когда учил его управлять кораблём в надводном положении:

– И запомни – никогда не елозь! Главное правило человека, который управляет кораблём, – не менять своего решения во время выполнения манёвра. Правильное решение, неправильное – неважно. Принял, отринул сомнения и действуй! Хули ты там орёшь на мостике: «Правый галс, левый галс, руль туда, руль сюда, турбинам крутиться, турбинам не крутиться, торпеды пли, ой, бля, не пли, не пли!» Что это за маневрирования такие, а?

Очень подходящий девиз для жизни, я считаю.

А рассказать я вам хочу про Александра Сергеевича.

Вернее, рассказать-то я про него хочу давно уже, но всё никак не решусь, всё жду, когда достигну такого уровня писательского мастерства, что вы читать будете и плакать. Но вдруг не достигну? Поэтому пусть будет как получится, а потом перепишу.

Родился Александр Сергеевич 24 октября 1955 года в городе Подольске. В 1979 году окончил ВВМУПП¹ им. Ленинского комсомола и с 1984 года начал свой славный путь в 18-й дивизии АПЛ СФ² в должности командира БЧ-2 (ракетной). К 1994 году, когда я попал в 18-ю дивизию, он был командиром отстойного крейсера ТК-202, где мы с ним и познакомились, пока торчали с другим лейтенантом-электриком Максимом в ожидании возвращения нашего родного экипажа ТК-20 из отпуска. А потом уже и Александра Сергеевича назначили к нам командиром.

И ровно с того самого дня и до сих пор, когда я слышу слова «долг», «честь» и «верность», я вспоминаю Александра Сергеевича. Но не потому, что он часто произносил эти слова, наполняя их пафосом и ненужной бравадой, а потому что он всегда был верен своему Долгу и с Честью шёл по выбранному им Пути. Вы даже не представляете, как мы его любили, как мы ему верили и как мы были ему преданы. Вот если бы, например, сказал нам президент страны: «Ребята, надо сделать мёртвую петлю на лодке, вот позарез прямо», то мы, скорее всего, подумали бы, что он сошёл с ума, и решали бы, как отвертеться от этого безнадёжного занятия. А если бы нам сказал то же самое Александр Сергеевич, то мы бы начали готовиться к успешному выполнению этой задачи под его командованием, не подвергая его слова сомнениям.

Тогда время-то было поганое самое. Никаких ориентиров, никаких моральных принципов, никакой Родины – «воруй, бей, еби гусей» сплошное. Вот Александр Сергеевич и олицетворял для нас Родину в тот момент – не больше, но и не меньше! Он был таким, знаете, как скала: большим, спокойным, сдержанным, всегда охотно смеялся и редко повышал голос вообще. Крайне интеллигентный, умный, спокойный (да, я знаю, что повторяюсь), выдержанный до предела. Умел найти нужные слова в нужный момент, как никто другой. Не позволял себе никакого панибратства, всегда чётко держал дистанцию, хотя мог и выпить с офицерами в гараже на посиделках, и был любим и уважаем своими подчинёнными.

---

¹ ВВМУПП – Высшее военно-морское училище подводного плавания.

² АПЛ СФ – атомные подводные лодки Северного флота.

Мы с ним вдвоём выходили в море первый раз на ТК-20. Он – недавно назначенным командиром, а я – только что сдавшим зачёты лейтенантом. Со мной должен был идти старший товарищ, но по каким-то причинам сделать этого он не смог, и пошёл я сам.

– Ссышь, лейтенант? – спросил меня командир во время приготовления корабля к бою и походу.

– Никак нет, тащ командир! – дрожащим голосом ответил я.

– Ссышь, но бодрисься и не показываешь виду? Молодец!

А потом мы пошли в автономку в августе. Нас прямо умоляли все сходить в эту автономку, так надо было показать всему миру, что России не пиздец, хотя ей был тогда полный пиздец, что вот «ребята-на-вас-смотрит-вся-страна» и всё прочее. Да по хуй было этой стране на нас, мы-то понимали, но Александр Сергеевич сказал:

– Я намерен выполнить поставленную задачу, чего бы мне это ни стоило. Кто не хочет, пишите рапорта – подпишу всем не глядя, уговаривать никого не собираюсь.

У него манера такая была, он когда думал или говорил что-то действительно серьёзное, всегда немного склонял голову влево и вниз, к плечу. Вот мы по наклону головы его настроение и определяли. Если склонил – то всё, считай, опять подвиг надо совершать.

В той автономке мы впервые в истории человечества запустили баллистическую ракету из района Северного полюса. По возвращении Александра Сергеевича представили к званию Героя Российской Федерации, но звезду получил не он, а один адмирал из штаба флотилии, который выходил с нами на месяц старшим на борту. И так его не любили за то, что был мудака и быдло, а после этого вообще и не здоровались с ним, ни поодиночке, ни строем. Это, кстати, был второй человек за всю историю крейсера ТК-20, который уселся в командирское кресло. Традиция была такая на «Акулах» незыблемая – в кресле командира сидел только командир. Ни командир дивизии, ни командующий флотилией или флотом никогда в него не садились – традиции на флоте чтут и уважают. Только министр обороны Грачёв в него сел, но что с него взять – он же десантник и даже не знает, как правильно погладить гюйс! И вот этот мудака тоже всегда плюхался в кресло командира своей толстой жопой. Я, когда первый раз увидел, аж рот открыл и смотрю на старпома, а тот так рукой махнул обречённо и скривился. Мол, что с мудака взять – мудака, он и есть мудака.

Александр Сергеевич не показал вида, что расстроился или обиделся за это на Родину. Родину он любил, научил и меня понимать, что Родина – это Родина, а не та кучка бюрокра-тов, которая ей управляет в данный исторический момент. Жил он очень аскетично. Если вы смотрели фильм «Русская Акула», то вы видели его квартиру такой, какой она была всегда. Он жил кораблём и своим экипажем. Мне даже трудно понять тот груз ответственности, который лежал тогда на его плечах, и тот багаж знаний, который был в его голове. У нас в экипаже была самая низкая текучка, хотя тогда с флота бежали все, а к нам, наоборот, просились в экипаж. И это только его заслуга, я считаю. А какие задачи мы выполняли! Да любые практически! Вот какие ни ставили перед нами, такие мы и выполняли.

Например, в 1997 году мы дважды стреляли полным боекомплектом ракет с целью их утилизации методом подрыва в воздухе. Я не знаю, понимаете ли вы, насколько это сложная и опасная задача – стрелять из подводного положения баллистическими ракетами, у которых не то что срок эксплуатации – а срок хранения на складах истёк! В интернете эти ролики тоже можно найти – тогда с нами ходили суда сопровождения с американскими наблюдателями на борту. Наш флагманский ракетчик, который был с американцами, рассказывал, что сначала американцы спорили чуть ли не на полуостров Аляска, что ничего у нас не выйдет и мы только зря погубим людей и корабль. А потом плакали, когда ракеты, одна за одной, выходили из-под воды.

– Отчего плакали-то? – спрашивал командир. – Аляску жалели?

– Нет, Саша! Они плакали и хлопали в ладоши, а потом трясли нам руки и говорили, что это же, блядь, какая гордость – быть свидетелями такого подвига, доблести, отваги, выучки и умения русских моряков! Вы же герои, Саша, понимаешь? Ты же герой, Саша! Я, блядь, уверен!

Александра Сергеевича, который осуществил два таких пуска, представили второй раз к званию Героя РФ. И все были уверены, что уж сейчас-то точно дадут, ну, потому что! Но не дали. Дали орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени и наградили именованным пистолетом. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но даже у Пугачёвой с Леонтьевым ордена высшей степени, чем у Александра Сергеевича.

Но и это его не сломало! Он же не за награды служил, а потому что это был его Путь, который он сам выбрал, и шёл по нему так, как это и полагалось офицеру флота: без громких слов о любви к Родине, без пафоса и целований жоп, без лизоблюдства и приспособленчества, как мужик, понимаете? Не тот мужик, который популярен в теперешнем народе, а настоящий.

В 2013-м у него обнаружили злокачественную опухоль, её удалили, и он проходил курсы химиотерапии. Но потом в бедренной вене у него обнаружили тромб, удалили его. Лечение требовало корректировки и консультаций с зарубежными врачами. Собирали деньги в интернете всем миром, кто сколько мог, на лечение его в Израиле, но 15 февраля 2015 года Александр Сергеевич ушёл из жизни, не дожив даже до 60 лет.

Знаете, в этом есть что-то постыдное – собирать деньги на лечение командира самого ходового корабля 941-го проекта, который первым в мире стрельнул ракетой с восьмидесятой восьмой широты... Которому, на секундочку задумайтесь, принадлежит мировой рекорд по количеству осуществлённых пусков баллистических ракет... И который является, пожалуй, самым результативным командиром атомной подводной лодки послевоенного периода СССР и Российской Федерации. Постыдное, конечно, не для людей, собирающих деньги, а для кучки чиновников, которая называет себя «государством» и «вбивает скрепы», «возрождает духовность», кричит о величии и мощи этой страны. Нет ни капли величия в этой кучке. Но есть Величие в людях, которые собирают последние крохи, чтоб помочь другому человеку.

Но знаете, я уверен – Александр Сергеевич никогда не жалел о том, что прошёл свой путь до конца. Да, он не заработал ни денег, ни славы, ни сытой жизни, ни здоровья. Но путь, который он показал тогда нам, путь Офицера и Человека, верного своему Долгу, спас многих из нас от опрометчивых решений и показал нам пример, на который можно равняться до конца своей жизни.

Все слова какими-то маленькими и корявыми кажутся, когда берёшься описывать Александра Сергеевича Богачёва. Вечная ему память и земля пухом!

Ошибка эволюции

Когда люди эволюционировали, то где-то на повороте этот в целом отлаженный процесс дал небольшой сбой, на который мало кто обращает сейчас внимание. А зря, потому как сколько неприятностей, начиная от Троянской войны и далее, можно было бы избежать – это же пальцев на всех руках не хватит сосчитать!

Вот для чего, скажите мне, все люди хотят быть красивыми? С какой такой благой целью? Вот на насекомых давайте посмотрим или на птиц с утками: там всё чётко – красивые только самцы, а самки все одинаковые, как ты их ни крути! Ну и какое это преимущество даёт, спросите вы, самцам насекомых перед людьми? Сейчас попробую объяснить.

Чтобы быть красивыми и иметь от этого какое-то преимущество, человечество придумало для себя ряд способов, которые работают железно для женщин: это чулки в сеточку, красная губная помада и вондер бра. Комбинируя эти нехитрые приспособления, любая практически самка человека повышает свои шансы на спаривание или брак раза в три-четыре. Тут следует признать, что коварные женщины мужчин обошли. Во-первых, заставив всё это им производить и – мало того – покупать за собственные деньги и дарить. А во-вторых, для мужчин таких однозначно эффективных средств просто нет. Может, они и есть, конечно, но наверняка какая-то специальная команда женщин-ниндзя отслеживает их изобретение и давит на корню, вместе с изобретателями.

Поэтому у мужчины, как ни крути, остаётся два крайне туманных и запутанных способа себя украсить.

Первый: научиться правильно расставлять знаки препинания в предложениях из трёх и более слов и без ошибок писать выражения типа «Ящетаю» – «Я считаю»; «Ух ты, какие сиськи!» – «У вас богатый внутренний мир!» и «Вот это жопа!» – «Февраль! Набрать чернил и плакать!». Но! Здесь нужно быть осторожным, потому как общение может затянуться и этих трёх фраз не хватит. Хорошо ещё, что специальный отряд женщин-ниндзя не обнаружил вовремя Чехова, Пастернака и Шишкина, и поэтому первому способу можно обучиться довольно легко, причём процесс обучения будет чрезвычайно приятен. Некоторые так им увлекаются, что даже и про цель забывают.

Второй: стать привлекательным внешне. Этот способ намного сложнее, так как тут специальные женские силы следят за ним в оба глаза, прочно закрепив в индустрии моды лобби из себя и гомосексуалистов. Они специально – чуть ли не каждый год – меняют понятия о мужской красоте на диаметрально противоположные, чтоб лишить бедных мужчин малейшей возможности доминировать.

Вот какое качество у мужчины должно быть явно выступающим, чтоб подчеркнуть его мужественность и наличие тестостерона в крови? Правильно – мужественность, но никак не красота же, согласитесь? Ну что красивого, а тем более мужественного, в бороде как у лесоруба, если ты не лесоруб и, вместо того чтоб рубить лес, ухаживаешь за собой, как будто основная твоя задача – понравиться другим лесорубам? А в этих «тоннелях» в ушах или подвёрнутых штанишках на тонких ножках? А пиджачки вот эти вот, на два размера меньше необходимого для того, чтоб комфортно себя в нём чувствовать? И плюс борода с подбритыми височками. Это что – мужественно?

Как говорила моя тётя (мать двоих детей и бабушка троих внуков): «Мужик должен быть чуть красивее обезьяны. Хвост из жопы не торчит – всё, считай, Аллен Делон!» Ну, в чём-то она была права. Правда, я для общей красоты добавил бы ещё сломанный нос и над маленькими глазёнками, желательного разного цвета и размера, – кустистые брови. Одно ухо можно чтоб было откушено хотя бы наполовину, второе – сломано. И шрам, само собой. Огромный шрам наискосок через всё лицо, чтоб вот прямо цепенела его женщина от ужаса, если он, не дай бог,

захочет заняться с ней сексом в миссионерской позиции. Вот это я понимаю – мужественный мужчина. Но кто меня спрашивает, правда? И вот что делать бедным мужчинам? Лично мой совет: Чехов, Пастернак, Шишкин плюс чистые носки с не очень большими дырками.

Но погодите плакать от жалости к бедным мужчинам, поберегите слёзы до конца рассказа. Ведь сейчас я вам расскажу про класс мужчин, ещё более ущемлённых в своих возможностях, чем обычные мужчины. Хотя сейчас, возможно, вам уже кажется, что ну куда уж больше! А вот представьте: большое количество лиц мужского пола на пике репродуктивных функций их организмов собирают в одном месте, одинаково стригут и одевают в абсолютно одинаковую одежду, при этом ограничивая их выход из этого места до нескольких раз в год. А тестостерон у них уже в виде прыщей на лице торчит и течёт из носов с соплями. Вот что им делать, этим бедным курсантикам (а я веду речь про них), чтоб повысить свою внешнюю привлекательность и, соответственно, шансы на тренировки по продолжению рода? Вы, конечно, можете мне возразить, что чего я тут жалуясь, если сам рассказывал, что моряки – все сплошь красавцы? Ан нет! Всё вполне логично. Допустим, что вы юная девушка приятной внешности и гуляете в сарафане по площади Нахимова в Севастополе. Томик стихов Бродского у вас наверняка с собой. Младший брат, может быть, на поводке выгуливается, и синими глазами вы всматриваетесь в синюю вымытую солнцем даль Константиновского равелина в надежде, что вот-вот появятся из-за кривого горизонта алые паруса. А вместо этого неожиданно к Графской пристани причаливает катер из Голландии, и оттуда, мать моя женщина, высыпают на площадь, как горох, сто капитанов Греев. Ну, может, и не Греев, но тем не менее. Вот что бы вы на месте этой крайне юной особы сделали в данной ситуации? Грохнулись бы в обморок от невозможности разворачивающихся перспектив!

Поэтому, чтоб помочь юным особам и уберечь их хрупкую психику, любой курсант стремится стать красивее своих однояйцевых ксерокопий всеми доступными ему способами. Способов этих мало, и все они вызывают некоторые вопросы с точки зрения взрослого дяденьки гражданского исполнения. Первый – военная форма. В начальные годы своего окукливания военно-морской курсант редко ходит в гражданской форме одежды, а военная, естественно, у всех одинаковая. Но если вы думаете, что фантазия молодых людей так же бедна, как колхоз после продразвёрстки, и они не знают, как её украсить, не сильно отходя от устава, то глубоко заблуждаетесь.

На форму можно вешать всякие значки – например, о спортивных достижениях. Или донорский, на крайний случай. Потому что красная капелька крови на могучей груди синего цвета выглядит хорошо, если вы, конечно, пока дурачились с друзьями в катере, не повесили её на то место, где у обычных брюк ширинка, а потом забыли снять и едете такой в троллейбусе в Камышовую бухту. Тогда на чёрном фоне она выглядит ещё пикантнее, да и внимания привлекает намного больше – можете не проверять, точно вам говорю. Но это внимание несколько другого сорта, хотя при должной сноровке и его можно развернуть в нужное русло.

Бляха. В смысле, на ремне которая. Для повышения красоты её нужно начистить до зеркального блеска зубной пастой и разогнуть до плоского состояния. Чем сильнее разогнул, тем красивше.

Бескозырка. Головной убор прекрасен, как утро в горах Арарата, но и его не обходит стороной тяга к украшательству. Для того чтоб нравиться девушкам, курсанты вытаскивают одну пружину из чехла, укорачивают её и загибают углом на том месте, где будет центр лба, а потом вставляют в околыш и ждут аплодисментов, гордо называя это «утюгом». Но тут надо быть внимательным: пока едешь в катере, ваши, с одной стороны – друзья, а с другой – петросяны доморощенные могут ножничками укоротить вам ленточки и сделать на них вырезы, как у Дональда Дака. Или настригут их так, что якоря будут болтаться на тоненьких ниточках. Это смешно, и все вокруг будут радоваться, глядя на вас. Но с точки зрения привлечения противоположного пола работает это плохо.

Гюйс. Не менее прекрасная часть формы, чем бескозырка. В гюйсе для повышения его красоты главное, чтоб он был как можно сильнее застиран и превратился из синего в бело-голубой. Тогда ты красив, как морской чёрт на отдыхе в Гаграх. Вот, в общем-то, и все более-менее законные способы украшения себя сверху, доступные молодым организмам, ужаленным Романтикой в крепкие ягодицы.

Остаётся позаботиться о том, что под формой. Всех курсантов круглый год и ежедневно гоняют на зарядку в трусах и ботинках. Кроме того, у них постоянно проходят занятия по физкультуре, по которым они каждый семестр сдают зачёты. Не сдал зачёт – не поехал в отпуск. То есть в основном курсанты, хотя бы они того или нет, выглядят стройно, подтянуто и быстро бегают, особенно от патрулей. Просто так не выделишься из их среды. Из средств обольщения остаётся загар и растительность на лице. Ну и загар преследовал в наше время чисто утилитарную цель – когда курсант раздевался где-нибудь летом, то сразу было видно по характерному загорелому треугольнику на груди, что он – курсант.

Какой-то придурок однажды сказал, что подсолнечное масло очень помогает для равномерности загара и необыкновенно золотистого его цвета. Ну и все, как обезьяны, естественно, начали проверять это на себе эмпирическим путём. Мы со Славиком тоже решили, что не лохопеты же мы без масла загорать – как белые вороны ведь будем, и пошли на камбуз с баночкой из-под майонеза.

– Да вы ебанулись, что ли, все в этом году? – заорала на нас повариха. – Вот раньше – то хлеба просили, то мяса, то макарон! А теперь все за маслом бегают, как полоумные!

– Да тётенька, да вам жалко, что ли? – заныли мы со Славиком.

– Ох... сиротинушки, – вздохнула тётенька размером с меня, Славика и ещё одного Славика. – Да чё ж жалко-то! Давайте – налью.

С заветной баночкой с маслом и с одеялами под мышками мы залезли на крышу нашего пятиэтажного факультета. Был уже поздний май, деревья с травой ещё не выгорели, но жарило от души. А на рубероидной чёрной крыше, намазанные подсолнечным маслом, мы чувствовали себя вообще как стейки на гриле.

– Ну чё, Славон, как ты? – мне было откровенно скучно, жарко и неудобно.

– Да шиплю, как котлета! Минут через пятнадцать можно будет мазать горчицей и есть!

Мы подошли к парапету, где хоть немного была иллюзия движения воздуха, и стали любоваться видом. Севастопольская бухта очень красива, особенно летом. Перед нами стоял практически весь Черноморский флот, включая боевой крейсер «Слава» и злополучный «Москва» (на нём всё время что-то горело, взрывалось и шастали привидения). Шла подготовка к параду, и во все стороны шныряли, пока довольно хаотично, катерки, лодки, военные корабли, а морские пехотинцы в белых чехлах от бескозырок плыли дружной стайкой, всем своим видом презирая всякую опасность вокруг.

– Красота! – вздохнул Слава.

– Просидел бы тут всю жизнь?

– Тёлку бы какую только.

– Молоко доить?

– Не. Человеческую. Надо же стихи кому-то читать вслух, правильно? Какой иначе смысл тут сидеть всю жизнь, если даже и стихов почитать некому?

– Ну, мне почитай.

– Не-е. Тебе неинтересно читать. Ты восхищаться не будешь и заламывать руки от восторга.

– Не буду, само собой, я ж лучше стихи читаю, чем ты!

– Зато я на гитаре три песни играть умею!

– Ну да – тут у меня шансов нет, согласен! Слушай, я сварюсь сейчас. Может, ну его в жопу, загар этот, раз мы с тобой полны талантами, как чаша Диониса?

– Бля, наконец-то ты это сказал! Бежим отсюда!

А потом же ещё надо было помыться. Естественно, горячей воды летом в училище не было отродясь. Зато как можно было наораться, пока отмывал с себя масло! Красота, да и только!

Растительность у нас осталась. Тут шибко не разгонишься, конечно. В уставе же написано, какая причёска должна быть у воина: короткая, аккуратная и с кантиком. Но всё равно умудрялись, да. В основном брали своё за счёт чёлочек – они чаще всего под головными уборами, и можно было дать волю фантазии (не раньше третьего курса, естественно). Так и ходили – зад и бока чуть не бритые, а спереди какой-нибудь локон страсти сантиметров на двадцать-тридцать и лезвие в ремне, когда идёшь на развод в комендатуру. Ну, про усы я промолчу, так как если бы у меня были такие полномочия, то я этот ген у мужчин удалял бы насильственно.

Борода. Прямо она не запрещена в военно-морском флоте, но, по соображениям здравого смысла, на подводных лодках носить её крайне не рекомендуется – из-за неё маска изолирующего противогаза плотно не прилегает к лицу, и внутрь попадают продукты горения, включая угарный газ: два полных вдоха – и смерть. Курсантам она тоже прямо не запрещена фразой «Ношение бороды запрещено». Но это, скорее всего, просто потому что – ну кто может подумать, что юноша в здравом уме станет отращивать себе бороду? Но были и такие, да, именно потому, что тяга к украшению себя для повышения шансов на спаривание не имеет границ разумного.

Курсант Лёша не сказать что был красив, как картинка. Худой, сутуловатый, с квадратной головой и огромными залысинами, которые начали расти у него в восемнадцать лет. Ещё и заикаться начинал, когда волновался. А если бы каждый из вас так любил Родину, как Лёша любил женщин, то мы давно уже догнали бы Америку, перегнали её и забыли о том, что она была. Перед началом долгожданного третьего курса мы собирались после отпуска, и тут появился Лёша с бородкой, как у Владимира Ильича, только жиденькой и серой. Выглядело это до невозможности смешно, убого и отвратительно, но Лёша ходил гордый, как павлин в саду у шейха. До первого общего построения роты.

Мы стояли в ласковом августовском воздухе, предвкушая резкое увеличение свобод и глотая слюну от надвигающихся возможностей. Перед строем расхаживал старшина роты, поглядывая на Лёшу. В одной руке у него был блокнот с ручкой, а другой рукой он хаотично размахивал. Я тогда ещё подумал, что как у него это получается: размахивать рукой можно или в такт шагам, или в такт речи, но вот так, чтобы ходить в одном темпе, говорить в другом, а махать – в третьем, это же форменная эквилибристика без страховки.

– Та-а-ак! Рад вас видеть, хотел бы сказать вам я. И я действительно несколько рад, потому что без вас мне всё лето было скучно – некого было унижать, не над кем было издеваться и меня почти никто не ненавидел. От чего, не скрою, чувствовал я себя неудобно! У вас, конечно, сейчас начнётся полная лафа, с точки зрения первокурсников. Если вы будете хорошо учиться и не будете меня злить, то в увольнения я вас буду отпускать чаще чем раз в неделю, и даже иногда с ночёвками. Так что срочно ищите себе тётку и женитесь на них! Быстрее начнёте – больше попыток успеете сделать до конца жизни. Ну, это касается, конечно, всех, кроме курсанта Карпова!

– Прошу разрешения! – не выдержал Лёша и попался в эту ловушку. Он-то подумал, что если его до сих пор не застроили за бородку, то всё – прокатило. – А почему кроме меня-то?

– Ну, потому что, курсант Карпов, все вы бегаёте в увольнения с единственной целью – найти себе бабу. А так как ты себе пизду на лице отрастил, то баба тебе, следовательно, и не нужна!

Смеяться же в строю нельзя, иначе это не строй, а рой уже получается. Но когда хочется, то можно только в себя, поэтому все начали булькать горлами и надувать щёки.

– Что за ржание, как от полка гусарских коней? – на крыльцо вышел наш командир.

– Да вот, на Карпова любимся и не можем сдерживать эмоций! – доложил старшина.

Командир был хмур. Фуражку он обычно носил, сильно напялив её на глаза, а сейчас так она вообще у него козырьком на переносице лежала.

– Карпов. Пять минут тебе даю.

– Тащ командир, а у меня бритвы нет, я ещё из дома её не принёс, – вяло попытался сопротивляться Лёша.

– Можешь взять мою зажигалку.

– Или моё вафельное полотенце! – добавил старшина.

– Тащ командир...

– Четыре с половиной минуты, – и командир посмотрел на свои наручные часы, естественно, «Командирские».

Лёша убежал в общежитие, а командир спустился с крыльца к старшине.

– Ну что, ты всё сказал?

– Ну так... На полшишечки.

– Я тоже рад вас видеть, товарищи курсанты! Вы заметно повзрослели с момента нашей первой встречи. Возмужали. Похорошели. Жаль, ума не набрались пока, но тут уж я постараюсь вам его вдолбить!

– Толстой! – на крыльцо вышел начальник факультета. – Беги в учебный отдел, срочно, я тут за тебя доебу их!

– Что-то вас до хуя осталось после двух курсов! – начальник факультета стоял напротив строя, заложив руки за спину. – Я думал, что мы суровее будем прореживать ваши ряды. Ну, ничего. Вы не расстраивайтесь и не думайте, что высшая математика – это самое страшное, что случилось в вашей жизни. Сколько вас тут осталось, человек восемьдесят? Могу поспорить, что до выпуска больше пятидесяти не дотянет!

– Прошу разрешение стать в строй! – подскочил Лёша с окровавленным лицом.

– Старшина, аккуратнее бить надо, сколько я вас учить ещё буду: чтоб следов не оставалось!

– Тащ капитан первого ранга, а это не я!

– А чего тогда он у вас в крови весь? Драчун?

– Ну... смотря от какого слова корень брать, а так просто ошибка эволюции!

– Как и все остальные?

– Так точно, только более ошибочная!

– Ну становись, конечно, в строй, а то через дырки поддувает друзьям твоим в строю-то.

А потом Лёша прочитал в газете, что раннее облысение бывает от избытка тестостерона, и прекратил попытки украшать себе чем-то ещё. Жаль только, что девушки эту газету не читали, судя по всему.

Ну вот. В этом месте уже можете начинать плакать. И ещё (в основном к прекрасному полу обращаюсь), когда увидите на улице курсанта первого-второго курса (худенький, ушастький, несколько несуразный, на рукаве одна или две галочки) – улыбнитесь ему, хоть слегка. Вам это пусяки, а ему передышка в борьбе с эволюционными ошибками.

Мимозы и нутрия

А вы ели когда-нибудь крыс? Ладно, я перефразирую вопрос: а голодали ли вы когда-нибудь настолько, чтоб забыть о своей брезгливости и вспомнить о том, что такой вид животного, как человек, выжил в том числе и благодаря тому, что всеяден? Хорошо, если нет, но жалко, если да.

Курсант, как и студент, всегда голоден. Особенно первые два-три года. Потом это проходит как-то само собой – то ли организм перестаёт активно расти, то ли приспосабливается получать питательные вещества из поцелуев прекрасных принцесс, я точно не знаю, но факт такой имеет место быть.

Чтоб долго не объяснять и не тратить ваше драгоценное время на слежение за растеканием моей мысли по древу, просто скажу, что кормили курсантов на рубеже 80—90-х годов говном. И того давали мало, кстати. Вот вы ели коров из н/з³ СССР? А я ел. Непередаваемые ощущения, когда ты грызёшь жилы этого благородного животного, которое трескало ромашки ещё до того, как твои папа с мамой познакомились! А гороховое пюре из концентратов! Я когда первый раз увидел этот зелёный блин на дне котелка, даже не понял, что это такое там лежит. Ткнул в него вилкой, оно недовольно заворчал и тут же восстановило первоначальную форму, загладив четыре вмятины от вилочных зубцов. И я, вздохнув, попробовать его так и не решился.

Чуть легче было летом и пока совсем не развалился Советский Союз. Летом можно было есть шелковицу и ходить с чёрными губами или грецкие орехи и ходить с чёрными руками. С грецкими орехами вообще смешно вышло первый раз. Заступили с другом Славой в парно-пожарный досмотр ночью. Естественно, первым делом начали искать, что бы нам пожрать. Ну и Славик предложил орехами брюхи набить. А я же из Белоруссии, я же в глубине своей крестьянской души думал, что грецкие орехи растут в посылках из Узбекистана, высушенными и без кожуры, поэтому очень удивился, когда, проснувшись утром на лавочке, обнаружил, что у меня чёрные руки. Потом посмотрел на руки Славика и успокоился – вдвоём-то умирать не так страшно.

А пока не развалился СССР, нам из дома слали посылки с едой. Посылку нужно было сначала предъявить старшине роты. Но ничего такого, о чём вы могли подумать: продукты он, естественно, не забирал, а просто проверял отсутствие вредных для курсантского организма веществ: водки, наркотиков и гражданской формы одежды. Помню, как он однажды удивился, увидев у меня в посылке банку шпротов.

– Это что, ШПРОТЫ?

– Ага.

– Уже даже не помню, как они выглядят... Дай хоть посмотрю!

– Да заберите себе. Отнесите домой, семью угостите!

– Охуел ты? Мне не положено!

– Тащ мичман, ну что нам эта банка на шестерых? Тока форму одежды маслом запачкаем!

– Да не. Не.

– Ой, да берите уже! Честно, как маленький.

– Ты как со старшим мичманом разговариваешь, гад?

– Ртом в основном.

– Блядь. Не могу удержаться от этого соблазна. Но! Наряд вне очереди за сон на посту я с тебя хуй сниму!

– Говно вопрос! Мы забудем об этой истории, как только я выйду за дверь!

– Свободен!

³ Н/з – неприкосновенный запас.

А в каюте меня уже ждали пятеро моих товарищей с хлебом, заранее принесённым с камбуза, и полными зобами слюны. И знаете, нам было так весело и приятно в тот момент, такое душевное единение компании возникало, что наркотик этот ментальный, всосавшись в мою кровь, до сих пор не даёт мне понять, что может быть вообще весёлого в клубешных тусовках и ресторанных застольях с цыганами и медведями.

Местным курсантам, которые были родом из Севастополя, было полегче. Мамы и жёны иногда кормили их котлетами с ложечки через забор и даже гладили по головам. А в первый год о-о-о-очень не хватало, когда тебя кормят котлетами с ложечки и гладят по голове. Потом, конечно, организм начал приспосабливаться, суроветь, черстветь, пропитываться солью и хотеть мяса и грубого секса, а не жареного фарша и предварительных ласк.

Вот историю небольшую про посылку и севастопольцев я сейчас вам и расскажу.

Дружили мы с Витей. А Витя был натуральный хохол, и родители у него разводили нутрий, периодически ему их высылая в копчёном виде. И вот один раз прихватили мы с ним копчёное тело и пошли в ЧПОК (так у нас называлось курсантское кафе, «чайная помощи оголодавшим курсантам» расшифровывается) для того, чтобы кутнуть на широкую ногу: купить себе батон и по стакану сметаны. Уселись за столик и начали препарировать деликатес тонкими дрожащими пальчиками. И тут в чайную зашли два наших товарища из Севастополя: Вася и Рома. Вася вообще-то был Андрей, но узнал я об этом только на третьем курсе, когда позвонил ему домой и попросил позвать Васю к телефону. «А Андрея нет дома», – ответил мне приятный женский голос. «Вот и хорошо! – обрадовался я. – Мне как раз он и не нужен, а нужен Вася!» – «Так я про Васю и говорю, просто я его мама и предпочитаю называть его настоящим именем», – засмеялась Васина (Андреева) мама.

Потом я ходил по роте и рассказывал всем эту сногшибательную новость. Многие удивлялись, доложу я вам.

– Э, что вы тут точите? – как бы попросились к нам за стол Вася и Рома.

– Мясо, – говорит Витя. – Садитесь, тоже точите!

– Ура-а! – закричали Вася и Рома и, сбегав за сметаной, уселись с нами. Нутрия была довольно большой, но четыре военно-морских волчонка справились с ней быстро. Обсосав косточки, мы довольно откинулись и шлифанули всё это удовольствие сметаной.

– Ой, – вздохнул Вася. – Надо на воздух выйти, покурить для закрепления удовольствия!

Завернули обглоданный труп нутрии, погибшей с благородной целью накормить защитников Родины, и вышли на улицу. Закурили.

– А кого мы ели-то? – зачем-то спросил Рома.

– Крысу, – ответил Витя.

– Да что ты пиздишь-то? Какую крысу? Кролик же небось?

– Ну смотрите, – Витя подвёл Рому с Васей к урне. – Вон лапки, вон хвост. Сразу же видно, что крыса!

И как давай их, бедных, полоскать вокруг этой урны!

– Странные люди! – удивляется Витя. – Когда ели, пальцы до локтей облизывали, а теперь блюют!

– Как мимозы в Ботаническом саду, чесслово! – процитировал я стих классика.

– Ты знаешь что, Витя, – сказал я Вите, когда мы шли обратно в роту, – ты скажи своим, чтоб не сало слали, а нутрий побольше. На двоих-то её приятнее есть, чем на четверых!

– Согласен! Прямо сейчас письмо и напишу!

Так что, скажу вам, что человек – существо всеядное. Особенно пока не знает, кого он ест.

Снег и бабы

Не знаю, как там у студентов с практикой, но в нашем военно-морском училище было заведено так: первый курс – надводные корабли, второй – подводные лодки, третий – завод, четвёртый – опять лодки и на пятом – учебный центр. Вот про учебный центр в городе Обнинске я и расскажу.

Попали мы в него уже тогда, когда учились в Питере, и было это в феврале-марте. Холодина стояла страшная: снег, мороз и женщины в шубах и пыжиковых шапках. Встретили нас довольно радушно – на обучении в центре был один экипаж, который сидел там уже несколько лет в ожидании своего корабля, и преподавательский состав откровенно скучал без свежего мяса. Выделили нам этаж казарменного типа и приказали чувствовать себя как дома.

Только мы кровати поделили и вещи разложили, как меня вызывает начальник учебного отдела. Прихожу, докладываю, сидит там он, ещё мужик какой-то и наш офицер, который к нам из училища был приставлен как старший практики.

– Товарищ курсант, – ласково так спрашивает у меня капитан первого ранга, – ну, как вы тут? Устроились?

– Так точно, – говорю, но пока не улавливаю, в чём подвох.

– Всё ли устраивает? Может, надо чего?

– Ну... Телевизор не помешал бы, конечно!

– Хорошо, будет вам телевизор, в холле поставим.

– А вот скажите, – вступает в разговор второй, – у вас родственники есть в штабе Московского округа?

«Ну да, – думаю я себе, – именно же поэтому я и торчу сейчас в Обнинске, что у меня родственники в штабе Московского округа».

– Никак нет, – говорю. – Никогошеньки абсолютно!

– Точно? А генерал-лейтенант Овечкин не ваш родственник?

– Нет, не знаю таких родственников!

– Ты хорошо подумай-то, повспоминай! – подбадривает меня наш старший практики и страшные глаза бровями делает.

Мим, блядь.

– Да что тут думать-то? Мать у меня – медсестра, отца нет вообще. Точно не мой!

– Ну ладненько, – заметно расслабляется начальник учебной части. – Вы идите тогда, располагайтесь!

– Ты дурак, штоле? – догнал меня наш уже в коридоре. – Я ж тебе мигал! Надо было сказать, что дядька твой какой, мы бы тут как сыры в масле катались!!!

– Вы-то чего бы катались? Это я катался бы, а мне чужого масла не надо!

– Ну-у-уу, дурр-ра-а-а-ак!

Но телевизор нам всё-таки выдали, даже цветной. В принципе, это и были почти все доступные развлечения. Ещё преферанс, конечно, и девушки. Не, на учёбу-то тоже ходили почти каждый день, но наш учебный центр, который находился в Палдиски, уже был не наш, а этот был заточен под несколько другие проекты. Поэтому помимо устройства подводной лодки под кодовым названием «Батон» учили нас в основном, что не надо брать себе жён из Питера и Москвы, а исключительно из глухоманьских деревень, желательно в Белоруссии. Максимум – из районных центров. Ну и прочим премудростям ожидающей нас неведомой жизни.

Помогали мы преподавателям, конечно, в быту. Например, доктор получил новую квартиру, и нужно было ему помочь: «Ну там чуть-чуть вещей перенести, человек пять точно хватит». А чего бы и нет? Всё веселее, чем по учебному центру шататься. Приехали к нему, вынесли с шестого этажа диван, два кресла, кровать, холодильник, стенку, пианино и так, по

мелочи ещё грузовик, и пока он бегал куда-то по делам, выгрузили всё это на площадку седьмого этажа, где его новая квартира была. А его всё нет и нет. Куда пропал чёрт? А он бегаёт вон внизу, руками машет – оказалось, что мы подъезд перепутали и не туда вещи перенесли. Подумаешь, проблема! Перенесли куда надо. Ну, он нас отблагодарил – вручил каждому по полукилограммовой железной банке просроченного «Ундевита»!

Мы-то, конечно, рассчитывали на водку, жареную курицу и его дочь, но что поделаешь – витамины ведь тоже нужны организмам, правда ведь?

С преферансом всё складывалось хорошо. Когда наш старший увидел, что мы играем в «тыщу», он сказал, что мы совсем охуели, и немедленно открыл школу преферанса. День и ночь рубились.

С девушками всё было несколько сложнее. В Обнинске их было много. Не так, как в Иванове (давайте отдадимся этому расхожему штампу), но очень много. Из-за суровой зимы определить их красоту и привлекательность на улице было невозможно, а на всякие злчные места типа кино и кафе-мороженого денег у нас тогда не было. Нам платили, конечно, стипендию какую-то, и почти все мы работали по ночам (я, например, продавал водку в ночном ларьке на Васильевском острове напротив какого-то ресторана), но в Питере деньги уходили намного быстрее, чем тратились. В двадцать-то с чем-то лет вы не представляете, сколько в Питере соблазнов!

Но про баб я не про тех хотел рассказать.

Накануне двадцать третьего февраля – дня всеобщего ликования военных – пошёл густой снег. Я вообще не люблю зиму, и на снег у меня аллергия. Но вот когда стоишь и смотришь в окно на эти белые лопухи, которые плавно, степенно и даже как-то с философским нигилизмом планируют на землю под жёлтыми конусами фонарей, то кажется: ну хуй с ней, с зимой, пусть уж тоже будет, что ли.

– Товарищи курсанты! – врывается в это время дежурный по учебному центру. – Срочно построиться! Форма одежды произвольная!

Надо же, думаешь ты, что за бестактность такая – так нагло оборвать ваши с зимой уже вот-вот установившиеся отношения!

– Товарищи курсанты! – расхаживает дежурный в шинели, шапке и ботинках перед строем в произвольной форме одежды: в основном трусы и тельняшки. – Поступила команда начальника учебного центра! Срочно! Очистить плац! От снега! Завтра на торжественном построении ожидается делегация из Москвы!

– Так снег же идёт!

– А вы не убирайте тот, который идёт! Убирайте тот, который на плацу лежит!

Военная логика так же беспощадна, как и бессмысленна, если вы не в курсе до сих пор. А ночь же на дворе, спать все собирались... И чего-то разозлились, и как давай на плацу баб снежных лепить! И не просто там три шарика и нос-морковка с глазами-угольками, а нормальных баб, со всеми их анатомическими подробностями: сиськами, жопами и волосами в положенных местах. Налепили целую терракотовую армию, только из снега, расставили их ровными рядами на плацу и вокруг них снег убрали, конечно! Не можем же мы приказания не исполнить! Часов, наверное, до двух или до трёх содрогались в творческих конвульсиях.

А утром нас разбудил дружный хохот с плаца. Военных, которые пришли в выходной день в кортиках, белых кашне и суровых лицах на построение, встречали красивые, но холодные бабы стройными рядами на плацу.

Причём ржали все без исключения. Начальник учебного центра прибежал к нам красный от смеха и скомандовал срочное построение этих пидорасов-курсантов с куриными мозгами и спермотоксикозом вместо остальных мозгов. К тому моменту, как мы построились, он уже взял себя в руки и имел подобающе строгий вид. Хмурил глаза, сопел и прял ноздрями.

«Скачками» у нас дискотеки назывались, если вы не в курсе. Естественно, никто никого не урывал – половина из них были нашими друзьями и земляками, но вот так происходило всё это постоянно, пока перед нашим строем не выступил заместитель начальника химического факультета, по прозвищу Конь.

– Товарищи курсанты! – декларировал он, ходя вдоль строя. – Все вы по отдельности чудесные и замечательные люди, но, как только собираетесь вместе, становитесь стадом пидорасов! Я не понимаю, как такая метаморфоза возможна в нашей брэнной жизни. Кто-нибудь из вас может мне объяснить? Так я и думал, сейчас же вы, пидорасы, на плацу и обязаны выказывать мне молчаливое почтение, как старшему офицеру. Зачем? Зачем, я вас спрашиваю, вы обливаете моих курсантов всякими нечистотами? Ну, вот что они вам сделали? Да, я знаю, что вы считаете их бездельниками и разгильдяями. Но, ребята, когда вы придёте отдавать свои жизни на подводные лодки, химики придут вместе с вами и вместе с вами же будут служить вашей с ними Родине. Скажите, вам хоть стыдно?

– Сты-ыдно, – гнусавили мы в ответ.

– Не будете так больше делать?

Мы молчим – честь же факультета и вот всё вот это вот.

– Ясно. Вы все знаете, что я злопамятный, злой и ебливый, за что меня и называют Конём. Так вот – летние издевательства я ещё потерплю. Но! Если! Слушайте внимательно, бандерлоги! Если зимой хоть одна падла кинет в моего химика водой, то я лично обещаю вам полный пиздец и бессонные ночи!!! Всё понятно?

– Так точно! – хором отвечали мы.

Потом нарвали цветов и травы и в очередной раз, когда химики шли в баню, с криком «Фу-у-у! Дусты-ы!» осыпали их цветами под их недоумённые взгляды.

А вообще, внутри училища жили очень дружно. Русские, белорусы, украинцы, дагестанцы, татары, аварцы, казахи, киргизы, молдаване и евреи ездили на каникулах друг к другу в гости. Лично я за время учёбы побывал в Дагестане, на Западной Украине и в Молдавии, и у меня в Белоруссии гостило человек пять-шесть.

Выше чести факультета шла честь училища. Защищали мы её путём убегания от патрулей и периодическими стычками с курсантами училища имени Нахимова.

Выше чести училища шла честь Родины. Защищать нам её пришлось, когда училище перешло к Украине после распада СССР. Нам всем было предложено принять присягу Украине и спокойно доучиваться дальше, но большинство делать это отказались, написав рапорта о том, что присягу менять считают делом, унижающим их честь и личное достоинство. Даже половина этнических украинцев из нашей роты захотели продолжить службу в российском Военно-морском флоте, потому что атомных подводных лодок на Украине не ожидалось, а к четвёртому курсу мы уже были пропитаны этой романтикой до кончиков ногтей. Одним из первых, кстати, офицеров в училище, принявших присягу на верность Украине, был Чингиз Мамедович Джавадов.

Потом начался вялотекущий процесс по переводу огромной коды курсантов и офицеров в какое-нибудь училище России. А попутно нас начали агитировать и показывать нам, что тут мы уже как бы чужие.

Сначала была табличка. Раньше на входе в учебный корпус висела советская с военно-морским флагом СССР.

Её сняли и повесили жёлто-голубую с трезубцем. Ни хуя себе наглость, подумали мы и разбили табличку в первый же день. Табличку восстановили и выставили возле неё вахтенного. Мы табличку опять разбили. Тогда выставили вахтенного с ножом – тот же результат. Потом выставили вахтенного с автоматом, но таблички так и не приживались до нашего отъезда в Питер.

Потом был концерт.

Мы, курсанты четвёртого курса, полны здоровья и отваги, у каждого есть девушка, а у некоторых и не одна, а нам вместо увольнения и девичьих ласк предлагают пройти в актовЫй зал на концерт национального детского ансамбля из Львова. Ну, возмутительно же! Пообещали, что там всё будет чинно и закончится быстренько. Сидим, слушаем народные украинские песни. Песни хорошие, детишки поют душевно, но, знаете, в двадцать с чем-то лет девушки намного привлекательнее фольклора любого народа мира. Это сейчас при выборе между концертом и девичьей грудью я задумаюсь на пару минут и спрошу про варианты совместить всё это, а тогда даже мысли такой в голову не пришло бы. Тяга к прекрасному, если вы меня понимаете. Поэтому мы сидим все на нервах и ждём, когда же уже наконец всё это закончится.

А в конце – сюрприз. Детишки выбегают на сцену с украинскими флагами и прочей символикой, начинают всем этим размахивать перед нашими удивлёнными лицами и петь какую-то гимновую песню про «Слава Украине! Героям слава!». А ведущий при этом предлагает нам ещё встать и внимать этому стоя. Нет, конечно же и Украине слава, и её героям, но, блядь, мы же российские без пяти минут офицеры, которые явно дали понять своё намерение убить отсюда на Родину. И как-то так вышло, что из-за всей этой постоянно напряжённой ситуации и неясных перспектив мы очень дружно возмутились. Одномоментно и не сговариваясь. Конечно, взрослым певцам мы запихнули бы их символику во всякие анатомические отверстия, но дети – это святое. Моряк ребёнка не обидит.

Поэтому мы дружно встали и молча двинулись к выходу из зала. А на выходе нам зачем-то попытался преградить дорогу мичман, который уже принял присягу Украине и красовался новенькими шевронами с трезубцами. Сильно мы его не били – нас же было в сто раз больше, чем его. Просто сорвали ему погоны, шевроны и дали пару пендалей. Чуть не уголовное дело завели. Вызывали старшин классов на допросы, пугали тюрьмой за неуважение к символике, но так дело и затихло.

Последней весомой каплей в чаше нашего противостояния стал Ленин. Он стоял на входе в учебный корпус.

Сидим мы как-то вечером в аллеяке напротив Владимира Ильича и разговариваем за нашу нелёгкую долю, а на плац заезжает какой-то «ЗиЛ», цепляет к Ленину трос и начинает его сдёргивать. Ленин треснул в поясе и наклонился, но падать отказывался. «ЗиЛ» буксовал и пачкал резиной наш плац, но Ленин стоял. А под ним прямо находилась лаборатория, оттуда выскочил мичман с ломом в руках и с криками «Чтовыделаетебляуроды! У меня там оборудования на миллиарды!» бросился на троих работяг из «ЗиЛа». Естественно, мы бросились ему на помощь. Помутузили этих работяг слегка, поунижали, в основном словами, и прогнали с плаца вместе с их злополучным автомобилем. Ленину потом покрасили трещину в поясе, да так и оставили стоять.

Всякие мелочи о том, как мы дрались с украинскими патрулями и нападали на украинскую комендатуру с целью вызволения оттуда наших друзей, я опущу – всё обыденно.

А после этого случая с Лениным нас и отправили ускоренным порядком в Питер, механиков во ВВМИОЛУ⁴ им. Дзержинского, в то самое, про которое преподаватели нашей «Галоши» твердили нам все эти годы: «Запомните, подводные лодки сами не тонут! Их топят выпускники ВВМИОЛУ имени Дзержинского!» Значит, и там нам наверняка, предстоит отстаивать свою честь.

Огорчённые мыслями о том, что из солнечного и весёлого Севастополя мы едем в ссылку в серый и унылый Петербург, в клоаку по подготовке инженерных кадров военно-морского флота, мы загрузились в четыре хвостовых вагона поезда Севастополь – Санкт-Петербург. К городу Симферополю (полтора часа езды) мы уже были изрядно пьяны, махали в окна тель-

---

⁴ ВВМИОЛУ – Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище.

няшками и флагами ВМФ СССР под дружные лозунги «Вэ! Мэ! Эф!», «Ра! Си! Я!» и были готовы отстаивать свою честь не щадя, так сказать, ничего другого. Но украинские милиционеры довольно правильно оценили степень нашей пассионарности, и все перроны на территории Украины были пусты от них и бабок с семечками и пивом. В общем, честь нашу они защитили превентивным ударом.

В Питер приехали поздно вечером в субботу и с хмурыми опухшими рожами выгрузились на перрон Главного вокзала. Покурили и двинули в метро типа организованным строем. Ну уже по дороге поняли, что с девушками в Питере норм, так что всё не так уж и плохо. Вышли на канале Грибоедова.

– Обля! Нева! – крикнул кто-то. Естественно, мы остановились покурить на мосту над Великой Русской рекой. Двинули дальше, когда дошли до Мойки, кто-то опять крикнул:

– Обля! Опять Нева!

Все с подозрением покосились на сопровождающего нас офицера, чего это он нас кругами водит, совсем мы долбодятлы, что ли? Ну, остановились опять покурить на мосту над Великой Русской рекой. Там я познакомился с девушкой Машей, назначил ей свидание на завтра, но потом пропустил его из-за Кобзона, будь он не ладен.

– Чего вы курите-то каждые двести метров? – поинтересовался встречающий нас офицер.

– Ну так... Нева же!

– Долбодятлы, какая Нева... Она вообще с другой стороны Адмиралтейства! Это же река Мойка, а до этого был канал Грибоедова! Ну, серость севастопольская!!!

Ладно, «серость» мы ему запомнили. Но вслух-то сказали, что зато мы загорелые, красивые и нравимся девушкам.

Привели нас в училище через главные ворота прямо под шпилем. Завели в казарму. Мы-то с первого курса в общежитии жили, а тут – казарма! Дикие нравы, конечно. Ходит с десяток дзержинцев с хмурыми лицами. Ну, значит, надо отстаивать честь нашей альма-матери.

– Чё, – спрашиваем, – не встречаете нас? Где поляна и всё вот это вот?

– Да нельзя же нам спиртное-то в казарму приносить, – говорят.

Четвёртый курс, чтоб вы понимали! Дикие нравы, просто средневековье. Но у нас с собой ещё осталось изрядно. И кэ-э-эк давай мы там чести защищать. Они – свою, мы – свою. Это был один из двух случаев в моей жизни, когда я напился до беспамятства. Кто там кого перепил, кто чью честь отстоял – не помню. Но. Раз рассказываю я, то пусть будет, что мы, севастопольцы, и победили.

Утром разлепляю то место, где у меня должны быть глаза, и вижу, как на меня смотрит голый мужик. В шлеме и с копьём. «Ну пиздец, Эдик, – думаю, вдавливаясь в подушку затылком. – Допился!» Потом уже, когда очнулся мозг, я определил, что это же просто статуя Аполлона с адмиралтейского шпиля на меня тарачится. Ну, норм, значит, можно с алкоголем не завязывать пока что. А тут крик из предбанника:

– Смирно! Дежурный по роте на выход!

Заходит командир этой роты, ну и наш теперь командир как бы.

– Бля-я-а-а-а! – говорит. – Ну и воняет тут у вас перегарищем! Вы что, бухали, что ли, тут?

Дзержинцы стоят, краснеют, стесняются, а мы говорим:

– Да не, это мы с поезда бухие приехали.

Защитили честь наших новых друзей. Вы же это заметили, да?

– А, ну тогда ладно, – успокаивается командир под удивлённые взгляды дзержинцев. – Надо, в общем, сорок человек на концерт Кобзона отправить. Прямо сейчас.

– Каво-каво? – удивляемся мы. – Какого такого Кобзона? У него же даже подтанцовки красивой не будет, что мы там забыли?

– Ну, смотрите, – говорит командир, – или вы сейчас идёте, так как вам заняться всё равно нечем и денег у вас российских даже нет. Или я своих из увольнения отзываю от семей, девушек и собак.

Ну, конечно, мы пошли. Незнакомых друзей в увольнении подставлять на флоте не принято. Десять бабушек, две тётеньки и все остальные – военные на концерте. Сели мы подальше, кресла мягкие, удобные, ну хоть выспимся. Так мы себе подумали. Какое там. Орал этот Кобзон как бешеный, чуть до конца досидели. И так-то его не любил, а с тех пор так вообще органически не перевариваю. А ещё Маша на мосту меня так и не дождалась из-за гада этого. Правда, потом я её нашёл в Питере, две недели понадобилось, но нашёл. «Мы ж подводники – мы силачи», как в песне поется.

А потом мы опять напились, с горя. Как-то осознали, что нет больше нашего Севастополя, нет больше нашей «Галоши» и это – навсегда, а не приключение на недельку.

В понедельник нас повели на медосмотр. Докторша уж больно симпатишная была, и честь Севастополя надо было отстоять. Ну, вы понимаете.

– Покажите язык, – говорит мне.

Что за вопрос – показываю.

– О-о-о-о! – говорит она. – У вас, молодой человек, географический язык!

– Да, – говорю. – Географию морей и океанов я люблю!

– Нет, – говорит она. – Пить вам нельзя! Авитаминоз!

– Как скажете, – покорно соглашаюсь я. – А что вы делаете сегодня вечером, например?

– Вы что, севастопольцы, сговорились тут все? У вас что, женщин там в Севастополе не было? Такое ощущение, что вы с Антарктиды приехали или с Кавказа!

– Были. Но вы, прошу прощения, не ответили на мой вопрос.

– Я сейчас мазок у вас брать буду, Эдуард, в связи с вашей наглостью! – говорит она, заглядывая в мою девственно чистую медкнижку.

– Я, может, и не против, – отвечаю. – И не знаю за ваши питерские правила этикета, но мне кажется, что мы форсируем события. Я-то в кино сначала сходить планировал. Ну там, роз вам купить. И «баунти», может.

– Так! Вон отсюда! – сверкает она на меня взглядом по-над очками.

Выхожу. В коридоре очередь, все волнуются. «Ну как там?» – спрашивают.

– Подождите, ребята, – говорю я и захожу обратно: – Ну а завтра, например, что вы делаете, если сегодня заняты?

Бросила в меня ручкой. Выхожу. Делаю всем жест рукой и захожу обратно.

– Я и до послезавтра готов ждать, если что.

Она, конечно, тут же краснеет и выскакивает в коридор.

– Так, на! Ко мне больше никому не заходить! Этому (тычет в меня пальцем) сдать все медкнижки, и все свободны!

– А чё это ему? – начинают роптать юноши с так грубо попранными надеждами.

– Всё, я сказала! Все вон из лазарета!

В общем, в училище имени Дзержинского мы освоились быстро, и приняли нас там хорошо, как родных. Осознав, что нашей чести внутри ничего не угрожает, мы принялись вместе с аборигенами защищать честь училища.

Происходило это в основном в пивбаре «Висла». Стоял он тогда на улице Гороховой и пользовался у нас популярностью за недорогое пиво и аутентичную обстановку. Столы, рыбы трупы на полу, запах перегара и все в таком роде. Но нравился он не только нам, а вообще всем курсантам военных училищ. Ну и, естественно, мы там дрались! А как вы себе думали? Сидит сапог какой-нибудь и вдруг дерзко посмотрел в сторону моряков. Разве же можно было допускать такое попрание военно-морской чести? Вот и я о том же.

Драк удавалось избегать только в одном случае. Когда туда приходил один курсант из Военно-медицинской академии. Он всегда приходил с баяном и пел. Как он пел, ребята! Я, конечно, атеист, но тут по-другому и не скажешь: пел он, как бог. Я не знаю, конечно, как пел бы бог, если бы он был, но уверен, что именно так. Какой там Кобзон, я вас умоляю! Когда обстановка накалялась и вот-вот готова была излиться в очередную потасовку, он брал стул, садился посередине зала, расчехлял баян и заводил: «Дремлет прити-и-ихший северный горо-о-о-од!» (Вот точно так, как я сейчас, только красиво.) И все начинали натуральным образом собираться в круг, обниматься, брататься, и некоторые даже плакали. И военно-морская Честь, скромно потупив взор, сидела в уголке с Честью сухопутной и молча курила, обижаясь на то, что всем нет до неё никакого дела сегодня.

А ещё милиционеры. Питерские милиционеры очень любили проверять у меня документы, когда я гулял по городу в гражданской форме одежды.

- Здравствуйтесь, а можно посмотреть ваш паспорт?
- Нельзя. Нет у меня паспорта.
- Как это нет паспорта?
- Вот есть военный билет.
- А где здесь прописка?
- Какая прописка? Это же военный билет, бля!
- Так вы служите?
- Нет. Учусь. Вот же написано: «ВВМИОЛУ им. Дзержинского».
- Коллега, что ли, наш?
- Тамбовский волк вам коллега, а я – военный моряк!
- А почему училище имени Дзержинского?
- Да ебу я? У Дзержинского своего и спросите!
- Ну, спасибо тогда вам и до свидания!
- И вам не болеть.

Конечно, лично я потом влюбился в Питер так же крепко и безответно, как и в Севастополь. Ну как можно не влюбиться в город с Государственным Русским музеем внутри? Вы понимаете? Я – решительно нет. Когда я первый раз увидел Айвазовского, я часа два сидел перед «Девятым валом» и не мог оторвать жопу от скамейки или хотя бы закрыть рот от этой неземной красоты. Японские туристы фотографировали меня больше, чем Айвазовского. Потом тётяшка мне рассказала, которая зал этот охраняла. Я-то не видел ничего вокруг. И как-то боль эта острая от потери Севастополя, родного своего училища постепенно загладилась. Хотя до сих пор, когда меня спрашивают, отвечаю, что окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Хотя на самом деле оканчивал-то я уже Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Дзержинского, о чём и написано в моём дипломе. Но руководство этого училища пошло нам навстречу и разрешило значки о высшем образовании подписать «СВВМИУ», за что им ещё раз спасибо.

Память – она такая, знаете, как грампластинка. Вроде и играет ещё, а некоторые места уже так затёрты, что их и не слышно. Только шум. И ощущения.

Рассуждения о воинской чести невозможны без упоминания о противоположном поле. Девушки и женщины, естественно, покушались на воинскую честь постоянно. Как, впрочем, и военные на их честь соответственно. Борьба полов, ага. Опишу один случай, не сказать, что характерный, но довольно показательный для понимания всей глубины этой борьбы.

Два друга моих, назовём их Вася и ещё один, познакомились с двумя принцессами прямо на Невском проспекте. Слово за слово, закупили водки, колбасы, сыра и помидоров и привели их в учебный класс для более детального обсуждения влияния Гогена на поздний постимпрессионизм. Ну, как привели – через четырёхметровый железный забор с пиками перетасили. Сила искусства же, вы меня понимаете.

Побеседовав о разных течениях в европейской живописи и выпив изрядно водки, решили перейти к физическим упражнениям на свежем воздухе (форточка открыта была). Поставил Вася, значит, свою принцессу в позу пьющего оленя к столу, снял с неё, что там было снизу, и с удивлением для себя обнаружил на крестце у своего без трёх секунд полового партнёра татуировку в виде волчьей головы с оскаленной пастью. Вася был парнем отчаянным, чтоб вы понимали. Вдуть бабочке или там цветку какому-нибудь было ему абсолютно не слабо, хотя тогда это и не было ещё повсеместным трендом. Но волку? А вдруг он голодный и укусит за вот это самое место? Так подумал Вася и решил сначала покормить волка, а потом уже отстаивать свою военно-морскую честь (в половом разрезе этого вопроса). Взял Вася со стола батон докторской колбасы классического советского размера и со всего маху хлопнул его принцессе на попу. Не знаю уж, о чём там фантазировала принцесса в это время, но предпочла, ойкнув, потерять сознание на всякий случай. Что там было с волком, поел ли он, не знаю, но у людей в этот вечер ничего не получилось. Принцессу сбрызнули минералкой, привели в чувство и отпустили обеих на свободу, распространять слухи о гигантских размерах у моряков. Так что чисто технически будем считать, что честь свою моряки отстояли.

Ну и, помимо женщин, есть еще и непосредственно служба. Флот. На флоте честь свою приходилось отстаивать перманентно вообще. Вплоть до государственного уровня. А ещё наши экипажные чести нам предлагалось отстаивать на строевых смотрах. Подводники ходить строевым шагом считали моветоном и унижительным занятием для своего атомного самолюбия. Где-то примерно в области измены Родине. Если офицеры шли вместе в количестве более двух, то обязательно не в ногу. А если экипаж шёл строем, то это было больше похоже на пьяную многоножку чёрного цвета.

– Товарищи подводники! – вещал на построении дивизии дивизиыйный замполит. – Через неделю торжественный смотр строя и песни! Вы должны отстаивать честь нашей дивизии и своих экипажей, я считаю, а не позориться, как всегда! Поэтому предлагаю командирам частей усилить занятия по строевой подготовке и разучиванию строевых песен!

– Прошу разрешения! – это наш командир не выдержал. Склонил голову к плечу, а значит, зол как чёрт.

– Да, Александр Сергеевич!

– У меня через неделю выход в море для сдачи задачи и заступление в боевое дежурство. Прошу разрешения поправить нашу строевую честь в пользу боевой!

– Александр Сергеевич!!! Это неправильный подход к воспитанию сплочённости экипажа!!! Красив в строю – силен в бою!!!

Командир с удивлением смотрит на свой экипаж – ну и так же сплошные красавцы, куда уж?

– Товарищ капитан первого ранга! Нам поставлены сжатые сроки. Кроме того, я считаю необходимым дать людям отдохнуть, и я готов потерпеть их уродство в строю!

Замполит шушукается с командиром дивизии, тот машет на нас рукой, и до нас доносятся только обрывки их разговора: «...ну... мать...», «...в жопу... бля», «...год не вынимая...». После чего слово берёт командир дивизии.

– Экипаж ТК-20 освобождён от строевых занятий. Пусть позорятся перед штабом флотилии, я разрешаю. Но остальные!!! Чтоб каждый день!!! Лично буду проверять!!! Контролировать!!! И не дай бох, хоть одна падла!!!

И наша строевая честь, показав язык боевой, уходила в гости к соседнему экипажу, и те впоследствии с фуруром позорили их обеих.

А ещё честь страны. Ну а как же? Скопились, например, у страны баллистические ракеты с истёкшими сроками их хранения. Надо бы их вроде как срочно утилизировать, а денег у страны нет – все у Пугачёвой на Рождественских концертах. И приходит кому-то в голову гениальная мысль: «А давайте их утилизируем путём отстрела с атомной подводной лодки

в Баренцевом море, и пусть они там себе на дне валяются!» Американцы, конечно, тут же начинают смеяться натуральным образом, хватаясь за свои животики: «Ну как, факин шит, можно стрелять баллистическими ракетами с истёкшими сроками хранения? Это ж физически невозможно!»

«Ах вы смеяться вздумали! Над Расеей! Экипаж ТК-20! Немедленно приготовиться к выполнению боевой задачи по защите Чести нашей Родины!»

А у нас командир БЧ-2 (ракетной) был удивительно добрым человеком. Почти всегда улыбался, когда разговаривал.

– Сей Саныч, – улыбался он командиру в центральном, изучив документы, – да у этих ракет срок хранения в два раза превышен от положенного! В два! Да хуй его знает, что там вообще с этими ракетами... Может, уже и трещины в корпусе пошли!! Жопа, короче, полная в разрезе осевой плоскости!

Командир задумчиво крутил в руках шариковую ручку:

– Выбора-то нет, понимаешь. Будем надеяться на механиков, если что. Может, вытащат. Вытащите?

– Вытащим, Сан Сеич, куда же мы денемся!

И мы дважды в течение года, занимая стартовый коридор на глубине сорока пяти метров, стреляли полным боекомплектом, под изумлённые взоры американских военных наблюдателей. А Расея потому что, и нечего над ней смеяться.

Потом нас объявили лучшим на флоте экипажем по ракетной подготовке и в качестве благодарности за сэкономленные стране триллиарды разрешили нарисовать на рубке звезду с количеством ракетных пусков. Так и ездили мы потом с цифрой «51» на рубке. Командира тогда во второй раз представили к званию Героя РФ, но звезда до него опять не дошла, осев где-то в вышестоящих штабах.

– А что это у вас за цифра? – спрашивали у нас не причастные люди, тыча в звезду на рубке.

– А это внутренний телефон командира, – отвечали мы.

Обидно нам было тогда очень за командира нашего, он же честь страны своей отстоял всё-таки. В очередной раз.

Вот, в общем-то, и всё, что я имел вам сказать по поводу воинской чести на текущий момент.

Романтика

Не все неокрепшие умы знают, что такое Романтика. Некоторые, например, думают, что Романтика – это такая штука, которая поджидает их готовенькая к своему дальнейшему использованию. Идёшь ты по парку, а она сидит на скамеечке и подмигивает тебе: «Эй, морячок, не желаешь ли мной воспользоваться?»

На самом деле всё обстоит несколько иначе.

Как юноша представляет себе морскую романтику? Да очень просто. Он стоит на капитанском мостике парусника, который качается на спине Гольфстрима, в белом кителе, фуражке и с трубкой в зубах, выпуская уголком рта сизые облачка дыма. Прищулив глазёнки от ласково дующего ему в лицо муссона, всматривается в горизонт, устало игнорируя мечущихся по берегу женщин, срывающих с себя бюстгалтеры от вожделения.

Скажу вам, что жизнь приготовила для этого юноши несколько сюрпризов. И почти все малоприятные. Сначала, чтоб стать профессиональным моряком, ему надо научиться. И вот будущий морской волк из какого-нибудь Дна попадает в жаркий южный город на берегу моря. То есть, следите за моей мыслью, пожалуйста: ему семнадцать лет, а тут южный климат, море и полуголые женщины. Везде. Никто же из вас не станет спорить, что юношеская романтика связана исключительно с доминирующим желанием вдуть понравившейся девушке? А на свободу его выпускают учителя хорошо, если пару раз в месяц. Да и то какая там свобода? Денег у него нет, берлоги, куда можно привести самку для спаривания, тоже, поэтому слово «свобода» тут можно применить только в качестве издёвки. Что остаётся будущему морскому волку?

Правильно – дискотеки, которые проводятся два раза в неделю в его альма-матери. На дискотеки ходят в основном приличные девушки, которые требуют к себе применения знаний романтики: внимания, ухаживаний и долгих предварительных ласк и без всего того, чего так жаждет пассионарный организм молодого морского волка. Но бывают и половозрелые самки человека, которые желают именно того же, что и молодой морской волк. И первые два года своего обучения волк занят только охотой на эти экземпляры. Он наизусть знает все доступные помещения и все уютные заросли кустарников в ближайших окрестностях, прямо как юный натуралист. Что же здесь романтического, возможно, спросите вы? Кто не любил, тот не поймёт, дерзко на это отвечу вам я.

Начиная с третьего года обучения личная жизнь молодого морского волка начинает потихоньку налаживаться. Его уже отпускают на свободу с ночёвками практически каждую неделю. Если у него богатые родители или есть друг из местных, то жильём он обеспечен, и тут-то и приходит самая пора начинать обучаться романтике. Некоторые, конечно, к этому времени уже успевают жениться (слабаки) или снимают жильё на пять-шесть человек, но их мы рассматривать не будем. Лично у меня был друг Слава, который жил с мамой в двухкомнатной квартире. Мама часто работала по ночам или ночевала у подруг и родственников, поэтому у нас со Славой был составлен график привода девушек домой.

Однажды приезжаю домой в субботу, сменившись с наряда, а Слава сидит за роскошно (два апельсина, шоколадка и бутылка «Массандры») накрытым столом и вырезает что-то из банки из-под растворимого кофе. Слава был до ужаса добрым, обаятельным и смешным парнем. Один только недостаток присутствовал в его организме – скромность. Поэтому с девушками у него были проблемы, в которых мы всем взводом пытались ему помочь. И вот наблюдаю я, как Слава старательно вырубает из этой бедной баночки вензеля, загогулины и прочие отверстия, стелет ей на дно кусочек хлеба, втыкает в него огарочек свечи и торжественно водружает это на стол.

– Слава, а ты для чего это убище на стол поставил?

– Ну как, романтично же! Может, даст.

Вздыхаю от непроходимой неумелости ухаживания за дамами. Выбрасываю его конструкцию в окно. Беру стакан, оборачиваю его какой-то льняной тряпочкой, завязываю бечёвкой по спирали, ставлю на дно свечку и говорю:

– Учитесь, Вячеслав – крестьянский сын! Стиль «эль прованс» называется! Теперь – точно даст.

И уезжаю на дискотеку в училище, так как у Славы внеплановая вероятная встреча, а дружба у нас намного крепче и важнее желания кому-нибудь понравиться, а то и вдусть. Потому что уже к третьему году обучения «суровое братство морское» – не просто фраза.

А потом молодого морского волка переводят в Санкт-Петербург. Он уже поднаторел в общении с особями противоположного пола, натренировался в создании романтической обстановки из говна и палок и умеет бороться с природной застенчивостью. Прямо сойдя с поезда и добравшись до канала Грибоедова, он знакомится с чудесной девушкой Машей и уговаривает её на свидание на завтра, честно и открыто козыряя тем, что не замуж же он её зовёт, в конце концов, так почему бы и нет, если да? Но злобный Кобзон коварно рушит его планы, затаскивая административным ресурсом на свой концерт. Начало девяностых, чтоб вы понимали, – даже ещё пейджером не изобрели. Но если вы думаете, что молодые морские волки сдаются перед таким мелочным препятствием в достижении своего желания, как многомиллионный незнакомый город, то вы не знаете ни одного из них.

Две недели. Две недели он дежурил на двух соседних станциях метро в часы пик, хищным взглядом всматриваясь в серый людской поток, текущий как река Стикс, пытаясь захлестнуть его Мечту. Он познакомился со всеми нарядами милиции на этих станциях (так как наружность его была далека от той, которую принято надевать на славян), с продавцами шавермы (по той же причине), с продавщицами цветов (он покорила их матёрые сердца своей историей) и со всем асоциальными элементами окрестных районов. Милиционеры даже договорились со своим начальством и предлагали ему на полном серьёзе составить ориентировку на девушку и объявить её в розыск (только для своих услуга). Продавцы шавермы предлагали разослать всю свою многочисленную родню по всем заводам, предприятиям и конторам, чтоб помочь брату в поисках. А бомжи просто шарились по району и смотрели, даже не беря за это плату сигаретами.

И вот она появилась. С грустным лицом этот лучик среди туч поднимался на эскалаторе! Молодой морской волк выставил заранее условленным жестом за спину руку, в которую продавщица цветов метнула заранее отработанным многочисленными тренировками движением букет цветов, а Ашот – шаверму. Шаверма была перепасована нарядом милиции, который уже приготовился аплодировать, а Ашоту был показан жест «ну тыбля дурак, что ли?». И она, увидев молодого морского волка с букетом цветов, заулыбалась, и все вокруг поняли, что всё у них получится, и дружно вытерли навернувшиеся на глаза слёзы умиления.

А потом волк вырос, возмужал, и его посылают на флот. Близко к Гольфстриму, да, но отнюдь не на парусники. Молодой морской волк готовится отправиться за своей Романтикой, радостно повизгивая и потирая лапки. В это время с ним происходит удивительная метаморфоза: из молодого морского волка он превращается... в ещё более молодого морского волка. Это сложно объяснить, но так оно и есть. Родина в данном случае проявляет к нему некоторое милосердие и посылает его на флот летом, когда он, глядя на окрестности, думает себе: «Да не так уж всё и херово, как рассказывали».

Пейзаж, конечно, несколько однообразен, но очень красив. Грибы, ягоды, сёмга, форель, треска размером с телёнка и камчатские крабы размером с него самого. Он же не знает ещё, что только этим и будет питаться пару-тройку лет и потом всю свою оставшуюся жизнь слова «крабы», «красная рыба» и «икра» будут вызывать у него позывы к рвоте. А потом наступает ЭТО.

Это продолжается с октября по июнь и называется почему-то не Адом, а зимой. Однажды я выглянул в окно утром и, увидев снег, подумал, что, наверное, у меня аллергия на него и я скоро сойду с ума от его постоянства и обилия. Минутная, конечно, была слабость, потом прошла. Солнце, которое летом светит в окно круглые сутки, зимой не показывается вообще. Всё время ночь. Если вы никогда не жили в Полярной Ночи, то вы вряд ли меня поймёте. Наверняка подумаете, что я сгущаю краски. Но нет, Полярная Ночь – это жопа. То есть если вампиры всё-таки начнут поработать человечество, то я точно знаю, где у них будет Главная База.

Муссоны. Муссоны, конечно, дуют, но назвать их ласковыми, особенно зимой, у меня не повернётся язык, несмотря на всю мою велеречивость. Они дуют прямо в кости, с лёгкостью продувая шинель, китель, нательное бельё, шкуру и мясо. Куда бы вы ни шли, они всё время дуют вам в лицо. Как это происходит, я не знаю, но ощущения именно такие. Летом-то их ещё можно пережить, тогда они хотя бы тёплые. Но картину, когда с абсолютно сухих швартовых концов толщиной с мою ногу капает какая-то маслянистая жидкость, потому что ветер отжимной, и они при этом звенят, как струны на гитаре, я не забуду никогда. Как не забуду и ощущение, когда ты не можешь выскочить из рубки на палубу, потому что ветром тебя задует обратно, словно какой-то фантик, а не целого офицера военно-морского флота. Те, кто меня видел, подтвердят, что мужчина я не маленький. А выползал из рубки на четвереньках. И командир выползал. И старпом. И Павлов Андрей Борисович выползал, мастер спорта по вольной борьбе, между прочим.

Гольфстрим. Он, сука, есть и протекает неподалёку. Из-за него никогда не замерзает море и влажность даже зимой зашкаливает. Из-за Гольфстрима и муссонов при минус 25 градусах зимой в гарнизоне объявляется сигнал «Холод-1» и запрещается выходить на улицу. Хотя уже при минус 15 ты ловишь себя на мысли «сукапиздецкакжехолодноблядь».

– Борисыч, ты куда пошёл?

– На пирс поссать схожу.

– Палку взял?

– Струю от конца отбивать? У меня там стоит.

Отрывок будничного диалога.

Брызги в лицо. Подводная лодка «Акула» высотой двадцать семь метров, из них над водой в среднем пятнадцать. И если вам в лицо брызгает море, то вы привязаны к мостику цепью, и главная ваша задача – не выбить себе зубы об ограждение рубки. А если ещё и зима, то ваши волосы в носу слиплись в ледяные комки, и дышите вы ртом через ледяную шайбу горла водолазного свитера, натянутого на лицо.

Качка. Если вы думаете, что подводные лодки не качает, то очень глубоко заблуждаетесь. Когда подводная лодка на поверхности, её вообще швыряет, как щепку, из-за особенностей обводов. И под водой её тоже качает! А подводную лодку «Акула» из-за длины в сто восемьдесят метров качает ещё сильнее и продолжает качать некоторое время после того, как шторм закончился. Инерция, мать её. А вы же помните, что морской волк родом, например, из Дна. Вот откуда ему знать, есть у него морская болезнь или нет? Он же и моря-то никогда не видел, а только мечтал о нём. И в итоге из двухсот морских волков на борту на приёмы пищи ходит человек семьдесят или восемьдесят, остальные в это время блюют. В каютах, в гальюнах, в умывальниках и на боевых постах в заранее заготовленные ёмкости. На завтрак и обед им можно не ходить, а вот на вахту – нельзя. К счастью, оказалось, что у меня морской болезни нет, и я на завтраках обжирался колбасой и маслом, а на обеды набивал брюхо исключительно котлетами, вознося хвалы Посейдону.

Женщины. После обучения в Севастополе и Санкт-Петербурге с россыпями и созвездиями фемин везде в закрытом гарнизоне с этим, конечно, форменная беда. Нет, к этому времени морской волк уже понимает, что женщины не срывают с себя бюстгалтеры от одного его

вида, и снимать их ему приходится самому. Но было бы с кого снимать. А тут практически все женщины – жёны боевых товарищей или их дочери. Немногочисленных гарнизонных блядей лично я в расчёт не беру – всегда ими брезговал, да и никакого охотничьего азарта. Чужих жён, кстати, тоже. Никогда не заводил отношений с замужними дамами, это один из моих принципов жизненных. Некоторые женщины свободного полёта и в разведённом состоянии работают, конечно, в штабах и береговых базах, но, блин, я ни разу не смог столько выпить. А вот историю одну вспомнил.

Пришли с автономки, и у нас осталась куча мяса. Мясо было нарублено на равные доли и запаковано по дуковским⁵ мешкам. На каждый мешок была наклеена бирка: «Павлов», «Овечкин», «Макаров». Но вахта же на подводной лодке несётся постоянно, несмотря ни на что. И вот приволакиваю я этот мешок мяса с биркой «Павлов» его жене Ларисе. Лариса внимательно смотрит на кровавую говяжью четверть с биркой и говорит:

– Ну наконец-то. Хоть поживу в своё удовольствие. Доча! Папа с моря вернулся!

Шутила, конечно. На удивление дружная семья у них была. Я даже иногда им завидовал.

А ещё – товарищи. Они постоянно гибнут и умирают. Они горят, тонут, калечатся или сжигают свои внутренности палёным спиртом. Или просто падают с груши и разбивают себе голову, когда собирают урожай в долгожданном и редком летнем отпуске. Но таких товарищей, которых я приобрёл на флоте, я больше не встретил ни разу за всю свою жизнь. Мы всё делали вместе: перевозили друг друга с квартиры на квартиру, скидывались едой для тех, у кого были дети, веселились, горевали, воевали, ели, курили, ходили по бабам в Северодвинске и Оленьей Губе... Дружба наша была непрерывной, круглосуточной и безвозмездной. Могли бы и умереть вместе, но нам повезло.

Где же тут Романтика? Вы не поверите, но в КАЖДОМ СЛОВЕ. В конце концов, морской волк понимает, что все его представления о морской романтике были смешны своей наивностью и примитивностью. На самом деле всё гораздо красочнее и грандиознее.

Тяжёлая мужская работа, лишения и Смерть за плечом приносят в его жизнь такую Романтику, о которой он и мечтать не смел. Настоящую, если вы понимаете, о чём я. Не каждый, конечно, может это выдержать.

Но кто смог, тот меня поймёт.

---

⁵ ДУК – устройство для удалений контейнеров.

По системе Станиславского

Столкнулся тут несколько раз с каким-то непонятным недопониманием того, что все офицеры военно-морского флота – это люди с высшим образованием. И ещё больше люди не понимают, как офицеры его получают-то, если они вроде на службе всё время, и откуда у них тогда дипломы берутся государственного образца. Сейчас расскажу вам одну историю, вспомнилось тут.

Офицеры не сразу рождаются офицерами, а обычными на первый взгляд детьми. Потом они растут – как все, ходят в школу и даже, может, и не сразу хотят стать военными, а тем более моряками. Как все нормальные дети мужского пола, они сначала хотят стать космонавтами или пожарными, а потом юристами или программистами, а может быть, и вовсе директорами заводов. А потом они начинают читать всяких капитанов Бладов, смотреть фильмы про секретные фарватеры. И в их не заматеревших ещё душах начинает зреть Мечта, обильно сдобренная неуёмной юношеской фантазией, и вырастает она до каких-то невиданных масштабов и приводит в военное училище. В военно-морское, конечно, если романтика прямо из всех щелей сквозит, даже тех, которые прикрыты нижним бельём и шапкой.

В военно-морском училище эти дети сразу начинают служить и учиться одновременно. То есть особенно в первые два года из пяти (а четырёхлетнее высшее образование мы в расчёт брать не будем, как неполноценное для нормальной жизни) курсанты живут примерно как солдаты в армии, с той только существенной разницей, что «солдат спит – служба идёт», а курсант в это время ещё с головой окунается в получение высшего образования. Высшая математика и всё прочее складывается со стояниями в караулах, уборкой территорий, учениями и даже чисткой картошки. Вот, например, заступаете вы на дежурство в хозяйственный взвод. Естественно, идёте туда только после того, как у вас закончились все занятия и прошла самостоятельная подготовка, то есть поздно вечером. И приходит вас в скользкую кафельную комнату пятнадцать человек, а вас там ждёт пара тонн картошки, которую нужно начистить на всё училище на завтра. А машина для чистки картошки почти всегда не работает.

Ну, картошке-то всё равно, вы же понимаете, она лежит в предвкушении ласк юношеских ладоней и сама себя чистить не собирается абсолютно. И вот садитесь вы кружком с ножиками на стульчики, ставите лагуны и начинаете. Сначала, конечно, даже весело. В магнитофоне играет группа «Кино», вы травите анекдоты и тренируетесь подкалывать друг друга за малейшие проступки и неловкие ситуации. Но это первых часов пять-шесть. Потом, конечно, становится грустно, скучно и хочется спать даже больше, чем ебаться (уж простите, но более подходящего по глубине трагизма сравнения тут и не подобрать). И так продолжается до шести утра, например, а один раз до полвосьмого даже было.

И что, вы себе думаете, делают эти юноши дальше? А я вам скажу – идут на занятия, а первые две пары у них высшая математика. И вот приходит к ним в класс маленькая сухонькая пожилая женщина, которая так-то преподаватель высшей математики с какой-то там учёной степенью, и смотрит на них из-под своих очков, и видит пятнадцать зомби с красными глазами и бледными лицами, и спрашивает у старшины класса:

– А что случилось-то? Война, что ли, была ночью?

– Так точно! – отвечает ей наш старшина класса Антон. – Воевали с корнеплодами до семи тридцати! Но мы победили, не волнуйтесь!

И пожилая учительница смотрит на свой конспект и план занятия, на наши тела, которые – даже без очков видно, что без мозгов, и говорит:

– Идите в роту спать, потом наверхстаем.

Ну, вот как было не расцеловать от восторга эту дивную женщину?

Но кроме всего этого мелочного ещё же и тяга к прекрасному есть! И я не только о девушках говорю сейчас, с ними-то всё понятно, пассионарности молодых и здоровых мужских организмов позавидовали бы и монголо-татары образца тысяча двести тридцать шестого года, это же и так всем ясно. Я говорю сейчас о тяге к искусству. Хотя всё-таки к девушкам она была сильнее, чего уж тут.

Мы тогда на втором курсе военно-морского училища учились, когда в Севастополь приехал «Сектор Газа». Группа легендарная в те времена, кто не знает – сам дурак. Пропустить концерт классиков российского панк-рока не представлялось возможным, и мы с другом Славой купили билеты. Накануне подходим к командиру роты и объясняем ситуацию, просимся у него во внеочередное увольнение для повышения своего культурного уровня. Он, естественно, интересуется, что за группа такая, какие песни поёт и достойно ли вообще будущему цвету нации посещать их. Мы ему рассказываем истории, что это вокально-инструментальный ансамбль, поёт в основном о любви, но есть и про Родину пара песен, про голубей там...

А был у нас Дима один – молдаванин с такой смешной фамилией, что его даже не дразнили ей – она была настолько смешная, что и дразнить было не смешно. Дима был хорошим, добрым парнем, но, как и любой подросток в семнадцать лет, хотел казаться крутым. Поэтому сразу объявил нам, что, вообще-то, у него в школе было прозвище Рысь – за его дерзкий характер и общую охуенность организма в целом. Ну, окей, сказали мы Диме и начали тотчас называть его Одноухая Рысь, так как одно ухо у него было порвано в детстве, неправильно срослось и смешно торчало вбок. Прозвище к нему приросло так сильно, что даже командир роты его так называл периодически.

Один недостаток был у Димы – он почему-то решил, что обязательно должен выучиться играть на гитаре и петь. Пел он плохо, играл фальшиво, но тренировался без устали. Естественно же, на чём он тренировался? Ну, конечно же, на песнях «Сектора Газа». Днями и ночами он сидел на подоконнике в умывальниках и пел. Ну, это он так думал, что пел. Заходит ночью в роту командир, который стоит дежурным по факультету, а среди общей звенящей тишины из галлюна доносится бреньканье гитары и рысиный голосок.

– Чтобля? АПЯТЬ? – возмущается командир и идёт в умывальники.

– Дмитрий! – орёт он ещё в коридоре. – Что за вакханалия после отбоя?!

Дима выскакивает с выпученными глазами в центральный проход:

– Я какал, тащ командир! У меня что-то с желудком!

– А, так это ты срал! А я уж подумал, что поёшь опять! Ну-ка, марш в койку, Флуераш недоделанный!

И вот, значит, вызывает его к себе, не веря нашим честным, как озеро Байкал, глазам, командир и спрашивает: а знаешь ли ты, Одноухая Рысь, песни ВИА «Сектор Газа»? Естественно, Дима их знал. Мало того, он кроме них вообще ничего играть не умел, а тут ещё так обрадовался такому неожиданному феерическому своему успеху, что не обратил внимания, какие страшные глаза мы ему показываем... Командир просит его исполнить какую-нибудь композицию, например, про любовь. Дима же рад стараться, забабахивает ему песню «Носки». Ужасно, конечно, в исполнении Димы. Командир бороду почесал и говорит: ребята... идите-ка вы... со своим концертом...

Ну, мы же моряки, чё. Отсутствие официальной бумаги не помеха в достижении поставленной цели. Приехали к Славе домой переодеваться. Решили, вполне логично, что там на концерте будут же одни панки и в нашей обычной одежде идти туда можно, но вряд ли это будет полезно для нашего здоровья и красоты. Сахарным сиропом наставили себе ежей на головах, оделись в какую-то рвань, найденную во всех закутках, по соседям ещё прошлись, старую одежду спросили, цепочек на все места себе навесили, даже от унитаза цепь мне на джинсы его старшего брата пошла. Оценили себя: не, ну как на картинке красавчики, на!

По дороге купили бутылку пива и прополоскали ей обильно зубы, чтоб, значит, и пахнуть, как панки. На одежду пивом побрызгали для аутентичности аутфита.

Подходим к Дому культуры рыбаков, руки в карманах, в зубах беломорины фабрики имени Урицкого, матюгаемся, плюёмся, как верблюды, – в общем, всё по системе Станиславского.

И замечаем неожиданно, что вокруг нас абсолютно нормальные люди: в костюмах, платьях, на крайний случай в свитерах, и все шепчутся и на нас культурно так пальцами показывают – смотрите, панки пришли. Я ещё никогда в жизни так сильно себя дураком не чувствовал, – и девчонки вон красивые стоят, а мы – как два упыря из канализации. Пока свет не выключили, не очень уютно было – из образа уже не выйдешь, будь он неладен, этот Станиславский! А потом нормально – у нас даже пара дам автографы взять пытались, так мы похожи на панков или там рок-звезд были.

Так что хочу сказать, не сомневайтесь – нормально мы там высшие образования свои получали, как положено студентам: с пьянками, вакханалиями и прочими приятными моментами бурной юности. Только в отличие от студентов мы ещё параллельно вырабатывали и ту штуку, которую все называют «флотской смекалкой» и не совсем понимают, откуда она берётся вдруг у бывших школьников.

Медленный газ

Встречаете же вы в жизни таких людей, которых в простонародье называют «тормозами»? Вот не то, что подвис человек на секунду-другую, как бывает, я думаю, со всеми. Типа: «Ну я знаю, что дважды два – четыре, а вдруг пять или восемь, например?...» А потом отвис такой: «Тьфу ты, ну конечно же, четыре!» А таких, настоящих, что тормозят постоянно или, как ещё говорят, «находятся на втором канале»?

Я когда увидел Пашу в первый раз, подумал, что просто он такой позитивный человек: маленький, квадратненький, с торчащими розовыми ушами, толстыми короткими пальчиками, увенчанными круглыми ногтями, маленькими глазками, но позитивный. Ну а как ещё можно было представить, если в момент всеобщего угрюмства ста человек один стоит и улыбается? Нас только зачислили в военное училище, заставили всех подстричься почти налысо, забрали нашу гражданскую одежду, выдали тельники, прогары, робу, пилотку, гюйс и выгнали на улицу на построение всей нашей новой ротой.

Момент этот, конечно, шокирующий. Все сразу потеряли признаки внешней идентификации: кто-то только что ходил в бананах и футболке с Цоем, кто-то в джинсах и красной рубашке, а кто-то и вовсе в брюках и чёрных туфлях с белыми носками; у всех разные причёски и взгляды разноцветных глаз, а тут раз – и все одинаковые! Нет, потом идентификационные признаки вернутся: кто-то храпит, кто-то чавкает, кто-то не выговаривает звук «л» (и так ржачно, когда они вдвоём начинают спорить, кто же из них не выговаривает больше: «Ну, скажи уиковые уапти». – «Ну, уиковые уапти, и что!» – «Да то, что ты, уошара, даже уиковые уапти сказать не можешь!»). А кто-то и вовсе жадный гондон, но это потом, а сейчас-то все как двое из ларца, одинаковы с лица, только не двое. И ещё новая военная форма – она ужасно воняет! Юфтью с прогаров, мануфактурной краской, хлопком и ещё хрен знает чем, но это хрен знает что крайне ядовитое и резкое, даже вороны на ветках тополей отсели от нас подальше, чтоб у них головы не кружились. Ну, вот кто в такой момент будет улыбаться, когда впору зареветь? А Паша – улыбался. Вот, думаю, как сильно, наверное, человек мечтал об этом дне, что даже весь этот метафизический акт перерождения из человека в личинку военного моряка не выбил его из колеи!

Это уже позже стало понятно, что Паша улыбается почти всегда, потому что он просто тормоз. Историй про него масса, но все же не расскажешь, поэтому расскажу самые характерные, чтоб вы понимали всю, так сказать, глубину.

Стою это я, значит, как-то дневальным по роте. На втором курсе дело было, ближе к концу. Время послеобеденное, и поэтому в общежитии нашем на четвёртом этаже – никого. Все же на самоподготовке должны до ужина сидеть в учебном корпусе в своих классах и самоподготавливаться. А при этом их ещё периодически проверяют командиры взводов, старшины рот, командиры рот, дежурный по факультету, дежурный по училищу и представители строевой части на предмет того, как они там самоподготавливаются: с должным ли старанием и в тетрадках или опять самолётики бумажные, бляди такие, в окно пуляют и смесь для детского питания «Малыш» через бумажные трубочки сосут? Стою, руки в карманах (готовлюсь же уже начинать борзеть на третьем курсе), чешу... э... штык-нож на поясе, как в роту заходит Пашечка с книжечкой и тетрадкой в руке.

– Есть кто? – улыбается мне Паша, имея в виду, есть ли кто из начальства.

– Я есть, – говорю.

– Не, тебя-то я вижу, а из начальства-то есть кто?

– Паша, да я понял, что ты хочешь у меня спросить, ещё до того, как ты рот открыл. Вот я тебе и отвечаю: какого ты в роту-то припёрся? Я ж не должен тебя пускать.

– Эдик, да я на пару минут буквально, надо ручку взять!

Ну вот как можно так бездарно врать, скажите на милость? Но дело уже к смене с вахты, махнул я на него рукой, иди, мол, друг мой ситный. И Паша юрк к себе в каюту и дверь, слышу, сука, на замок закрыл. И аккуратно как только замок щёлкнул, в роту заходит наш командир.

– Так! – поднимает руку командир. – Я шёл за ним от самого учебного корпуса, поэтому даже не начинай мне пиздеть, что его тут нет! Я специально стоял на два пролёта ниже и ждал, пока он зайдёт! Где он?

А общежитие наше представляло собой длинный и абсолютно ровный коридор с каютами по обе его стороны, то есть как бы не увидеть, куда пошёл Паша, было даже в теории невозможно. Но я всё-таки попытался.

– Туда куда-то пошёл! – бодро доложил я и мотнул головой вправо.

– В нору в свою, значит, уполз... Понятно!

И командир решительным шагом марширует к Пашиной каюте, радостно напевая: «Молодцов, Молодцов, насую тебе я в жопу огурцов!»

Толкает дверь его каюты и удивлённо смотрит на меня, типа «он что, вообще охуел, ещё и дверь закрыл, несмотря на строгий запрет?». Я в удивлении развожу руками во все стороны и старательно делаю вид, что не понимаю, как можно быть таким нахалом.

– Молодцов! – орёт командир с заметно ухудшившимся настроением. – Ну-ка, открой дверь!

Тишина.

– МАЛАДЦОВ! – тарабанит командир в дверь каюты кулаком. – Открывай! Блядь! Двери!

Тишина.

Командир смотрит на меня ненавидящим взглядом. Я киваю головой, что он там, ну а куда ему деться с четвёртого этажа пятиэтажного здания?

– Молодцов! – командир стучит в дверь ногами. – Открывай по-хорошему! Последний шанс тебе даю остаться в живых!!!

Тишина.

Командир подходит ко мне, снимает фуражку, аккуратно ставит её на тумбочку, смотрит на меня снизу вверх (а он у нас м-а-аленький был с большо-о-о-ой бородой).

– Снимай, – говорит, – бескозырку.

Чё, думаю, бить, что ли, будет? Ну, снимаю, кладу рядом с его фуражкой на тумбочку.

– Топор есть? – спрашивает командир.

– Никак нет!

– Ну, пошли тогда так двери вышибать, раз нет.

Дверь попалась крепкая. Уж как мы только её не били. И каблуками под замок (как в кино), и плечами, и вместе ногами – грохот стоял, мама дорогая! С первого этажа прибежал дежурный спросить, всё ли у нас в порядке и не надо ли вызвать пожарный расчёт или санитаров. Потом вышибали дверь втроём, уже с ним. Орали, конечно, перманентно слова «Паша», «сука» и «открой». Ну, вышибли, само собой, в итоге эту дверь.

Когда пыль от штукатурки немного улеглась, то мы наблюдали такую картину: каюта три на три метра, пять аккуратно заправленных кроватей, перед окном стоит стол, за столом сидит Паша и что-то пишет в тетрадку.

Командир покашлял – ноль реакции. Дежурный по факультету покашлял – ноль реакции. Я покашлял уже так, на всякий случай.

Командир сходил, надел фуражку, вернулся и, подойдя к Паше, рывкнул:

– Курсант Молодцов!

– Ой, – медленно повернул на командира свои голубые глазки Паша, – тащ командир! А я и не заметил, как вы вошли, так заучился!

Дежурный по факультету заржал и ушёл. Я очень старался не заржать. Командиру было не смешно:

– Молодцов. Ты когда в увольнении был последний раз?

– Недели две назад.

– Хорошо ходил?

– Нормально.

– Так вот, Паша, хорошенько воскреси в памяти все детали этого последнего твоего увольнения в этом учебном году!

– Ну... я, это, пошёл сначала...

– Не надо, Молодцов! Это было фигуральное выражение, которое должно было тебе намекнуть, что ты лишён всех увольнений до самого летнего отпуска!

– А я думал, вам интересно.

– Ну... блядь.

Командир закатил глаза под козырёк фуражки, развернулся кругом на каблуках и выскочил из каюты, по дороге успев наградить меня нарядом вне очереди.

Это не самый яркий случай, но очень показательный для того, чтобы вы понимали всю глубину и длину волн Пашиного Космоса.

Морковь

Вы же помните, те из вас, кто достаточно взрослый, чтобы это помнить, засилье всяких сект, групп и кружков по саморазвитию никчемной личности человека в середине девяностых? Чумак с Кашпировским – это была только вершина айсберга, а основная масса его скрывалась от глаз в подворотнях, тёмных аллеях и скверах, жутко подсвеченных жёлтыми пятнами фонарей. Только, бывало, заманишь туда принцессу хитростью и витиеватыми речами в надежде посадить её на коленки и погладить спину, как обязательно к тебе подшмыгнёт какая-то тёмная личность, укутанная в плащ и запах нечищенных зубов, и прошепчет:

– Пссс. Парень! Связь с космосом можем научить устанавливать тебя за недорого! Святой Отец и Всевышний Жрец Космоса Василий Задунайско-Таврический как раз проездом в нашей юдоли печали и серости!

Конечно, ты не хочешь! Ты хочешь целоваться, а не связываться с космосом! Но это ты, а ведь некоторые люди как раз желают связаться. Таким, например, был и Паша из прошлого рассказа. Он очень тяжело учился, часто стоял в нарядах и поэтому редко бывал в увольнениях, но зато практически после каждого притаскивал в роту какую-нибудь заразу. Причём зараза эта поглощала его мозг полностью, как девятый вал – плохо подготовленных моряков. Мой мозг к тому времени был уже изрядно занят многими философскими и мировоззренческими проблемами, которые с большей или меньшей степенью, но охотно занимали его в периоды некоторого бездействия. В ту пору там уже жили Айвенго и капитан Блад, Ильф с Петровым, Зощенко, Чехов и Стивен Кинг. Да что там, даже У. С. Моэм уже совершал робкие попытки там поселиться.

А Паша художественную литературу не уважал абсолютно, даже на разрыв читаемые всеми «Черви» на первом курсе военного училища поглотили Пашу буквально на три-четыре минуты. Думаю, мозг его жаждал каких-то знаний кроме технических, и внешний мир подкидывал их ему со свойственной изошрённостью и коварством внешнего мира по отношению к девственному разуму. Сначала это была морковь.

– Эх, ребята! – радостно улыбнулся Паша на завтраке, вернувшись из очередного увольнения. – Неправильно вы питаетесь!

– Конечно, – подтвердил Вася, намазывая тонкий прямоугольник белёсого масла на кусок ноздреватого сухого хлеба. – Хочется-то мяса, а едим какие-то противные душе комбижиры.

– Не в этом дело, – встрепенулся Паша, как будто Вася попросил его подробнее рассказать доктрину правильного питания. – Нужно есть витамины из земли! В них вся сила! Морковь! Нужно есть морковь!

– Ага, – согласился Вася, – я тогда масло твоё доем, оно же точно не из моркови.

– Конечно! Я вчера на занятии был в группе по правильному питанию. Там доктор наук один выступал. Он рассказал теорию, что вообще питаться можно одной морковью, и тогда сил будет в сто раз больше, чем если мясо есть и масло! Морковь же – она в земле растёт!

– Картошка тоже. И лук.

– Ну не-е-е, в картошке один крахмал, а в луке вообще ничего нет! Только морковь!

– Почему?

Паша задумался. Видимо, буфер его был переполнен идеей с морковью, и обоснований он точно уже не помнил.

– Я не помню! – честно сказал Паша. – Но я купил у профессора книгу и сейчас начну её изучать! Вот посмотрите!

Паша гордо показал нам сшитый свиток из серых листов.

И мы посмотрели, конечно. Паша забросил учёбу и засел за изучение научных трудов по моркови какого-то наверняка широко известного профессора. А ещё он перестал есть и пить

что-нибудь, кроме моркови. Он ел морковь, пил морковь, разговаривал о моркови и носил её с собой везде.

– А ты чего тут стоишь? – подозрительно спросил у него командир примерно через неделю после начала этой морковной вакханалии. – Почему на камбуз не заходишь?

А Паша же не ел ничего, поэтому по команде «Справа по одному – шагом марш!» резонно решил, что ему лучше постоять на крылечке и похрустеть морковкой на свежем воздухе, чем вдыхать в себя пары животных белков, отравляя тем самым свой нежный организм.

– А я на диете, тащ командир!

– Что? Молодцов, отказ от пищи есть акт воинского преступления! Ты попутал, что ли? На какой диете? Шагом марш за стол!

С тех пор Паша ходил на все приёмы пищи и радостно хрустел морковкой, пока все ели макароны по-флотски и обсасывали кости из супа. Не, мы пытались с ним поговорить, конечно, и объяснить, что он долбоёб. Но если вы не подозрительный профессор из подворотни в Инкермане, то у вас не было шансов убедить Пашу хоть в чём-то. Даже преподавателям высшей математики это удавалось не с первого раза, не то что презренным поглотителям пищи!

А потом Паша начал менять цвет.

Если бы я не видел этого сам, то вряд ли поверил бы, но было именно так – Паша становился морковным. Его кожа стала оранжевого оттенка, белки глаз и даже ногти постепенно приобрели лёгкий морковный оттенок. Если бы его короткий, светлый ёжик волос на голове кто-то покрасил в зелёный цвет, то люди на улице начали разбегаться бы в ужасе при виде ходячей моркови, в которую Паша и превращался.

– Не понял, – удивился командир, вернувшись из отпуска и проводя очередной строевой смотр, – а это что за хуйня?

И все – командир отделения, заместитель командира взвода, командир взвода и старшина роты – начали дружно смотреть в ту сторону, в которую указывал командирский палец. В той стороне стоял Паша и радостно улыбался белыми зубами в пожелтевших дёснах.

– В смысле? – не выдержал первым старшина роты. – Это Паша Молодцов, и у него всё в порядке с формой одежды.

– Почему он такого цвета? – уточнил командир смысл фразы «Что за хуйня?».

– Так он же одну морковку жрёт! Мы уже и привыкли!

– Так. Слушать сюда. Мне это не нравится! Я не буду приводить аргументы и обосновывать своё мнение, а перейду сразу к выводу, чтоб сэкономить наше время. Молодцов!

– Йа!

– Головка торпедная! Если ты немедленно не прекратишь страдать хуйнёй и не начнёшь употреблять пищу, то я отчислю тебя из училища к херам собачьим ещё до конца этого семестра, в чём даю тебе моё твёрдое командирское слово! Верить мне?

– Так точно!

– Хрусти морковью сочно! – тут же скаламбурил старшина роты.

– Товарищ мичман! – строго посмотрел на него командир. – Я не вижу поводов для шуток в том месте, когда молодой долбоёб губит своё здоровье!

– Виноват, тащ командир! – абсолютно без виноватых интонаций в голосе отрапортовал старшина.

Паша пару дней помучился, выбирая между морковью и высшим образованием, и сделал выбор в пользу второго. К нему довольно быстро вернулся прежний цвет кожи, но тяга к новому и неизведанному его не оставила, и в следующем увольнении на пристани в Голландии его поджидал Космос.

Поэтому помните – морковь опасна! Впрочем, намного опаснее полупустой мозг, который найдёт чем себя заполнить, если вы не будете заполнять его нужными и полезными знаниями. А если вам не повезёт так, как повезло Паше с грубоватым, но справедливым и забот-

ливым непререкаемым авторитетом в лице командира, то совсем и не такой весёлой может оказаться ваша история.

Тополя

Мне очень не повезло со словом «космос». Вот вы что представляете, когда слышите это слово? Ну, что-то же серьёзное наверняка, например бездонные пространства, полные мерцающих звёзд, кинотеатры, музыку или Юрия Гагарина. А я сейчас опишу картину, которая сама по себе всплывает в моём мозгу при слове «космос». Конечно, я её тут же прогоняю и немедленно заменяю чем-то торжественным и непостижимым, но тем не менее первое впечатление у меня прочно занято Пашей и тополями.

Паша после случая с морковкой не успокоился, конечно, и не начал активных поисков того предмета, который мог бы заполнить его мозг. Паша по-прежнему оставался девственно чист в духовном плане и абсолютно открыт для любых новых идей. Но, сами понимаете, путные идеи на дороге не валяются, поиски их могут занимать долгие месяцы и годы. А идеи пустые, но звучные своей привлекательностью, – только свистни (ну или, например, выйди на пирс, чтоб поехать на катере в увольнение). Паша не был дураком в широком понимании этого слова, но был классическим «тормозом». К этому быстро привыкли и даже перестали над ним потешаться, потому что удовольствия это не приносило, а в итоге становилось даже как-то неудобно смеяться над ним. Вот у каждого же человека есть определённое чувство юмора, но оно тоже развивается с годами, то есть сейчас вы вряд ли будете смеяться над теми же шутками и шутить так же, как делали это в двенадцать лет. Я на это надеюсь, во всяком случае. И все из вас, особенно те, которые находились в сугубо мужских коллективах, проходили этапы грубых одноклеточных шуток, которые вроде как и не смешны, но все смеются, потому что смеяться же хочется. Это из разряда, например: «молчишь – в жопе торчишь; отозвался – в жопе остался» – ну что смешного? Вроде как ничего, а при должной подаче все смеются. Или вот сидите вы, едите, мимо вас проходит ваш боевой товарищ и говорит «приятного» и как бы делает паузу, вы, конечно, на автомате отвечаете «спасибо», а он как бы продолжает свою фразу «...хуя в жопе». Вот сколько раз можно попасться на такую шутку? Ну, два максимум – один раз по незнанию и второй по невнимательности. А вот Пашу на эту шутку можно было ловить хоть каждый день. И это очень быстро надоедало, но не потому, что Паша обижался или ещё чего, а просто потому что каждый раз Паша начинал объяснять, что это не считается, потому что он ответил «спасибо», думая, что ему желают приятного аппетита. Как будто никто этого не знал и не строил шутку именно на ожидании такой вот реакции. Причём вот подходит он к тебе:

– Слушай, Эдик! Так это же не считается, что меня подьбнули!

«Блядь, – думаешь ты, – о чём он вообще говорит?»

– Я же думал, что мне Дима приятного аппетита желает, и поэтому так ответил!

Так часа два же уже прошло! Даже Дима уже забыл, что он так шутил над Пашей!

– Понимаешь, Паша, так шутка на том и основана, что ты именно так и подумаешь, а человек вроде как совсем и не это хотел сказать, но просто ты его не дослушал, а перебил.

– Так я его не перебивал! Он же замолчал!

– Как бы перебил, Паша, как бы.

– Так а шутка-то тогда в чём?

– Это шутка, Паша, как её можно объяснить?

– Нет, ну я хочу понять!

– Ой, Паша, мне пора, а то я на пару опоздаю!

Или этот прикол с пальцем, который якобы в жопу засовывают. Ну, когда человеку завязывают глаза, просят напрямч указательный палец и засовывают его в локтевой сгиб товарища, а потом развязывают глаза, и другой товарищ, который стоит спиной, натягивает штаны на свою жопу. Ну да, это тупо, но довольно весело со стороны смотреть на реакцию людей. По-

разному люди реагировали, даже драться лезли, но только один Паша гордо кричал: «А я не напрягал палец! А я палец не напрягал!» – как будто именно это здесь всё и решало.

И, конечно, вот такого вот Пашу Космос не мог отпустить из своих объятий. Космос поджидал его в виде девушки, которая стояла на пирсе перед катером и раздавала листовки примерно следующего содержания: «Космос окружает вас! Вы ничего не знаете о Космосе! Космос – это энергия! Всего лишь два дня! На семинарах московского профессора мы научим вас пользоваться космической энергией и достичь небывалых вершин в своём развитии! Ваша жизнь станет подчиняться вам! И всё это довольно недорого!»

У девушки было две руки, две ноги и одна голова, то есть для курсанта второго курса военно-морского училища она уже была симпатичной, и поэтому, когда Паша задержался возле неё в то время, как мы дружным стадом заполняли катер, мы даже обрадовались, подумав, что он наконец-то себе девушку нашёл! Но потом, когда катер так и ушёл, не дождавшись Пашу, мы смотрели, как они стоят на пирсе, и девушка машет руками, всё время тыча пальцем в небо, а Паша заворожённо слушает её, открыв рот, Вова сказал:

– Морковь-два.

– Морковь возвращается! – добавил кто-то.

Ну сказали и сказали, но на самом деле мы не оценили, насколько Космос опаснее моркови!

– Ребята! Вот вы же ничего не знаете! Мы же все из Космоса энергией питаемся! – увлечённо пытался рассказать потом кому-нибудь Паша.

– Да ладно? А мы думали, что прямо в космосе и живём!

– Это не тот космос! Учёные вас обманывают! Настоящий космос – это энергия! А мы – его дети! Вы не умеете питаться его энергией и заряжаться, а я уже почти научился! Скоро даже смогу материализовывать свои желания!

– А пиво и девок сможешь?

– Да что вы всё о низменном! Это же Космос!

– Так, Паша, иди отсюда.

Сначала сеансы поглощения энергии из космоса были редкими и не обращали на себя внимания. Ну зависает Паша иногда и зависает себе. Его и так-то сложно было понять, а тут и подавно. Для связи с Космосом Паша использовал какие-нибудь подручные предметы, например кусочек фольги, который он носил под пилоткой, или деревья, так как его уровень владения космической энергией был ещё невелик и без антенны обойтись он пока не мог. Сначала мы подкалывали его, спрашивая, скоро ли ему выдадут световой меч и какого он будет цвета, но это быстро наскучило – Паша всё принимал с невыносимой серьёзностью. Потом дело ухудшилось. Сеансы связи, график которых просчитать было невозможно, начали происходить в абсолютно спонтанных местах: на камбузе, на занятиях и даже во время несения караула. От караулов Пашу отстранили на всякий случай. Он нахватал кучу доек, так как заострившие мозги преподавателей сопротивления материалов или теоретической механики не могли понять того, что курсант не может сейчас отвечать, потому что у него сеанс связи с Космосом. Но случай, который положил конец космической эпопее, произошёл с тополями.

Тополя росли у нас в рядок перед общежитием факультета. Им было наверняка не менее ста лет, они были стройными, как свечи, красавцами с толстыми, гладкими стволами, которые обхватить можно было только вдвоём. Тополя любили все. Несмотря на всю отчаянность и тягу к прекрасному в военно-морских душах, ни одного сердца или слова на букву «хэ» не было вырезано на коре этих исполинов. Именно перед ними мы и строились каждое утро на зарядку в трусах и прогарах. Не, иногда, конечно, разрешали надевать и тельняшки и уж совсем редко – штаны, в основном форма одежды была неизменна – трусы и прогары. Ну конечно, мы не любили по утрам бегать на зарядку, а, как и любые нормальные люди, по утрам мы любили спать, но нас об этом как-то забывали спрашивать. Поэтому каждое утро дежурный по

факультету строил по очереди пять рот и отправлял их на пробежку, приняв доклады о том, что все на месте и никто не сидит в роте за батареей или в сушилке под шинелями. Так было и в этот раз – дежурный посчитал нас и, отправив в путь, пошёл к себе в рубку, покуривая папироску и медленно поднимаясь по ступеням к широким стеклянным дверям. И, конечно же, он шёл и любовался отражением тополей в стекле.

– Чтобля? – спросил он у дверей, когда дошёл уже до самого верха. Повернувшись, он увидел курсанта Пашу Молодцова, который стоял и обнимал один из тополей, прижавшись к нему лбом.

– Таварисч курсант! – грозно окликнул дежурный Пашу, абсолютно не понимая, что, собственно, происходит. Ни одна волосинка из Пашиного ёжика не дрогнула в ответ.

– Не понял! – офицер, конечно, ещё не злился, но был близок к этому. – Товарищ курсант у тополей! Я к вам обращаюсь!

Ноль реакции. Офицер был старым и опытным бойцом, он не стал торопиться. Докурил, оценивая обстановку, спустился и подошёл к Паше.

– То-ва-рищ курсант, вы меня слышите? – осторожно спросил он у Паши... – Товарищ курсант, у вас всё в порядке?

– ...Помощник дежурного! – крикнул офицер мне, а я уже стоял на крыльце, ожидая развития событий. – Вызывайте «Скорую»!

– Тащ капитан третьего ранга! Да не надо «Скорую» – вон уже командир взвода бежит.

Командирами взводов у нас были пятикурсники. Это были крайне занятые учёбой и личной жизнью люди, и разбираться с душевными тонкостями салабонов им было некогда. Поэтому, подбежав, командир взвода просто дал Паше пендаля. Паша отлип от тополя и устался на назойливых людишек своими пучеглазками.

– Так. Что происходит? – спросил дежурный офицер у всех нас троих.

– Я зарядку делаю! – доложил Паша. – Как положено по суточному распорядку дня!

– А остальные на стадионе что делают?

– Бегают.

– А ты что делаешь?

– От Космоса заряжаюсь!

– А тополь ты нахуя обнял?

– Это же не тополь! Это – антенна, вы просто не знаете!

– Такбля. Я – офицер военно-морского флота! У меня стаж службы – двадцать календарей, и я всякой хуйни насмотрелся. Но сейчас, уж простите, я вынужден доложить начальнику факультета. Мне тут ещё космонавтов не хватало!

После завтрака нас построили перед общежитием, и мы стояли и ждали командира, который был немедленно вызван к начальнику факультета на разборки. Командир пришёл такой хмурый, что даже редкие тучки на небе предпочли немедленно убежать в неведомые дали.

– Курсант Молодцов! Выйти из строя!

Потом командир молча ходил пару минут между строем и Пашей туда-сюда и о чём-то разговаривал в бороду сам с собой.

– Понимаете, – наконец обратился он к нам, – я даже не знаю, с чего начать! Ну, разные люди на флоте нужны. Нужны даже долбоёбы, такие, как Паша, чтоб остальные на их уровне казались лучше, умнее и проворнее. Но, ребята, есть же какие-то вещи, которые нужно понимать не умом, но душой. Кру-гом!

И мы развернулись лицом к тополям.

– Вот эти тополя посадили ещё при царе. Он это училище для сына своего построил, потому как в Питере климат говно и сырой. И тополя эти наверняка какие-то фрейлины садили, а может, даже и дочери офицеров. И хуй с ними, что они были из буржуазного класса, но садили они их в бархатных платьях и батистовых перчатках, а потом носили воду лейками,

может, даже серебряными, и поливали. Ухаживали за ними и гуляли потом со своими кавалерами под ними, и кавалеры им стихи читали. Пушкина там, Лермонтова, ещё кого, а не за жопы их хватили сразу, как у вас модно. И вот росли эти тополя во всей вот этой высокой любви и бархате и питались любовью и высокими чувствами. Потом революция, а тополя растут себе и растут. Потом война, и кровь тут везде, и смерть, а тополя всё растут и растут. Красивые же они выросли, правда? Стройные вон какие. И вот представьте себя на месте этого тополя: фрейлины, Пушкин, комиссары, фашисты, а потом хуяк – и к вам Паша Молодцов в трусах прижимается! Представили?

– Так точно, – хором промычали мы.

– Кру-гом! Ну и как вам от этого представления? Оценили всю глубину пошлости этого момента? Вот что вам скажу. Я, например, думаю, что как хорошо, что я не тополь! И пусть меня не ласкали руки фрейлин, но и Молодцов, потный, в трусах, ко мне не прижимался! Молодцов! У меня сейчас какое-то дежавю, но у тебя два выхода. Или ты бросаешь немедленно заниматься этой хуйнёй, или я пишу рапорт о переводе тебя в военно-космические силы, а лучше в народное хозяйство. Понял?

– Так точно!

– Обнимай тополя прочно! – Это опять был старшина роты наш. Вот уж неуёмная тяга была у человека каламбурить от заката до рассвета и в обратном порядке тоже.

Паша связь с Космосом свою прекратил после этого случая, но всю свою жизнь, как только я слышу слово «космос», у меня в мозгу немедленно всплывает картинка, как квадратненький Паша в трусах синего цвета обнимает тополь и прижимается к нему лбом. Представляете, как мне тяжело?

«Космическая пехота» и теория марксизма-ленинизма

Читать полезно. В общем глобальном смысле все знают почему: чем больше читаешь, тем умнее становишься, даже если не всё понимаешь из того, что прочитал, то что-то накапливается, по-любому. Ну и так, по мелочам, множество приятных призов ожидает пытливый ум, который тянется к знаниям. И девушки. Что бы вы ни говорили мне в ответ, но девушки любят умных.

Изучали мы на втором курсе военно-морского училища теорию марксизма-ленинизма. Оно, в общем-то, понятно – что за инженер военно-морского флота, не знающий основ марксизма и тем более ленинизма? Так, мазута необразованная, а не офицер. Ни матросу лекцию прочитать, ни с дамой беседу светскую на балу вести. Полуофицер, короче. Поэтому и изучали.

Накануне экзамена по этому замечательному предмету заступаем мы в караул, а как раз моя очередь подошла «Космическую пехоту» Хайнлайна читать. Если очередь пропустить, бегай за ней потом месяц по факультету, поэтому даже малейших поводов для сомнений у меня не было – надо брать. Книжка в мягкой обложке, на серой бумаге, уже довольно потрёпана, а мне же её потом следующим передавать, поэтому в сумку с тушёнкой, салом и тортом «Чёрный принц» класть я её пожалел – засунул спереди под шинель, над ремнём, почти не видно.

Стоим на разводе. Вечереет, фонари на плацу включили, я весь в предвкушении. Скорей бы. Осмотр формы одежды производит дежурный по училищу, кап первого ранга, наш преподаватель по теории марксизма-ленинизма, завтра экзамен у нас и будет принимать. Осмотр формы одежды тщательный – моряки мы всё-таки, должны быть не только боеготовы, но и красивы... А то мало ли... Ну, вы понимаете. Подходит он ко мне сбоку (вот этого-то я и не учёл – второй курс ни дифракцию ещё не изучал, ни интерференцию) и, пальцем так на Хайнлайна показывая, спрашивает:

– А это у вас что, товарищ курсант?

А нрава он был сурового. Высшую математику легче сдавали, чем его предмет.

Я врать очень не люблю и стараюсь всячески этого избегать. Приходится, конечно, но обычно угрызения совести меня не мучают после этого: всегда заранее знаешь, что врёшь, кому и зачем. Но тут-то я не готов был и понимаю, что вот, в принципе, и окончился мой отпуск, который мог бы начаться после сессии, которую я мог бы сдать, если бы положил «Космическую пехоту» к тушёнке, а может, и в принципе моя карьера в военно-морском флоте заканчивается...

– Конспект по марксизму-ленинизму! – отвечаю я, не успев даже додумать дальнейшие варианты. – Завтра же экзамен, буду готовиться в свободное от несения дежурства время!

И подбородок так гордо вверх поднял. И слезу в глаз пустил. Вижу, как у этого пожилого, идейного коммуниста слёзы на глазах выступили от умиления, и чувствую, что краснеть начинаю от стыда (спасибо вам, жёлтые фонари, за то, что вы жёлтые). Неудобно как-то капитана первого ранга на плацу до слёз доводить. Стерпели оба.

– Похвально, товарищ курсант, – дрожа голосом, говорит он мне и многозначительно обводит строй взглядом. Типа, смотрите, гадёныши, как надо ученье любить.

В общем, это был, наверное, единственный мой караул, в котором я не спал: не мог оторваться от книги. А на следующий день приказ: я лучший караульный всех времён и народов. Прихожу на экзамен – освобождён с оценкой «отлично». Прихожу в общежитие – командир говорит:

– Собирай вещички, тебя приказано в отпуск без трудовой терапии отпустить.

Вот она, сила печатного слова. Читайте больше, читайте везде и всегда. Умными будете – раз, множество приятных призов – два. Читайте.

Акула

Даже если какая-то вещь не существует в данной точке пространства и времени по любой абсолютно причине, то всегда есть вероятность того, что вещь эта может случиться. А вероятность – это штука хитрая. Даже слишком маленькая, она, тем не менее, вероятна. Именно поэтому её и называют вероятностью, если кто ещё не в курсе. Вот все вы знаете, что в Чёрном море акул не водится, а я вам возьму и расскажу сейчас одну историю с акулой именно там.

Одна из первых наук, которую проходят курсанты военно-морского училища, – морская практика. Нет, есть ещё строевая подготовка и изучение всяческих уставов, но их мы рассматривать не будем, потому как овладение строевыми приёмами на месте и в движении является крайне несущественным научным знанием для получения гордого звания «военный моряк». То ли дело – вязание морских узлов, прокладывание курсов по карте транспортиром, параллельной линейкой и рейсфедером... Ну не рейсфедером, конечно, а карандашом, но больно уж слово красивое, не мог не вставить. А ещё управление шестивёсельным ялом веслом, рулём и парусом, постижение науки, как правильно пописать из шлюпки и пользоваться парусиновым ведром. Ну вот вы можете представить себе моряка, который не умеет правильно поссать в шлюпке? Я – нет.

Для кафедры морской практики в Голландии был отведён отдельный дом на самом берегу моря, прямо за шлюпочным причалом. На первом этаже был огромный шлюпочный ангар, в нём чинили снасти и ухаживали за самими шлюпками, и пахло там... Ой, даже не знаю, как и описать этот запах снастей и шлюпок. Это запах моря, пиратов и отчаянной романтики. Да. Именно так. А на втором этаже было несколько кабинетиков для преподавателей и огромная аудитория для роты численностью в сто человек. В ней не было никаких новомодных наворотов типа парт, стульев и прочих излишеств буржуазной жизни, а были длинные деревянные столы, лавки, и картины морских сражений перемешивались с морскими картами и стендами с такелажем на стенах. Ох, учился бы и учился в такой аудитории, вот честное слово, до чего там всё дышало вот этим вот морским духом.

А ещё преподаватели. Ну вот какие преподаватели могут быть на кафедре марксизма-ленинизма или, например, паропроизводящих установок? Да, они, безусловно, с погонами и тоже офицеры. Но. Они больше профессора, доценты и кандидаты наук, что, безусловно, вызывает чувство глубокого уважения у меня сегодняшнего, но не вызывало чувства «ах-х!» в семнадцать лет. А вот преподаватели на кафедре морской практики – они больше морские офицеры, чем профессора, если вы понимаете, о чём я.

– Я вам настоятельно ракомдую внematочно меня слушать, ибо слова мои есьм ссуть, которая сделает из ваших дрожащих земельных душонок настоящие солёные военно-морские полосатые нутры!

Говорил это нам худошавый капитан второго ранга с густыми чёрными усами, глубоким, хорошо натренированным баритоном прямо из груди. Его, кстати, так и называли – Ракомдую, чем он, кстати, очень гордился.

Говорил он это и ходил вдоль рядов широкими шагами, заложив руки за спину, и голос его громыхал где-то вверху над нашими склонёнными над картами головами. Эх, что за дивная была наука прокладывать курс по карте карандашом и линейкой по выданной тебе бумажке с заданием.

– Ой, – как-то сказал рядом со мной Вова.

– Что такое, тащ йуный моряк? – поинтересовался Ракомдую.

– А у меня это... море кончилось... И я, как бы, две мили хуярю по берегу уже! Ой, – ещё раз покраснел Вова за слово «хуярю».

– Во-о-о-от! – радостно смеялся усатый капитан второго ранга. – Запомните, кильки волосатые: море ни-ког-да не кончается! Ни. Ког. Да. Жизнь – кончается. Любовь – кончается. А море – оно не кончается! И «как бы» – это слово-паразит. Если тебе кажется, что хуяришь по берегу, то так и говори: «Хуярю по берегу, капитан!» Что за растекания тут мыслью по древу?

И ещё у него был излюбленный приём для борьбы со сном. Во время курса молодого бойца даже его грохочущий голос не мешал спать, поэтому в абсолютно произвольный момент лекции он говорил шёпотом: «Всем, кто меня слышит, – сидеть!» И потом орал: «Смирно!» Знаете, какие смешные эти семнадцатилетние юноши, которые только что спали на деревянных лавках, положив лица на деревянные столы, а сейчас вскакивают по стойке «смирно»? У них ошалелые глаза, опечатанные крабы (кокарды по-морскому) на лицах, и они пытаются ровно стоять на затёкших ногах, отчего похожи на зомби, только милых, а не страшных.

– Эх, галубы вы мои, – радостно вздыхал Ракомдую, – вы даже не представляете себе, сколько у меня для вас работы в шлюпочном ангаре!

А потом началась, собственно, и сама практика. Ох, ребята и девчата, мне даже немного жалко вас сейчас стало, если вы никогда не гребли на шестивёсельном ялике и не рассекали на нём под парусом акватории морей в команде из задорных, весёлых парней с горящими от переполняющей мозг романтики глазами! Если вы не переворачивались на нём и не дышали тяжело, улёгшись на парус, чтоб не утонуть, не ели тушёнку из банок, зажав весло под мышкой, и не передавали из рук в руки буханку хлеба, отламывая от неё ломоть себе. И это чувство, когда хочешь отломать себе горбушку тёплого, мягкого хлеба с брызгами соли побольше, но и товарищам оставить достаточно считаешь своим необсуждаемым долгом. Дуализм, мать его, в самом что ни на есть материальном его проявлении, а не всякие книжные философии! А на корме при этом сидел Ракомдую и смеялся, смотря на вас, шурясь на солнце, и приговаривал: «Жуйте! Жуйте, блядь! Запомните главное правило моряка в море: медленно жуй, пусть работают скулы – мы же дети, а не акулы».

И так смешно было слышать это выражение от целого капитана второго ранга, у которого, если присмотреться, уже седина пробивалась в его иссиня-чёрных усах.

– Ну что, набили утробы? Отставить расслабляться! Море вас ждёт!

И мы, флотилией шестивёсельных бригантин под парусами, дружной, но немного хаотичной стайкой мчались в самое что ни на есть открытое море. Выходили за Константиновский равелин и шпарили до тех пор, пока города-героя уже не было видно. А там причаливали к песчаному берегу и, раздевшись догола, купались в синем-синем море, которому не было конца и края, сколько ни гребь хоть кролем, хоть брассом. И пьянящее чувство свободы какой-то непонятной – ведь ты же в армии, – дисциплина и распорядок дня, а тут в душе такое щекотание, что просто смеяться хочется, как на выступлении Олега Попова в десять лет. И ещё такое странное чувство, которое ты не можешь описать словами, потому что ты же ещё пацан совсем, и слов таких, может, даже и нет в твоей голове. Вернее, слова-то есть, но нет понимания, к чему их привязать, слова-то эти.

– Ну что, так хорошо, что даже баб не нужно?! – кричит с берега Ракомдую.

А, точно, вот же оно как описывается, это странное для семнадцатилетнего организма чувство!

– Почувствуйте, сынки! Почувствуйте! Это – и есть море! Это – и есть ваша работа и призвание, если повезёт! Всё остальное – вторично!

А на обратном пути мы устроили регату, самую настоящую, со всеобщим почтением в качестве главного приза. И шлюпка наша с Ракомдую в качестве старшего на борту, скажем так, несколько отставала от остальных. То ли галсы мы не так лихо закладывали, то ли парусом не так ловко орудовали.

– Э, каракатицы! – заорал Ракомдую с кормы. – Вы что имеете мне сказать, что старший практики посмеет прийти не первым и не будет сегодня оваян славой?

- Не-е-ет, – пищали мы, но не совсем понимали, что же нам делать, дуть в парус, что ли?
- А давайте «бабочку»? – неожиданно предложил Вова.
- А ты мне нравишься, юноша бледный! Умеешь?
- Так точно!
- Точно?
- Точнее не придумаешь!

Откуда вот Вова из Черкасс, который был КМС по подводному ориентированию, знал приём «бабочка»? Но знал, чертяка!

Да простят меня моряки, но я вынужден всё-таки прервать гладкость повествования и объяснить сухопутным (а также лётным) сколопендрам, что же такое «бабочка».

Один отважный – а других и не бывает – моряк упирается ногами в борт ялика и отводит парус строго перпендикулярно борту. Сам он в это время, естественно, висит прямо над водой, вцепившись когтями в борт и обхватив парус так, как никогда в жизни не обхватывал тело возлюбленной, – потому что страшно же, а вы как думали, – и щурится что есть мочи от брызг и свистящего ветра. Площадь паруса при этом приёме максимальная, фок-мачта стонет от возбуждения, и маленький военно-морской флажок на корме рвётся от экстаза. Остальные пятеро гребцов могут закуристь и внимательно следить за тем, чтобы никуда не впилиться, потому что роль их сейчас так же мизерна, как роль Тени отца Гамлета сами знаете где, а если не знаете, то я решительно не понимаю, что вы делаете в этом месте повествования.

И не знаю, что меня дёрнуло в данный момент подшутить над Вовой. Вот честно. Наверное, этот свист ветра в ушах, блеск воды и радостные дельфины, которые догоняли нашу шлюпку. Да, думаю, что именно дельфины и виноваты.

- Вова!!! Акула!!! – заорал я, показывая на дельфинов за Вовиной спиной.

Вова обернулся и в следующее мгновение уже сидел на фок-мачте. Как он туда попал? Кто после этого посмеет утверждать, что Силу выдумал Джордж Лукас? Только не я. Парус, конечно, мгновенно ушёл в нос, и шлюпка потеряла ход, но всем уже было на это наплевать, все ржали.

– Лопатю-ю-юк! – рыдал Ракомдую. – Ты что, в моряки прямо от мамкиной сиськи пришёл? Надо же было в школу ходить сначала! Там бы тебе рассказали, что акулы не водятся в Чёрном море!!!

– А акулы-то ваши ходили в школу? Они-то знают, что они не водятся в Чёрном море? – краснел, слезая, Вова. – Да ну вас – дураки! Вообще не смешно!

– О-о-ох, как же смешно! Хер с ним, с первым местом, я не помню, когда смеялся так! – хотя в этот момент тёртый калач в звании капитана второго ранга уже плакал.

Этим выходом и закончилась наша морская практика, и с того момента мы уже считались полноценными моряками. То есть если вдруг случилась бы война, то уж матросами мы на корабли смело пошли бы. Но войны не случилось, а случилась жизнь, в которой всё меняется независимо от того, хотим мы этого или нет. И меняется не так, как мы хотим, а так, как меняется.

Мы сейчас созваниваемся в скайпах иногда, с кем-то встречаемся даже и видим, глядя друг на друга, каких-то седеющих дядек, пухлых в некоторых местах, с разной какой-то степенью мудрости и вселенской печали в глазах, но уже отнюдь не с тем юношеским задором, который нельзя натренировать и заставить искусственно сиять в глазах, а вот Вова в нашей памяти не меняется.

Худой и чуть сутулый на левое плечо юноша, готовый по первому свисту ввязаться в любую авантюру не зачем, а просто так, потому что это может быть весело, а может и не быть, но есть шанс, что будет.

Землетрясение

Знаете, что я вам скажу?

Мечты не имеют калибра, и на самом деле это – аксиома. Вот, например, если вы мечтаете сейчас о мире во всём мире, то мечта эта безусловно благородна и велика, но она ничуть не крупнокалибернее, чем мечта голодного о батоне, жаждущего о стакане воды или алчущей платинового цвета волос женщины о соответствии цвета волос на её голове, укутанной полотенцем, заявленному на пачке с краской «Блонд № 12». Хотя, казалось бы, ну где батон по сравнению с миром во всём мире? Но это для вас, а для голодного очень уж даже и наоборот. Я вот, например, помню, как мы с Вовой мечтали о хлеборезке, пока переживали землетрясение.

Землетрясение было так себе, детское. Но нас тогда выгнали из общежития посреди летней ночи и объявили, что ночевать мы будем на спортплощадке сегодня. Никакого имущества в виде одеял, подушек и матрасов брать с собой не разрешили, конечно. Это же армия, а не институт благородных девиц, и слова «комфорт» и «удобство» стояли в словаре употребляемых слов намного дальше слов «якорь» и «йод», то есть написаны были карандашом на задней обложке из тёмно-синего коленкора. Ну и ладно – дело было летом, и севастопольские летние ночи можно переживать даже в одних трусах, а то и вовсе без них, не чувствуя никакого дискомфорта для горячих юных тел.

Расположились мы как попало: на скамейках, траве и асфальте, в качестве подушек используя части тел товарищей. Это же был девяносто первый год, и гомосексуализм тогда был ещё не так моден, чтоб стесняться положить голову на плечо товарища с целью поспать. Мы с Вовой устроились на скамейке обратным валиком, положив головы на плечи друг другу, и, сцепившись ушами, уставились в ночное небо Севастополя. Сон не шёл: хотелось ананасов в шампанском и на яхту с пышногрудыми красавицами. Ладно, хотя бы тушёнки с хлебом, хрен с ними, с красавицами.

– Слушай, Эд, мы же завтра в камбузный наряд заступаем. Надо нам с тобой в хлеборезку проситься. В хлеборезке – самая лафа, точно тебе говорю!

– Вован, ты прошлый раз говорил, что самая лафа в греческом зале, а позапрошлый раз, что на лагунах, а позапозапрошлый, что бачковым. И везде мы с тобой как каракатицы были заёбанные и воняли комбижиром.

– Не, ну чё ты... В греческом зале зато повариху сняли!

– Не, ну если то, что, пока ты её фачил, я вместо неё кашу по бачкам раскладывал, считается, что «сняли», то да, было дело, конечно.

– Ну начинается утро в деревне!

– А ещё, когда ты курил, сидя у неё на коленках, а я отдувался перед двумя ротами пятикурсников за то, что каша в бачки не так наложена, то мне показалось, что сексом-то я тоже занимался. А вернее, со мной.

– Зато другу помог, чё. Почётно же! Не ссы, проедет и по твоей улице грузовик с сахаром!

Проехал, конечно, только ни я, ни Вова, лёжа тогда на скамейке, и не предполагали, что грузовик будет такого размера. Не знали мы, мечтая о хлеборезке, что один из нас погибнет, а второй будет мотаться всю жизнь по городам и странам, но хуй с ним, хотя бы жив останется.

– Ну, Эд, ну подумай сам: хлеб загрузил, порезал, выдал, хлеборезку почистил – и всё, считай, свободен! И делать нечего, и хлеба свежего сколько хочешь!

– Вован, вот у вас, спортсменов, есть один недостаток: вы хреново выстраиваете логические цепочки. Вот скажи мне, друг, как эта тонна хлеба попадает в хлеборезку? А лотки из-под него куда потом деваются? Трансгликуются, может? Так что-то я трансглюкатора-то как раз и не заметил у нас на камбузе.

А Вова был кандидатом в мастера спорта, между прочим, по подводному ориентированию. Не знаю, что это за вид спорта, но плавал он так, что дельфины в севастопольской бухте чесались от зависти в подмышках, плевались и уплывали жить в Турцию. Вот вы много дельфинов видели в Севастополе? Это потому что там Вова несколько лет жил. Я плавать любил всегда, но для Вовы это понятие было вообще возведено в абсолют – любую свободную минуту он считал необходимым потратить на море.

– Эд, погнались на Сухари, занырнём! У нас полчаса ещё до уборки бачков со столов!

Сухари – это бухта Сухарная, которая была как раз под нашим камбузом и абсолютно не была приспособлена для купания, но разве могло это остановить двух дельфинов, пусть и с ногами? Как, впрочем, не могло их остановить и то, что бухта была под практически отвесной скалой за забором училища, территорию которого покидать было строжайше запрещено.

Однажды наныряться с ним и сидим на деревянном пирсике из трёх досок, Вова курит, а я рисую ему спичками обгоревшими силы, которые возникают при закручивании двутавровой балки.

– Ой, ребята, а вы курсанты? – на пирс приползли две местные девушки подозрительной наружности. Мы с удивлением посмотрели на наши синие форменные трусы, на сложенную в кучку робу, и Вова сказал:

– Нет, прекрасные незнакомки, мы инвесторы из Австралии, ищем, где бы нам тут припарковать нашу шикардосную яхту.

– Ой, да вы ещё и шутники!

– Да, но только у нас сейчас сессия, и поэтому нам некогда отвлекаться на менее прекрасные, чем сопротивление материалов, вещи!

Те вроде как отстали, но ненадолго, когда мы перешли от скручивания к изгибанию, они опять напомнили о себе:

– Мальчики, а достаньте нам крабиков!

– Они же флиртуют сейчас с нами, да? – прошептал Вова.

– Ну очевидно же!

Вова молча нырнул на глубину метров в пятнадцать и выплыл оттуда с камнем размером с мою грудную клетку.

– Вот, – кинул он каменюку к ногам приставучих барышень, – поковыряйтесь: тут парочка точно есть, а нам обратно на службу пора!

Но этот случай был в наш прошлый наряд по камбузу, а в следующий мы планировали стать хлеборезами.

– Эд, ну ты вечно всё опошлишь! Подумаешь, лотки! Зато бачки мыть не надо!

– Резонное замечание, чё уж! Давай рискнём, конечно!

С соседней скамейки кто-то нагло захрапел в тишину уже почти украинской ночи.

Мы, ошарашенные, сели. Отовсюду начали появляться остальные, не менее изумлённые головы. Понимаете, когда двадцать семь человек не могут уснуть, а один вдруг начинает храпеть, то это – форменная наглость. А если двадцать семь человек – курсанты военно-морского училища, то это ещё и крайне отчаянный поступок, опасный для здоровья. Мы собрались кружком вокруг храпящего курсанта по прозвищу Слон и стали держать совет, как его наказать. И если вдруг вы всё-таки кончали институт благородных девиц или схожее с ним учреждение, то вот это как раз то самое место в рассказе, на котором вы должны остановиться и, поборов своё любопытство, перестать читать.

Стандартные приколы типа «барaban», «велосипед», «аэроплан» и «муравьи» мы сразу отмели как технически невыполнимые. Сейчас расскажу про них, ведь люди со слабой психикой читать уже перестали, я же их попросил об этом в предыдущем абзаце.

«Барабан». С испытуемого стаскивается одеяло с целью обнажить его грудь, на грудь бросается раскалённая на зажигалке монета и накрывается сверху тазиком или железной кастрюлькой.

«Велосипед». Спящему человеку между пальцев обеих ног вставляются свёрнутые в трубки бумажки и поджигаются.

«Аэроплан». Вы же представляете себе, как устроена панцирная кровать? Так вот. Из специальных зажимов на спинках вытаскивается сам каркас и ставится обратно сверху, но так, чтобы цеплялся он только микронами. И если человек бухается на свою кровать просто жопой, то он отбивает себе жопу об пол. Ну, максимум получает спинкой по плечу или ломает ключицу. А если человек, как гусар, плюхается на кровать всем телом, да ещё с разбегу, то вот это и есть то, что называется «аэроплан».

«Муравьи». Самый коварный трюк. Вокруг матраса боевого товарища наматывается крепкая нить. Конец её, с достаточным запасом, крепится снизу, кровать застилается до первоначального вида. Тут главное не уснуть раньше, чем жертва, а вот когда жертва засыпает, то тот, который спит на соседней койке, аккуратно достаёт конец нити, затягивает его к себе под кровать и начинает медленно наматывать. Трюк этот при должной подготовке и организации способен свести с ума слабоподготовленный мозг и привести к полному коллапсу психики испытуемого. Конечно, сначала он не хочет просыпаться и пытается вытряхнуть муравьёв или крошки из-под одеяла не вставая. Потом он вскакивает и стряхивает их руками. Потом он снимает простыню и вытряхивает её в окно или коридор. Потом он просит разрешения включить свет в каюте, но ему говорят, что он охуел вконец и нехер жрать под одеялом, тогда и крошки колотья не будут...

А тут что – ну спит Слон на лавке под синим небом и спит, как его отчебурчить-то? Не из лёгких задачка, да? Но не для будущих стратегов! Тихонечко подсвечивая себе спичками, мы с помощью пилоток расслабили гайки снизу под досками на скамейке со Слоном, распределили роли, шёпотом их отрепетировали на соседней скамейке и потом...

Шестеро человек взялись за доски скамейки с обоих концов и под управлением седьмого начали ритмично изображать ими продольную волну. Остальные начали вслух изображать страдание и горе с треском рвущихся тельняшек, они орал: «Земля уходит из-под ног!», «Трещина, ребята, осторожно, ОГРОМНАЯ трещина!» и «Мы все умрём!» или просто «Аа-а-а!!!».

Знаете, до этого, когда я смотрел всякие мультики с сюжетами, где герой мгновенно перемещается в случае опасности на большие расстояния и высоты, то я думал, что это всего лишь фантазия авторов. Но нет, видимо, просто их авторы в своё время тоже учились в военных училищах. Слон, который мирно похрапывал на лавочке под фривольно мерцающими звёздочками, ровно через одно моё моргание стал ближе к этим самым звёздочкам на одну липу. Ну не на целую липу, а на ноль восемь её высоты. А какие у него были глаза! Боже ж мой, их было видно с земли даже в темноте!

– Хуясе, – сказал я, – и этот человек не может подтянуться два раза?

– Я думал, что такие скорости при нашей гравитации вообще невозможны! – поддержал меня Вова.

– Да ладно, Вова, не пизди, помнишь, как на мачте от акулы спасался?

И все начали в красках и соку вспоминать тот самый случай с Вовой и акулой, даже не сразу услышали писк Слона с липы:

– Ребята-а-а! А помогите мне слезть! Как мне слезть-то теперь, ребята-а-а?

Помогли, конечно, не садисты же. А было то землетрясение на самом деле или не было его вовсе, так никто из нас и не почувствовал.

И в хлебрезке оказалось ровно так, как я и предполагал. Сначала мы с Вовой таскали миллиард (по ощущениям) лотков с хлебом на второй этаж, потом резали этот хлеб в посто-

янно ломающейся и клинящей хлебрезке, потом ещё ремонтировали лотки, которые расшатались и из которых торчали гвозди, и грузили их обратно в машину. Забались, как карака-тицы, но да – комбижиром от нас не воняло.

И вот понимаете, ну чем наша мечта о хлебрезке была мельче мечты о мире во всём мире в ту ночь? Мир во всём мире – вот же он вокруг нас прямо сейчас, во всяком случае в данный момент и в данной части мира. В темноте бубнят о чём-то своём наши товарищи, в траве стрекочут насекомые, которых, видимо, забыли оповестить о надвигающейся опасности, ласково шуршит тёплое море совсем рядом, где-то на северной стороне орёт кто-то пьяным голосом песню ВИА «Сектор Газа», в самом городе за огоньками в окнах домов нас ждут девушки, и не все ещё даже знают об этом, но мы-то знаем, что никуда они не денутся... То есть жизнь полна жизни, уж не взыщите за тавтологию, и только мечты о хлебрезке не дают покоя двум мечущимся душам в полоску.

Вова

Вова относился к той категории людей, которая притягивает к себе всякие нелепые ситуации, как магнит шурупы. Но был всегда честен, открыт, добр и обожал жизнь во всех её проявлениях. Не любить его не было просто никакой возможности. Расскажу вам еще пару историй про Вову.

Пошли с Вовой на пляж однажды. По дороге нужно было зайти к его девушке, которая болела и не могла идти с нами, и занести ей банку как-то добытого малинового варенья. Для того чтоб она быстрее выздоравливала и возвращалась к нормальной половой жизни. Зашли, а у них гости: бабушки, дедушки, братья какие-то и тётя Света из Херсона.

– Ой, мальчики, заходите! – сразу с порога засуетилась девушка мама. – У нас тут праздничный обед, посидите с нами!

«Ых!» – сразу довольно заурчал мой желудок. В двадцать один год в военно-морском училище есть хочется всегда, а тут праздничный обед: курица, котлеты, салат оливье и сало, которое тётя Света из Херсона привезла вот прямо вот только что. А Вова, смотрю, что-то тушует: краснеет, глазки бегают и всё отнекивается, ссылаясь на то, что у нас чрезвычайно срочные дела. И это тот Вова, который имел звание «проглот»? Странно. Но мама была так настойчива, что даже памятник Казарскому не смог бы ей отказать.

– Ладно, – соглашается наконец-то Вова, – зайдём, только выйдем в подъезд, перекурим. Что за дела? Ну ладно, вышли в подъезд.

– Братуха, – начинает издалека Вова, – ну мы же с тобой братья, да? Давай носками поменяемся!

– А поцелуйте-ка меня в спину, Владимир, – так же издалека отвечаю я. – Что за на?

– Эд, ну у меня носки дырявые!

– И? У меня-то целые.

– Эд, ну это же моя девушка! Ну как же «сам погибай»... – продолжает канючить Вова. Тут мне крыть уже нечем. Суровое братство морское, мать его.

Снимаю носки, отдаю ему. Он мне протягивает свои. То, что это носки, я понял только по наличию характерной резинки, всё остальное состояло из отверстий различного диаметра.

– Вова, да на хрен ты их вообще надел?

Но Вова меня уже не слышит, довольно похрюкивая, натягивает мои. Я, конечно, его носки выкинул. Сидел за столом босиком, ссылаясь на редкую пяточную аллергию на хлопок.

– Да, какую страну развалили! Нормальной синтетики уже не купишь, – горячо поддерживала меня тётя Света из Херсона.

В другой раз возвращались с ним из увольнения по Северной стороне в альма-матер свою. Темнота. Ранняя осень, мы в бушлатах и бескозырках бредём, наслаждаясь шикарной крымской осенью. Выруливаем из-за угла и видим патруль из лётчиков. Лётчики нас тоже видят. Классовая ненависть и всё такое, ну вы же понимаете.

– Товарищи курсанты! – обозначает свои намерения поближе с нами познакомиться старший патруля в звании целого капитана.

– Бежим! – кричит Вова и срывается в соседнюю улицу.

Чего нам бежать, я не понял. Увольнительные у нас есть, форма одежды в порядке. Но, опасаясь под пытками в комендатуре выдать имя товарища, бегу за ним. Лётчики радостно топчут сапогами сзади. Петляем по полутёмным улицам дружной группой из пяти человек. В итоге заскакиваем в глухой тёмный двор с одной лампочкой на входе.

– Давай к стене станем, – предлагает Вова, – чтоб пуговицы не блестели, они нас хер заметят.

Прижимаемся к стене и стоим, наслаждаясь постигнутым искусством ниндзюцу шестьдесят восьмого уровня. Во двор врываются лётчики. Сначала тяжело дышат, потом начинают дружно ржать.

– Ну, деби-и-илы! – плачет капитан. – У вас же якоря на ленточках блестят!

Точно! Их же надо было в зубы взять!

– Вы откуда? – спрашивает капитан, отсмеявшись.

– Из Голландии, – понуро гундосим мы.

– В самоходе?

– Нет, вот увольнительные.

– А чего бежали?

– Хуй его знает, тащ капитан, – честно признаётся Вова. – Инстинкт классовой ненависти сработал!

Отпустили нас лётчики за доставленное им удовольствие, только пару сигарет стрелянули.

И таких историй с Вовой была хуева туча. Сижу сейчас на балконе шестого этажа и люблюсь на стайки ласточек, шныряющих в синем-синем бездонном небе. А Вова не любитесь – он погиб на подводной лодке «Курск». Спи спокойно, Вова, я тебя помню всегда и до сих пор не перестаю удивляться твоей жизнерадостности. Помнишь, как мы спали на лавках, положив головы на плечи друг другу, когда нас выгнали из общежития из-за угрозы землетрясения? А как на хлебозаводе выменивали виноград на горячий хлеб? А как камни с крабиками доставали, надеясь на девичью благосклонность от нашей отваги? А как доставали редкие таблетки в обмен на сексуальные услуги врачихам, чтоб маме твоей помочь?

Я помню, Вова. Всегда буду помнить.

От автора: рассказы «Акула», «Землетрясение» и «Вова» написаны мной на основе образов двух моих погибших друзей: Владимира Лопатюка и Славы Безсокирного.

Пятьдесят оттенков зелёного

– Я думаю, вы чувствуете... Э-э... Некоторое амбре...

– Да, – сказал я с чувством. – Воняет гадостно.

Аркадий и Борис Стругацкие

В мире существует огромная масса событий или вещей, на которые вам неизвестна реакция вашего организма, физиологическая и психологическая, пока вы это не попробуете или не испытаете. Ну, там, алкоголь, например, или теория струн. Конечно, вы об этом не задумываетесь, как большинство людей, и попросту упрощаете свои представления. Например, когда люди произносят фразу «В жизни всё надо попробовать», вы с большей вероятностью имеете в виду наркотики, беспорядочные половые связи и авантюры, чем шахматы или квантовую физику. И если вас никогда не укачивало, то вы никогда не сможете определить, как ваш организм реагирует на качку.

– Здоров, как танк Т-62! – удовлетворённо хмыкнул военком, утверждая результаты первой моей медкомиссии на пути в военно-морской флот. – А к качке-то ты как относишься?

– Да откуда я знаю? Пятнадцать из шестнадцати своих лет я прожил в середине Белоруссии, а один год – в Челябинске. Ни там, ни там не качало ни разу!

Военком был из артиллеристов, поэтому был сухопутен, как деревня Яя в Браславском районе. Немного похмурившись, он резюмировал:

– Ну, может, на подводные лодки попадётся, а там же не качает!

Так как до тех пор я бывал только один раз на море, да и то на Азовском, то его слова показались мне в тот момент довольно логичными. Не, ну а чо? Подводная лодка – она же под водой, правильно? Что там её может качать, кроме русалок, жаждущих ласк отважных моряков? Ну разве пьяные аквалангисты погреться попросятся.

Первое зерно сомнений по поводу качки на подводных лодках запало в мою душу во время шлюпочной практики, когда укачало курсанта Васю, и он, весь зелёный, полоскал за борт, как вулкан Везувий на Помпеи.

– Ты чего это, братан? Укачиваешься, что ли? – спросил у него известный уже вам Ракомдую.

– Дыа! – сквозь бульки выдавил Вася.

– А чего в моряки-то пошёл?

– Ну я ж на подводные лодки, а там же не качает!

Сначала ржал капитан второго ранга Ракомдую, так закинув голову назад, что потерял пилотку. Потом начали ржать и чайки, когда узнали, чего он ржёт и не даёт им спокойно покачаться на волнах.

«Да и хрен с ним, меня же очевидно, что не укачивает!» – подумал я. Тоже ошибался, конечно, думая, что если в шлюпке не укачивает, то и не укачивает вообще. Откуда мне тогда было знать, что видов качки столько же, сколько падежей в эстонском языке, а может быть, и больше.

Не, ну я их все проверил потом на собственном вестибулярном аппарате (не падежи, конечно, а виды качки) и убедился, что да – не укачиваюсь. Конечно, теперь я уже опытный боец, и мне кажется полным абсурдом предположение о том, что на подводных лодках не качает. Ну вот смотрите сами: логично же предположить, что подводные лодки конструируются для движения под водой, правильно? Им придают эту вот сигарообразную форму для того, чтобы уменьшить сопротивление воды, и она в надводном положении должна только передвигаться из пункта «А» в пункт «Б», не более того. И кого волнует хоть в один сустав, как там её

будет качать вообще? Что там, люди на борту будут, в самом-то деле? Одни военные моряки же!

Нет, на «Акуле», конечно, ситуация несколько иная, там просто высоко и страшно, но волной заливают редко. А все вот эти «Волки», «Вепри» и «Гепарды», у которых из-под воды торчит рубка и метр-другой лёгкого корпуса? И это на картинке ещё лето нарисовано, зимой-то всё выглядит несколько иначе – там, на ходовом мостике, стоят ледяные статуи с дырками для глаз и рта и страховочными концами. Они уже не пристёгиваются, потому что легче согнуть в пучине морской, чем выдерживать то, что там происходит.

Внутри, конечно, полегче, в том смысле, что тепло и сухо, во всяком случае там, где не наблёвано, но зато на мостике блевать проще – не надо тазик с собой носить или ведро. В центральном ещё более-менее – там примерно находится центр качки, и если уцепиться когтями или упереться твёрдым взглядом в прибор, то вполне себе ничего, можно даже и жить продолжать. Ну, если тебя не укачивает, конечно, я имел в виду.

А вот в семнадцатом отсеке во время килевой качки (или продольной, по-сухопутному) творится аттракцион под названием «Карусель Армагеддона» в натуральном исполнении – по несколько метров вверх-вниз скачет там личный состав вместе с твёрдой, как металл (хотя она и есть металл), палубой. Я сходил как-то ради интереса, посмотрел, даже предложил потом старпому деньги с них брать, как за карусель. Потому что натуральное же удовольствие, аж дух захватывает!

Ну, опять же, его захватывает, если он свободен от выворачивания твоей души наизнанку. При нормальной качке, настоящей такой, взрослой, укачивает большинство. И при этом ему, этому большинству, нельзя лежать в кочке, укутавшись в одеялки и страдая от гадкой судьбы и низкого комфорта, потому что оно тут не на катамаранах катается (хотя «Акула» и есть катамаран), а, на секундочку, Родину стережёт, то есть несёт свою боевую вахту! Ну не думаете же вы, что при качке выполнение боевой задачи приостанавливается и все ждут, пока море утихнет, принося жертвы древним богам морских пучин и, не побоюсь этого слова, недр?

Ну и правильно делаете, что не думаете! Все как один несут свои вахты!

– Хер тебе на воротник, чтоб в уши не надуло! – как любил говаривать наш старшина роты, когда ему приносили освобождение из санчасти. – У военмора может быть только одна болезнь, освобождающая его от несения вахты, – оторванная в бою голова!

И тут у мелкописечных лодок было, пожалуй, их единственное преимущество для экипажа, который укачивало, – прекращался шторм, и их прекращало качать, в то время как «Акулу» качало ещё довольно долго. Инерция массы. Надеюсь, вы учились в школе и понимаете, о чём я?

И под водой качает тоже, сразу скажу, до того как начнутся эти вопросы. Метров до шестидесяти – точно. Видимо, обижаются морские боги, что девственниц им сыпать в пучины перестали глупые людишки, не иначе.

Эх, как же я любил, когда серьёзно качало! Мне же повезло, и я относился к тому меньшинству, которое не укачивается совсем никогда. Конечно, мне было жалко моих светло-зелёных блюющих товарищей и всё такое, но кого мы тут будем обманывать – я никогда в жизни так шикарно не питался! Как царь или король Людовик Какой-Нибудь. Не знаю, правда, точно, как они питались, скорее всего, даже и хуже, чем те подводники, которых не укачивает, когда качает.

Заходишь, такой, в кают-компанию на завтрак, держась за стеночки и столики, усаживаясь на свой стульчик, не спеша повязываешь салфеточку на грудь, закатываешь рукава у рубашечки, подзываешь к себе вестового пальчиком так небрежно и говоришь:

– Александр. Не будете ли вы так любезны, и не уберёте ли от меня этот пошлый батон, и не подадите ли те шесть тарелочек с колбаской.

Не вопросительной интонацией, само собой. Потренируйтесь, кстати, задавать вопросы не вопросительной интонацией, очень полезный навык в общении с людьми.

– Нет, нет, Александр, маслице убирать не стоит. Да. Я его прямо на колбаску и буду накладывать, а ваше любопытство нахожу по крайней мере неуместным.

Или на обед. Там же одной икрой можно обожраться, простите за столь пошлое слово в отношении военно-морского офицера. Но нет – не одной икрой приходилось это делать, ох и не одной!

– Первое будете? – без вопросительной интонации спрашивает вестовой.

– Конечно, буду! Только не суп, естественно, а вот те вот телячьи медальоны. Много только не клади, штук восемь вполне хватит, надо же ещё и антрекоты на второе употребить, не зря же вы там старались, правильно? И перестаньте уже, Александр, хлеб на столы выкладывать. Экономьте, будьте добры, этот ценный продукт!

И ползёшь потом обратно в каюту к разводу на вахту готовиться, придерживая на пузе рубашку, чтоб пуговицы не отстрелились. Когда встречаешь товарищей по дороге, то делаешь, конечно, несчастное лицо – бровки домиком, уголки рта опущены и в глазах печаль и сочувствие, но в душе абсолютно умиротворён, как кит Вилли после выпуска на свободу.

И так же с ужина и вечернего чая. И так два-три дня. Не всякий организм такое может выдержать, но в подводники же берут кого? Правильно, того, кто даже такое обжорство, несовместимое с жизнью, способен выдержать, не повредившись рассудком.

«А как же фигура?!» – пришло, возможно, в голову кому-нибудь из вас. А никак это на фигуру не влияло. После автономки, например, я не то что шинель не мог на себе застегнуть, но мне даже шапка маленькой стала. Две недели – и как не бывало всей этой пухлости. Физиология организма творит ещё и не те чудеса с организмами подводников от обиды за небрежное к ней отношение. Как и психика, но о ней как-нибудь в следующий раз поговорим.

Так что если вы читали уже какие-то мои рассказы, но до сих пор не поняли, что служба на подводной лодке – занятие не только романтическое, но и крайне увлекательное, то подчеркну ещё раз, что это очень сложно и совсем не всегда приятно. Это я про качку сейчас, а не про обжорство, если что.

КОСТЫЛЬ

Нашего нового физрука мы сразу прозвали Кошей. Ну как прозвали, назвали, в общем-то, потому как если бы с него снять военную форму, повесить корону на уши и мантию на плечи, то сразу же можно было начинать креститься и приговаривать «свят, свят, свят» от живого воплощения детских кошмаров в натуральную величину. Правда, прозвище это продержалось довольно недолго и было впоследствии заменено на более уважительное и точное Костыль.

Иван Дмитриевич был отставным майором воздушно-десантных войск. Отслужив от звонка до звонка в Афганистане, после долгих мытарств и невозможности усидеть в мирном болоте штабной жизни советских войск, демобилизовался и какими-то неведомыми путями попал в наше училище на кафедру физподготовки. Был он невероятно худ, жилист и немногословен, разговаривал с ударением на «г» (не гэкал, а именно ставил ударение на «г»), курил только «Беломор» и всё время прятал папироску в кулаке, чтоб не светить огоньком. В любую летнюю жару одет он был в наглухо закрытую одежду от кадыка и до колен, а ниже колен он почти всегда ходил в сапогах. Особенно когда бегал с нами кроссы.

– Ну что, салабоны, сегодня побегим три километра! – заявил он на первом нашем занятии, после того как его представил начальник кафедры.

На улице бушевал май месяц, мы заканчивали третий курс и стояли на стадионе в хромовых ботинках и состоянии перманентного ожидания летних каникул.

– А чего вы в сапогах-то, если бегать? – не выдержал кто-то из строя.

– Фору вам даю, чтоб не так горько плакали! – И Кошей (а тогда мы называли его именно так) прикурил «беломорину».

А у нас тридцать процентов минимум были отличные бегуны – пловцы, биатлонисты, легкоатлеты, но вслух смеяться не стали над этими ста семьюдесятью шестью сантиметрами бахвальства с лысеющей головой и седыми кустиками над ушами. Мы же уже были взрослые двадцатилетние мужики и знали толк в закрытых вовремя ртах.

– Кто меня обгонит, того освобождаю от физкультуры на год! На исходную! – скомандовал Кошей. – Погодьте, сейчас прикурю.

Пробежав три километра по плюс двадцати пяти градусам Цельсия в сапогах, он успел выкурить две «беломорины», и ближайший к нему курсант отстал метров на пятьдесят. При этом он даже не вспотел. Мы валялись на траве, пытаясь унять рвущиеся из груди лёгкие, а он матерился на спички, которые ломались, шипели, не хотели зажигаться и прикуривать ему папироску.

– Что, дамочки, на турнички? – подмигнул сквозь сизый дым Кошей, и мы поплелись на спортгородок. Прыгнув на турник и переместив папиросу в уголок рта, Кошей сделал уголок и, крикнув: «Считайте, салаги!», начал вертеть подъём с переворотом, держа при этом «уголок». В сапогах. Лично я досчитал до тридцати семи, а потом плюнул и ушёл в кусты есть шелковицу. Ну, блядь, ну нельзя же так людей унижать!

После этого показательного глумления над нашими мыслями о нашей хорошей физподготовке мы прозвали его Костылём, имея в виду эти г-образные гвозди, которые забивают в рельсы. Тут тебе и буква «г», и крепость, а Кошей облезет от почёта, чтоб именем его чахлого организма таких терминаторов называли.

– Ну чё, скумбрии, как прозвали-то меня? Кошеем небось, особо и не парились фантазию включать?

– Костыль! – ответили мы ему.

Не, ну а что, всё равно же узнает.

Костыль прикурил и сощурился в небо. Походил вдоль строя, заложив руки за спину и пуская колечки сизого дыма в небо.

– Бля, – повернулся Костыль к строю. – А молодцы ведь! Как придумали-то, а? Мне нравится, ёпттыть! На костыль ведь опираются, и всё вот это вот!

– Не, мы в смысле, который в рельсы забивают!

– Не, ну дык это ещё почётнее! Не ожидал от вас, не ожидал!

– Ну мы ж не десантники! – пискнул кто-то из строя.

– Чо сказал, на? Ладно, прощаю, порадовали потому что! И всем там передайте, что костыль я! Ну, который в рельсы! А то меня всю жизнь солдаты Кощеем зовут. Тошнит, бля, уже!

За доставленную радость Костыль повёл нас на пляж купаться вместо физической пары. Правда, бегом в оба конца по пять километров, но это уже детали, я считаю.

Жил он один в служебной квартире прямо за забором училища, жена его, которая жила уже с другим мужем и где-то далеко, привозила ему их сынишку в начале сентября, когда они с новым мужем отправлялись на курорт. Офицеры кафедры физподготовки молча разбирали его занятия себе и выгоняли Ивана Дмитриевича в неофициальный отпуск. Они же были офицерами. И управлялось дерзкое и склонное к вольностям курсантское стадо простой фразой:

– К Ивану Дмитриевичу приехал сын погостить, мне с вами тут некогда, но чтоб, блядь, как мыши сидели, не дай чёрт кому-то залететь и Ивана Дмитриевича подвести!

Но угрозы, в данном случае, были излишни, я вам так скажу. Не зная, в большинстве своём, что такое дети, семья и ответственность, мы не стали бы подводить Костыля, даже если бы он просто ушёл в запой, от той силы уважения к его прошлым боевым заслугам. Когда он разделся на пляже первый раз, мы даже не сразу поверили в то, что увидели. Его сухие мышцы были так иссечены шрамами, дырками и ожогами, что тело его без одежды приобретало какую-то причудливую сюрреалистичность.

– Чё пялитесь? – подмигнул нам Костыль. – Мужика красивого не видали никогда? Вон на тёлочках пяльте, они хоть с сиськами!

И при этом он покраснел. Было ли ему неудобно за свою внешнюю уродливость или он просто стеснялся столь пристального внимания, я не знаю. Но было как-то дико, понимаете, что этот человек стесняется того, как выглядит.

Он приходил с сынишкой гулять в училище почти каждый день. Те, кто бывал в Севастополе, знают, что сентябрь там – самая золотая пора. Да и училище у нас было очень красивым – с аллеями, мраморными колоннами, каменными стенами. При этом занимало огромную территорию – гуляй, сколько душе влезет. И Костыль с сыном гулял. Он преображался в эти моменты почти до неузнаваемости – становился выше, как-то крупнее, что ли. И с его лица, обычно хмурого, не сходила лучезарная улыбка. Завидев их издали, мы подбирали животы, переставали косолапить и переходили на строевой шаг, выпячивая грудь.

– Здравия желаем, Иван Дмитриевич! – радостно и торжественно отдавали мы честь, хотя Костыль был в гражданской форме, да и вообще в запасе. Но нам, на каком-то животном, неосознанном уровне казалось, что от этого нашего простого, но искреннего представления Костыль в глазах сына будет выглядеть как-то значительнее. Это я сейчас так думаю, когда анализирую, а тогда мы просто задирали вверх подбородки и прикладывали к выгоревшим пилоткам выгнутые наружу, по военно-морской моде, ладони.

– Здорово, сынки! – радостно протягивал нам свою ладонь Костыль, и сынишка его тоже тянул свою маленькую ладошку, и мы бережно, но крепко сжимали её, стараясь не улыбаться от этих восторженных детских глазок. Пусть же знает, что моряки – это суровые, как гранитные камни, люди, которых не растрогать голубыми детскими глазёнками, но папу его мы вон как уважаем и даже немного кланяемся при рукопожатии. Сынишке этому сейчас лет тридцать

уже, и наверняка он не помнит этих моментов, но, надеюсь, что неосознанно всё-таки знает, что отец его был крайне уважаемым человеком.

Когда Костыль вёз нас на практику на Севера, такой случай произошёл с ним в аэропорту: его не хотели пропускать на борт самолёта. Прошёл он через рамку – звенит. Вывернул карманы, прошёл – звенит, разделся до майки и спортивных штанов, прошёл – звенит.

– Да что такое-то! – удивляются работники аэропорта.

– Стальные мышцы и железные нервы! – И Костыль демонстрировал крайне ответственным работникам аэропорта свой маленький, но идеально круглый бицепс, при этом радостно подмигивая нам.

Работники не оценили юмора и вызвали своего старшего. Он даже с погонями какими-то был, строгий, огромный, как шкаф, и хмурый.

Старший посмотрел на полуголового Костыля:

– Афган?

– Ну.

– Осколок?

– Четыре.

– Не обидишься, я тебе бутылочку виски принесу сейчас. Возьмёшь?

– Не обижусь. Неси.

Вот вы не были свидетелями этого диалога между двумя такими разными внешне мужчинами: один огромный, в новой форме, и второй – маленький и в трениках, и наверняка не можете понять сейчас из нескольких этих слов того чувства молчаливого уважения, которое буквально повисло, как облако, над ними обоими.

– Ну чё, шпроты, виски-то пробовали когда? – спросил нас уже в самолёте Костыль.

– Откудова? Только в кино видели!

– Ну попробуем, как до места доберёмся, так уж и быть!

– Может, это... Сейчас прямо?

– В самолёте? Да ты, Вася, совсем охренел, как я погляжу! Дисциплина и уважение к правилам! Запомни, алкаш! А на Севере, под краба-то! Эх!

«Под краба?» – подумал тогда я. «Клюкнул, что ли, уже майор-то наш?» Я же из Белоруссии был, понимаете, ну где я краба-то видел камчатского? А в Севастополе, когда мы ловили крабика размером с ладошку, то орал: «Бля-я-а! Какой здоро-о-овый!» А тут: «Крабом закусим!» Ну-ну.

Потом, когда мы ехали в кунге в расположение базы, я впервые увидел, как мальчик лет четырнадцати несёт краба. Вернее, сразу было не совсем понятно, кто кого несёт – то ли мальчик краба, то ли краб мальчика. Передние лапы краба лежали у мальчика на плече, а задние волочились по земле, чертя в придорожной пыли кардиограмму затухающего крабьего сердца.

– Э! – крикнул кто-то. – Так мальчику помочь, может, надо! На него вон напал кто-то!

– Ну да, – буркнул сопровождающий нас мичман. – Один-то он его не съест, конечно.

И, опять же, вот про кого он сейчас сказал? Про мальчика или про краба?

Краба нам подогнали подводники дня через три. Тогда мы и решили устроить дегустацию божественного напитка.

– Вы что это – пить в расположении части собираетесь? – даже присел от неожиданности старпом экипажа.

– Ой, тащ майор, да что тут пить! Бутылка на восемь человек! Так, под краба, а то пацаны ни того, ни другого не пробовали! – убеждал его Костыль.

– Я не майор! Я – капитан третьего ранга!

- Ну так тем более!
- Ну ладно. Ну только это...
- Ну само собой!

Краба мы варили в ведре в два захода. Сначала сварили одну половину, потом – другую. Нас так местные научили. Вывалили эту тушу на стол прямо и понимаем, что и приборы-то поставить некуда! В смысле алюминиевые кружки и миски. Как-то разместились. Набулькали себе виски по кружкам и сидим, смотрим на краба.

- Ну чё сидим? Молитвы читаем, что ли? – не понял Костыль.
- Дык а как его есть-то?
- Я ртом буду, а вы – как хотите!

Ну тут, как в любом деле, главное что? Правильно – начать. Съели, высосали и панцирь изнутри облизали. Правда, оказалось, что пальцы и губы мы себе искололи знатно, по неопытности.

А ещё однажды у Костыля зашевелился один из осколков, и его положили в военноморской госпиталь спасать от смерти.

– Какое увольнение? – удивился командир, когда мы пришли к нему проситься проведать Костыля. – Оргпериод же!

А оргпериоды в училище любили объявлять налево и направо, по любому поводу. Тогда тоже был какой-то.

- Ну мы это... Ивана Дмитриевича проведать! Ну тащ командир!
- Дело-то нужное, да, – командир пожевал свою бороду, посмотрел в окно. – Слушайте, ну вот вы в самоходы когда бегаєте, ничего же не боитесь?
- Боимся, как это!
- А чего боитесь?
- Ну как чего? Старшину роты, вас, начальника факультета и так далее, по восходящей!
- Ну так вот. Старшину и меня можете не бояться сегодня. Если вы понимаете намёки, конечно.

– Не, не, не! Не понимаем совсем! – ответили мы и, собрав делегацию из пяти наиболее представительных кандидатов, убежали в самоход. Чтоб не идти с пустыми руками, по пути вломились в какой-то сад и надрали там пакет алычи.

- Вы чё, медузы, алычи мне ворованной принесли? – смеялся Костыль.
- Да не, вы чё! На рынке купили!
- А чего она с листьями и ветками тогда!
- Мужик, сука, который продавал, обманул нас, значит!
- «Мужик», ага! Небось вот с такими усами рыжими и родинкой на левой щеке?
- Бля, откуда вы знаете?
- А это кто такие? – строго спросил полковник медицинской службы, который вошёл в палату в этот момент всеобщего веселья.

– А это курсанты мои! Вот проведать меня пришли, видите, алычи мне принесли! С рынка.

– Это из Голландии, в которой оргпериод объявлен? Ой, да ладно, не краснейте так. Долго не сидите, у нас процедуры сейчас начинаются.

А вообще, Костыль разговаривал мало и неохотно. Самую большую речь его мы услышали, когда уезжали из Украины в Россию. Он решил остаться, так как сынишка его жил в Киеве, а как дальше будут разворачиваться отношения двух стран, тогда никто не мог предвидеть, конечно. Нам даже было как-то неудобно, что он как будто извиняется перед нами, что мы вот такие герои, присягу менять не стали, хотя он-то свою, к тому времени, отслужил

уже за пятерых. Да и мы, в общем, не придавали этой канители такого большого значения, как взрослые дядьки в высоких кабинетах. Часть наших друзей ехала с нами, часть – оставалась здесь, но это не являлось для нас поводом терять свою дружбу и ставить выше неё какие-то непонятные политические дрызги. Главное же что? Правильно – попасть на флот, ходить там на абордаж с палашами наперевес и топорами в зубах, есть мясо осьминога или подошвы кирзовых сапог, если совсем не повезло, но уж точно не заниматься политикой.

Козёл

Вот скажите мне, знали ли вы до сего момента, что чихнуть с открытыми глазами невозможно? Нет, ну это вот и знали, может быть, а вот то, что если чихнуть с закрытым ртом, то от скачка давления в мозгу погибает несколько тысяч клеток и потом их тельца выводятся с мокротой через нос, – точно не знали! Хотя лично я очень сомневаюсь в достоверности второго высказывания. Сейчас я вам расскажу, откуда в моей голове поселились эти и ещё куча абсолютно бесполезных фактов сомнительного происхождения.

В нашем военно-морском классе учились два Славика: один мой закадычный дружок из Севастополя и другой. Другой был родом из глубины Советского Союза и складом характера обладал неимоверно загадочным. Внешне он был высок, худ, бледен и сутул. А ещё лицо и причёска у него всегда были такие, как будто он только что оторвался от подушки. Характер, в принципе, ожидаемо соответствовал внешности – другой Слава был добрым, улыбочивым, спокойным и неконфликтным. «Тормозом», одним словом, хотя носил такую смешную фамилию, что и кличку ему придумывать не было нужды. Слава со смешной фамилией никогда не принимал участия в массовых спорах «за правду», которые часто вспыхивали на пустом месте от безделья и скуки и моментально перерастали из культурной полемики в ор, крики и махания руками во все стороны – как обычно и бывает в тесных юношеских коллективах, когда мозгов ещё мало, а задора – хоть отбавляй. И вот эти гвалт, базар и вакханалия бушуют вокруг Славы в четырёх измерениях, а Слава сидит, улыбается и что-то в тетрадку свою пишет. Или просто в окно смотрит. То есть абсолютно никакого интереса к установлению истины. Что, конечно, возмущало окружающих философов, и они периодически Славу доставали, понуждая его, чуть не тумаками, к немедленному выкладыванию на стол своих аргументов. А он терпел-терпел, терпел-терпел, а потом отвечал, обычно:

- Знаете, блядь, что?
- Что?!
- Да ничего, блядь!

По первому времени он, конечно, не матерился: из университета ведь чувак был, а это вам не пальцами в ноздрях ковыряться! Целый курс там отучился, да. Когда командир в классе знакомился с нами и, заодно, знакомил нас друг с другом, он аж привстал, когда личное дело Славы открыл:

- Не понял. Тут опечатка, что ли? Тут написано, что ты... Из МГУ?
- Не, не опечатка. Из МГУ.

Тут все начали немедленно соревноваться в том, кто сильнее может выпучить глаза, изображая лицом удивление.

- Прямо вот из МГУ?
- Ну да.
- Из того самого МГУ?
- Ну.
- Что ну?
- Ну, наверное, не совсем из того, про который вы подумали.

Оказалось, что буква «М» в аббревиатуре означала не «Московский», а «Мордовский». Что, конечно, не так впечатляло. Но всё равно мы подумали: «Фигасе, круто – из университета парень!» Так как сами были в основном из средних школ, ну, максимум из техникумов. А ещё мы тогда подумали, что будет теперь у кого списывать высшую математику и прочие, чуждые разумной жизни предметы. Но нет. Не из-за любви к морю пришёл Слава в военно-морское училище, а хуй знает из-за чего вообще он припёрся из Саранска в Севастополь. Учиться он не хотел совсем. И не дурак ведь был, абсолютно. Когда в нём загорался огонёк тяги к знаниям,

он за пару часов делал лабораторные, на которые у нас уходили недели. Но огонёк загорался крайне редко, а во всё остальное время в голове Славы крутился сонм абсолютно невероятных и бесполезных фактов о мироустройстве вселенной. Как они попали в его голову и почему захватили его разум – это науке неизвестно. Слава всегда жил как бы здесь, но как бы и не совсем, «на второй программе», так мы это называли. Вот представьте себе, сидит за вечерним чаем в каюте будущая элита военно-морского флота и рассуждает о том, ну когда уже суббота и будут танцы, а Слава выдаёт:

– Швейцария ни с кем не воевала с тысяча пятьсот пятнадцатого года.

И дальше уходит в свой улыбчивый астрал. Или за обедом все начинают дружно бухтеть, что, блядь, как достало уже это гороховое пюре, а он:

– Рёв льва слышен за восемь километров.

Ну вот как приложить льва к гороховому пюре из концентрата в оловянном котелке? Вот как?!

И зачем, скажите на милость, мне знать, что Леонардо да Винчи рисовал губы Моны Лизы двенадцать лет или что хамелеоны никогда не меняют цвет в зависимости от окружения, если мы сейчас обсуждаем, кто и как прикрывает друг друга во время самохода? И, конечно, прикольно, может быть, знать, что дырка (отверстие по-нашему, по-инженерному) в точилке для карандашей называется «патрон» или что в космосе невозможно плакать (ну это и так любой понимает с мало-мальским средним образованием), но как это поможет мне решить вот эту вот матрицу, которая, сука, ну никак не подгоняется к ответу в задачнике!

Привыкли все к этой Славиной странности, конечно, и никого она явно и открыто не раздражала. Но вы же понимаете, что если ты умничаешь постоянно и не к месту в замкнутом коллективе людей, получающих высшее образование, то рано или поздно кто-то да подловит тебя на какой-нибудь мелочи.

– У осьминога прямоугольные зрачки! – объявил как-то Слава, когда мы вшестером сидели на лабораторной по теоретическим основам электротехники и лампочка на другом конце цепи никак не хотела загораться.

– Ну и хули? – встрепенулся Слава, который из Севастополя. – У козы тоже!

И такой, знаете, весь засиял лицом сразу, как, например, если вы играете в карты и у вас на руках одни «пики», а все ходят, как назло, в «бубны» и уже давно догадались, что у вас одни «пики» и пощады ждать уже не приходится, а тут какой-то лошок раз – и зашёл в пики... И все такие: «Ну ты и ло-о-ох!» А вы такой: «Идите к папочке, курочки, папочка вас сейчас щипать начнёт!» И лицом так сияете сразу и плечи расправляете на такую ширину, что и не предполагалась в вашей конституции.

– Да ладно? – удивился Слава из МГУ.

– Шоколадно! – аргументированно ответил ему Слава из Севастополя.

Слово за слово – решили проводить следственный эксперимент, потому как Гугл тогда ещё не изобрели, а в научной библиотеке спрашивать книжку с фотографиями коз как-то никто не решился, несмотря на всю решительность.

Прямо за забором училища ютились несколько лачуг, в которых жили старички и старушки и пасли этих коз регулярно и даже на нашем стадионе. Не каждый день, но раз в неделю точно. Можно было бы и подождать до следующего выпаса, но истина – это вам не Белоснежка: она, лёжа в гробу, ждать вас не будет безмолвно, а свербить между ушей начнёт прямо сразу, как только вы вслух пожелаете её установить в группе из более чем двух человек. Ну и ещё остальные начнут вас подзуживать – какие, мол, вы корсары, если вам даже в козлятник к дедушке вломиться слабо...

«Да кому слабо-то? Вот вообще не слабо ни разу!» – это вы сейчас прослушали увертюру к последующим этим же вечером событиям в двух коротких актах без антракта.

За часик до вечерней поверки сплочённая группа из двух Слав перемахнула через забор, забралась в ближайший козлятник и начала проводить следственные мероприятия. Севастопольский Славик зажимал козла коленями и держал того за рога, хотя козёл особо и не сопротивлялся. Хоть какое-то да развлечение в монотонной козлиной жизни, правильно? Славик из МГУ чиркал зажигалкой перед козлиной мордой, пытаясь заодно открыть тому глаза.

– Вы что, вахлаки, козла моего ебёте? – послышался старческий голос из дверного проёма, и кол так зловеще тукнул об косяк.

Тук.

Неловкую паузу нарушил дуэт запротестовавших Славиков:

– Фу-у-у! Дед! Ну фу-у! Ну ты совсем дурак, что ли, блядь!

– Охуенно девки пляшут, – почесал дед в затылке. – Они, значит, вокруг козла моего в темноте вьются, а дурак – я?

– Ну дед, ну как тебе такое в голову-то твою лысую это вошло-то!

– Не, ну а что мне туда должно было войти, пучеглазые морячки?

– Мы проверяли, прямоугольные у него зрачки или нет! В целях научного эксперимента!

– У козла моего?

– Ну.

– Наука – дело хорошее! Давайте свет, что ли, включим, раз такое дело!

Потом они сидели втроём на крыльчке козлятника и курили в ночь.

– Дед, а чего ты нас пучеглазыми морячками назвал?

– Ну так песня же такая есть: «У штурвала пучеглазый морячок».

– Что за песня?

– Бля, пиздец! Наберут детей на флот, а молока не завезут! Откудова вы берётесь такие тёмные-то в вопросах искусства?

– Да, – вздохнул Славик, который из Севастополя, – молока-то неплохо было бы... того.

– Дык нет проблем-то с молоком, – пыхнул дед. – А не могли бы вы старенькому дедушке помощь оказать посильную из благих побуждений?

– Что за нелепый вопрос! Мы ж это, защитники твои и всё такое. Конечно, могли бы!

– Крыша вон у меня в углу просела над сараем. Сам-то я не могу её починить, но покомандовал бы вами – тут на пару часов работы всего.

– Договорились! Но только – завтра, сейчас нам на поверку бежать пора уже! А завтра мы и друзей с собой парочку прихватим!

– Не обманете?

– Де-е-ед! Ну ты чё! Мы ж без пяти минут офицеры!

– Это на втором-то курсе без пяти минут?

– Ну ладно, без пятидесяти пяти! Точно придём!

– Ну смотрите... А то ж я всем расскажу, как вы козла моего...

– Фу таким быть, дед!

– Фу не фу, а крышу-то мне починить больно уж надо!

Следующим вечером мы вчетвером: Слава, Слава, Лёша и я – пришли на отработку к деду. Крышу починили, чё там. Только втроём, от Славы из МГУ пользы и тут не было никакой – лишь улыбался и мешался под ногами. Дедушка потом нам долго молоко носил.

– Насосы! – орал он через забор, когда видел нас на стадионе. – Есть дело! – и махал банкой с молоком.

– Молокососы! – бухтел на нас Костыль.

– А неприлично вслух завидовать, тащ майор! – орали мы ему из-под забора.

– Банку мне не разбейте, осторожнее там! – волновался дед из-за забора.

Дураки

Когда мне наконец разрешат проводить опыты над людьми, а я искренне надеюсь, что это вот-вот случится, то знаете, какой эксперимент я проведу одним из первых? Уверен на сто сорок семь процентов, что никто не догадается.

Мне было бы интересно посмотреть за тем, чем вообще станут заниматься люди (в основном мужчины), если у них забрать средства выхода в интернет, алкоголь и заставить их проводить время вместе. Нет, не то чтобы я буду сейчас бухтеть, что они все задроты и не умеют устанавливать коммуникации друг с другом без наличия определённого количества гаджетов. Отчасти оно так, конечно, но в любом случае они же в этом не виноваты, понимаете? Они же не виноваты в том, что изобрели компьютеры, интернет и смартфоны с планшетами, а потом решили, что вообще-то думать людям вредно, и ни к чему это занятие, и информацию не нужно добывать от слова «вообще». Она есть в незнаюкаксказать какой близкой доступности. Она разжёвана, разложена на порции размером в один глоток и снабжена картинками для того, чтоб даже фантазию свою включать не надо было.

Каким образом раньше можно было узнать о протяжённости границы Китая, например? Надо было идти в библиотеку, ходить между стеллажами, поглаживая корешки книг (никогда не мог удержаться, чтоб не сделать этого), искать те книги, в которых предположительно эта информация может быть, потому как сидеть здесь и читать их долго нет времени, нужно же ещё на футбол сбегать и с друзьями по району пошляться, нести эти книги домой и там, с фонариком под одеялом, потому что мама же спать заставляет, а тебе завтра нужно это знать обязательно, выискивать информацию об этой границе, попутно натыкаясь на описания терракотовой армии, Великой стены и технологии выращивания риса в провинции Юньнань. А сейчас что? Набрал в Гугле, и пожалуйста – 22 117 км. И что? Вот современные люди не чувствуют же сейчас никакого диссонанса, а такие ретрограды, как я, чувствуют. Пропало волшебство, понимаете? Вот не потрогал я корешки книжные, не походил по гулкой тишине библиотечного зала, не бежал потом с парой книжек на стадион Днепровской танковой дивизии, не листал странички, прислушиваясь, не идёт ли кто. И про терракотовую армию тоже ничего не узнал. Информацию нужную я теперь знаю, конечно, но в голове кроме сухих цифр ничего не останется: ни обрывков чувств, ни запахов, ни тактильных ощущений. Не знаю, но обман же это какой-то.

Ну, вот а как раньше мы собирались для совместного времяпрепровождения? Не то что мобильных, городских-то телефонов и то не было. Ну, были, но не у всех. Мы всегда точно знали, где кого можно найти, и нам всегда было чем заняться. Сейчас-то вроде как удобнее с мобильниками, но вот есть у меня один друг, который крайне необязателен в плане выполнения своих обещаний. Как тогда он постоянно опаздывал, забивал на заранее установленные встречи и занятия, так и сейчас это делает. То есть наличие двух номеров телефона, скайпа, трёх e-мейлов, Вибера и ВотсАпа не изменило ничего. Ну, был просто мудака, а теперь мудака с телефоном. Что изменилось-то?

Это я знаете к чему веду-то? Один читатель поинтересовался: что вот, интересно, с одной стороны, в армию вроде как должны набирать дураков для того, чтобы они выполняли приказания, не терзая себя сомнениями, а с другой стороны, дураки не могут же управлять сложными системами и механизмами – ломают. И где, мол, грань для определения уровня умственного развития офицера флота. Хотел рассказать историю одну про преферанс, но чувствую, что позже ее время будет.

Я начну издалека, пожалуй. Вот представьте, живёшь ты в каком-то абсолютно сухопутном городишке, ходишь в среднюю школу, хорошую и всё такое, готовишься стать взрослым (то есть выбираешь себе, кем же ты хочешь работать с восьми и до пяти пять дней в неделю),

а на дворе восьмидесятые заканчиваются. «Восьмёрка», когда первый раз появилась у нас на улицах (красного цвета, до сих пор помню) произвела такой фурор, какой и Майкл Джексон не всегда на своих концертах производил. А школа твоя возле военного городка стоит, и ходят в неё в основном дети военных, которые, естественно, тоже хотят стать военными. Сапёрами там всякими, танкистами, строителями и в основном замполитами. А ты не хочешь в замполиты. Нет, ты комсомолец и как бы ещё привычно ждёшь победы социализма, но вот не хочешь. И танкистом не хочешь, хотя танки красивые, у танкистов крутые шлемы, и у тебя в сарае даже танковый перископ лежит и инструкция по эксплуатации Т-62, но не хочешь. И тут на экраны телевизоров выходит «Секретный фарватер», и ты моментально понимаешь, что за шум тебе снится по ночам и почему ты всё время пересаливаешь еду. И капитан Шубин, он же красивый, что тоже немаловажно, мужественный и нравится всем девочкам абсолютно. Это потом уже ты узнаешь, что специальность «командир торпедного катера» тебе присвоят после первого курса, пока у тебя пушок с ушей ещё сойти не успел, и если начнётся война, то вот тебе, пожалуйста, торпедный катер, и вперёд! А сейчас, набравшись смелости, ты объявляешь маме, что раз она по причине бедности не хочет отдавать тебя учиться на юриста, а обязательно заставляет становиться военным, то это будет только военно-морской флот! И точка, нечего тут обсуждать.

В школе ты автоматически становишься крутым парнем, потому как вообще один-единственный из всех выпускников двадцати двух школ в городе едешь поступать в военно-морское училище. Все же знаете как – кучками поступают, не так страшно вроде как от мамкиных сисек отрываться, и дружеские связи крепки и установлены на веки вечные, не меньше. Ну, конечно, спросили, не дурак ли я, дружбаны мои. Хотя так спросили, не очень настойчиво, они же уже привыкли, что у всех пластинки «Модерн Токинг» и «Пет Шоп Бойз», а у тебя «Полис» и «Дайр Стрейтс», если вы понимаете, о чём я. Потом военком. Он долго ищет список военно-морских училищ Советского Союза. Нет, он знает точно, что такая книга у него была, но вот где она... А, вот, нашёл. Сдувает с неё пыль, раскрывает и говорит:

– Сынок! Я даже не знаю, куда тебя послать-то! Я артиллерист же, понимаешь, и про военно-морские училища знаю только то, что они есть.

Начинаем с ним листать эту огромную книжищу.

– Так, – говорит военком, – в Приморье ехать смысла нет – далеко. Ленинград есть и Севастополь, что выбираешь?

– Севастополь, конечно! В Ленинграде я два раза уже был, а в Севастополе – ни разу!

– Вот ведь незадача, – хмурится военком, – а в Севастополе их целых два, оказывается. Одно в городе и готовит ракетчиков (одобрительно хмыкает в этом месте), а другое – в бухте Голландия, инженеров готовит.

– Конечно, в бухте!

И начинается. Четыре или пять медкомиссий за полгода, на которых проверяли всё, что только можно было проверить, не прибегая к особо жестоким пыткам. Ну, ты же спортсмен (биатлон, баскетбол, волейбол), не куришь и ещё даже не пробовал алкоголя. Нет проблем, да и прикольно – в школу можно не ходить, пока врачи тебя щупают со всех сторон, а потом ещё можно приходиться и просто сидеть на уроках, ничего не делая, потому что врачи для нахождения у тебя глазного дна закапали какие-то специальные капли, от которых ты можешь плохо видеть ещё пару дней. Видишь-то ты хорошо, но говоришь, что плохо и вообще почти нет.

Экзамены, выпускной, поезд – и здравствуй, Севастополь. В сумке у тебя аттестат с тремя четвёрками, грамоты за успехи в изучении физики и истории, все спортивные книжки с разрядами, палка колбасы, недоеденная курица и смена белья. Вы бывали когда-нибудь в Севастополе? Просто я не совсем понимаю, как можно описать чувства семнадцатилетнего подростка, который до этого был на море всего один раз, и то на Азовском. Лето, яркое солнце, вокруг тебя ходят офицеры в белых рубашках, а ты стоишь на Графской пристани и во все свои глазёнки пялишься на настоящее море. Ты видишь Константиновский рavelин, памятник затоп-

ленным кораблям и военные корабли вокруг. Их много, они выстроены красиво в ряд, развеваются флаги, кипит жизнь, и над всем этим летают белоснежные чайки. Не вороны, ребята, не галки, воробьи и перепела, а белоснежные чайки! Как я жил-то без всего этого до сих пор, искренне недоумеваешь ты и даже немножко жалеешь своих друзей, которые поехали зачем-то поступать в Донецк, Каменецк-Подольск, Новосибирск, Пушкин и какую-то там Москву.

– В Галошу? – спрашивает кто-то у тебя за спиной.

Это какой-то капитан первого ранга, он улыбается тебе и понимающе качает головой.

– Да, – говорю, – а вы не знаете, как до неё добраться?

– Знаю, пошли, сынок, нам на катер надо.

На катер! Ух ты ж! А на катере есть такая открытая площадка на корме, где можно стоять и вертеть головой во все стороны, потому что катер маленький, а десантные корабли и ракетные крейсера большие, и они нависают над тобой так, что кажется, будто они до неба достают.

– Почему в подводники решил пойти? – спрашивает капитан первого ранга, который курит папироску, облокотившись на леер, но ты ещё не знаешь, что это леер, а думаешь, что просто верёвка.

– Куда?

– Ну в Галоше подводников готовят. А ты не знал?

– Нет, – говорю, – откуда же мне это знать?

– Ну теперь знаешь. Но не бойся – настоящая мужская работа это. Если не погрёшь, всю жизнь потом помнить будешь.

А кто боится-то? Да и как можно бояться того, чего не знаешь, а тем более в семнадцать лет?

На пункте приёма абитуриентов тебя заставляют выбросить колбасу и курицу и спрашивают, на какой факультет записывать. Это, конечно, косячок, военком про факультеты-то не говорил ничего.

– На инженерный, – говоришь ты, и офицеры на приёмном пункте начинают смеяться. Но так от души, знаете, совсем не обидно, ты даже сам начинаешь улыбаться вместе с ними, хотя и не понимаешь ещё, что смешного сказал.

– Это училище всё инженерное, во всех местах, вот куда ни плюнь! Четыре факультета, выбирай на вкус. Ладно, всё с тобой ясно.

Офицер звонит куда-то, и приходит невысокий пухленький капитан первого ранга с повязкой на кремовой рубашке и обаятельной улыбкой. Пронин его фамилия. Ох и хороший же был человек! Он смотрит твои документы, грамоты, наградные листы, нюхает их (они же колбасой пахнут) и говорит:

– Слушай, парень ты умный, как я погляжу. Любишь электронику, телемеханику и компьютеры?

– Конечно! – уверенно говоришь ты, хотя до этого компьютеров и в глаза-то не видел, а слово «телемеханика» – это что-то из романов Лема.

– Мы второй раз набираем экспериментальный класс по специальности «автоматика». Так в среднем в училище конкурс семнадцать человек на место, а к нам двадцать пять. Рискнёшь?

– Конечно!

– Ну удачи тогда на экзаменах, потом увидимся ещё, и не раз. Я начальник кафедры автоматике, буду тебя учить и помогать.

И ты такой гордый, что уже подружился с капитаном первого ранга, идёшь в казарму. И встречаешь по дороге курсантов, и начинаешь как-то неуютно себя чувствовать – они-то вон какие красивые в форме, в застиранных до голубизны гюйсах и лихо сдвинутых набок пилотках, а некоторые и вовсе в бескозырках и со стопками учебников и тетрадей. Ты же не знаешь ещё, что это двоечники, которые не сдали сессию и их не отпустили в летний отпуск до

сдачи всех «хвостов», а нормальные-то все уехали по домам. А в казарме дикий муравейник из людей, которые приехали сюда со всех концов СССР и даже из таких мест, о существовании которых ты и не подозревал раньше. И вы начинаете знакомиться, и жмёте друг другу бесконечные руки, и слушаете бесконечные имена и названия городов, и от этих имён и городов стоит такой низкий гул, как будто рой клубится над вашими головами. Тут же ты с удивлением узнаешь, что есть люди, которые приехали поступать во второй, а то и в третий раз, и становится немножко страшно – а вдруг не поступишь?

На экзамене по математике с тобой рядом в огромной аудитории сидит Паша из Джанкоя в красной рубашке, который поступает третий раз и пытается вытащить шпору из рукава.

– Ну что же вы, молодой человек, рубашку-то красную надели? Вас же видно с вашими шпорами. Уберите, или я вас удалю с экзамена, – вежливо и спокойно говорит ему маленькая сухонькая женщина-преподаватель.

– Хорошо, – со вздохом говорит Паша. – В следующем году голубую надену или серую, чтоб не видно было.

– Не ссы, Паша, – шепчешь ты ему и решаешь его вариант, потому что твой каким-то уж слишком лёгким оказался.

А на физике клинит, например. Вот простая задача, но ни одной формулы в голове, как ветром сдуло. Отвечаешь билет, и все одобрительно кивают головами и просят переходить к задаче, потому как с теорией всё хорошо.

– Пятнадцать минут, – говоришь ты.

– Что пятнадцать минут?

– Ответ в задаче – пятнадцать минут.

– Правильно. А как вы её решали?

И ты начинаешь объяснять свою логическую цепочку, но председатель комиссии требует формул, и всё тут.

– На какой вы факультет поступаете? – спрашивает полная женщина, которая всё время молча сидела сбоку в бесформенном коричневом платье. У неё кличка Капелька, и она добрейшей души человек, очень грамотный и талантливый преподаватель, но ты об этом ещё не знаешь.

– На третий.

– Товарищ председатель комиссии, – снимая очки, обращается она к председателю. – Я его буду учить и считаю, что экзамен сдан на отлично. Мне его знания и уровень логического мышления более чем подходят.

И ты выходишь с экзамена гордый, как павлин, хотя только что, как лошара, едва не завалил экзамен на простейшей задаче с троллейбусной остановкой.

Потом были пять лет учёбы, во время которых ты изучал... да что только не изучал! Кроме общих дисциплин гражданских вузов ты же ещё учил и свои военные, начиная от морских узлов и шлюпочной практики и заканчивая устройствами турбин и реакторов подводных лодок, а также их борьбой за живучесть с практической отработкой. И тебе начинали рассказывать про аварии на подводных лодках и заставляли учить наизусть число погибших на них людей: кто от чего и на какой минуте аварии погиб, кто сгорел, кто утонул, кто повесился или замкнул собой клеммы аккумуляторной батареи, чтоб не мучиться от удушья, сколько человек до сих пор на дне океана, от чего случилась авария, как она развивалась, и периодически спрашивали, а не передумал ли ты, дрищ ссылявый, идти в славные ряды подводных сил и не желаешь ли перевестись на надводника в училище имени Нахимова?

Из тридцати пяти человек, которые поступили в наш класс, окончили его двенадцать. Можно ли считать, что они окончили потому, что были дураками? Я так не думаю, но я сейчас говорю о слове «дурак» с технической, научной точки зрения.

И вообще, мне кажется, что сомнения терзают дураков ещё сильнее, чем грамотных людей, и способность дураков выполнять приказания несколько преувеличена. Конечно, приказания «принеси-подай-пошёлнахуй-не мешай» дураки способны выполнять с филигранной тонкостью, но всё дело в том, что приказаний таких на атомной подводной лодке процентов пять. Ну, может, десять, не более того.

У нас на факультете висел огромный плакат с, как сейчас модно говорить, мотивационной цитатой. Я до сих пор помню, что на нём было написано:

«Страшнее всего в технике быть троечником. Троечник – человек, достаточно грамотный для того, чтобы представить себе последствия катастрофы, но недостаточно грамотный, чтобы её предотвратить. И. В. Курчатов».

И когда меня распределяли на флот, то за успешную защиту диплома предложили выбор на моё усмотрение.

– Восемнадцатая дивизия, – сказал я, даже не думая, потому что, впервые побывав на практике на «Акуле», влюбился в неё во всю мощь своей технократической любви.

На «Акулы» раньше брали вообще только офицеров с красными дипломами. Мне повезло, потому что потом требования снизили, а красного диплома у меня не было.

Дураки и преферанс

Сколько раз за время своего продвижения по социальной лестнице вы оказывались в самом низу и начинали продвижение в иерархии с самого низа? На своём примере я сейчас расскажу вам, как это происходит с офицером военно-морского флота. Ну, и расскажу обещанную историю про преферанс.

Вот поступили вы в военно-морское училище, уехали от мамки и вроде как стали самостоятельным человеком. Но на самом деле вы живёте по строгому расписанию и не выбираете себе ни меню, ни время сна, ни даже одежду. На зарядку – трусы и прогары, на занятия – роба и пилотка, в увольнение – бескозырка и красивая глаженная форма с беленьким подворотничком, носовым платочком и двумя иголками с чёрной и белой нитками. Единственный выбор, который вы делаете самостоятельно на самом деле, это в какие кусты отвести принцессу, чтобы погладить её по попе и запустить руки ей под кофточку. Ну, если повезёт с принцессой. В иерархии ты в самом низу снова оказываешься. Ну, почему «снова», вы понимаете? Когда вы заканчиваете школу, вы же чувствуете себя взрослым, самостоятельным, умным, отличным и готовым ко всему? Ну вот. А потом опять – малолетнее говно, и «молоко мамкино на губах не обсохло», и «у тебя волосы на яйцах выросли-то уже?». А вокруг тебя ходят взрослые дядьки-пятикурсники. Они уже с пузами некоторые, с усами во всё лицо, медленно передвигаются и не обращают на тебя никакого внимания, как на низшую форму жизни. Потом они становятся лейтенантами, надевают новенькую офицерскую форму, и ты краем сознания замечаешь, что на самом деле они какие-то совсем уж молоденькие и такие же зелёнькие, как ты. Но это они, у тебя же точно всё будет по-другому! Ты будешь взрослым, солидным и смотреть на всех с высокомерным прищуром! А потом оказывается, что нет.

Тебе выдают диплом, предписание, вещевого аттестат и жмут руку. И вот тут-то ты понимаешь, что никакой самостоятельной жизни ты и не нюхал до сих пор. С двумя баулами, в которых лежит форма, джинсы «левис» и куртка «топган», ты стоишь посреди площади в городе Мурманск-150 с открытым ртом, и, ёпт, тебе же даже жить негде. Вот она – радость взросления и самостоятельной жизни!

А! Ну да! В социальной иерархии вы стоите даже не на нижней ступеньке, а вообще на полу. Даже грамотных матросов второго года службы уважают сильнее вас и называют по имени, а вас зовут «лейтенантом». Ну, вы как бы и есть лейтенант, конечно, но в подводном флоте принято обращаться друг к другу по имени-отчеству и уважительным прозвищам «братан», «родственник», «баклан». А по воинскому званию обращаются только к гондонам, мало-знакомым офицерам и лейтенантам. Если переходить на язык метафор, то ты как курица среди тигров – тебя не жрут только потому, что тобой не наестся и охотиться на тебя неинтересно: ты же даже летать не умеешь. Только ходишь где-то внизу, крутишь башкой и хлопаешь глупыми глазёнками. И начинаешь учиться, учиться и ещё раз учиться. А ещё тренироваться и пытаться вникнуть во все традиции, устои и правила поведения в том экипаже, куда ты попал. Плевать всем на твой диплом и на тебя, и на охуенность твою, и на твои таланты поэта, художника и трубача на саксофоне. Нет такой должности на флоте – «хороший парень». Конечно, дураки попадают на флот. Безусловно. Несмотря на весь строгий отбор и сложную систему обучения, некоторым из них просто везёт, а некоторых жалеют преподаватели. На флоте для дураков есть специальный круговорот. Когда понимают, что ты дурак, от тебя сразу стараются избавиться. Стремятся отправить на курсы повышения квалификации, офицерские классы или в академию в надежде на то, что потом тебя распределят в другое место подальше отсюда. Ну, или, на крайний случай, тебя путём военной хитрости сплавляют на соседний экипаж хотя бы.

Отсутствие гениальности, говаривал наш старпом Сей Саныч, компенсируется частотой повторений.

– Слушай, минёр, – ебал он минёра, который пытался сдать ему МППСС⁶. – У тебя с бабой в первый раз всё получилось нормально?

– Да! – гордо отвечал минёр.

– До пола борода! Войти хоть внутрь успел до того, как кончил? Вот сейчас, минёр, не успел: я ещё и не начал, а ты уже кончил. Иди, минёр, тренируйся! Грубей душой и учись ласкать меня знаниями. Такой вахтенный офицер, каким ты сейчас кажешься, не то что не нужен, а даже не смешит меня, от слова «совсем». Вот когда начнёшь хотя бы смешить, тогда и возьму тебя на ходовой мостик!

Международные правила предупреждения столкновений судов каждый вахтенный офицер и вахтенный командир должен знать наизусть. И не просто знать наизусть, но и уметь применять моментально и не задумываясь. Вот был ли минёр дураком, когда стоял на мостике под проливным дождём, градом и снегом, блевал за борт, укачиваясь вусмерть, оттого что находился при килевой качке на высоте в пятнадцать метров, и плечо у качки было сто семьдесят пять метров, при этом следя за горизонтом и воздухом, и безаварийно расходился со встречными и попутными судами?

Кто-то писал, что для военного главное – выучить стандартный набор действий, и всё, на кой хер ему мозг? Не буду говорить за всех военных, но за подводников скажу. Стандартный набор действий выучить, конечно, нужно, но пригодятся они вам максимум в шестидесяти процентах случаев. А в остальных сорока вас выручит только смекалка, нехилый багаж знаний и умение мгновенно принимать решение. Причём убить вас и ваших товарищей может и один процент из этих сорока. Вернее, не может, а убьёт со стопроцентной вероятностью. А смотрите – я жив и относительно здоров, поэтому с железобетонной уверенностью считаю, что дураков среди моих друзей не было. Были недотёпы, были туповатые, были скучные, были жадные, были нелюдимые – всякие были, как и в любом сообществе людей. Но вот дураки куда-то очень быстро девались. И уровень ответственности. Дурак его не осознаёт и относится к нему небрежно, что неминуемо приводит его совсем не к тем результатам, которые ожидаются.

Ну, мы не будем сейчас говорить о том, что делать выбор не в пользу сытой жизни, а в пользу защищать Отечество в девяностые было, мягко говоря, не в моде, и дураками считались автоматически все, кто такой выбор всё-таки делал, ладно?

Теперь обещанная история про преферанс.

Очень любили мы это занятие долгими зимними вечерами, плавно переходящими в утро, стоя несколько месяцев в боевом дежурстве. Нет, устраивали, конечно, чемпионаты по «Мортал Комбату» на «Сеге», но это быстро надоедало, а вот преферанс – дело совсем другое. Собирались на него к заранее определённой времени, помогая друг другу закончить дела по уходу за матчастью, составляя меню попутного ужина и строго распределяя обязанности.

– Андрюха! – говорю я доктору. – Пошли в пятнадцатый, Сане со щитом электрическим поможем закончить, а то он не успевает!

– Эдик, ты дурак? Я же доктор, у меня винты за седьмым стоят! Если остальные доктора узнают, что я до пятнадцатого дошёл, то на руках меня носить начнут, за мою божественную смелость!

– Ну, тогда картошку чисти, пока мы заканчиваем!

– Бля, ладно, пошли в пятнадцатый. Только никому ни слова об этом, иначе медикаментозные муки тебе гарантированы!

Саня, конечно, не то чтобы сам прямо щит этот перебирал, он же командиром группы был, но процессом руководил лично, как положено.

– Так, бакланы, питание со щита сняли?

– Сняли!

---

⁶ МППСС – Международные правила предупреждения столкновений судов.

– А резервное?
– Так точно!
– А аварийное?
– Само собой!
– А что ещё отключали?
– Ну, так всё же вроде!
– Ладно, я тогда отойду подальше, а то запах горелого мяса не очень переношу своими тонкими ноздрями!

– Ну, Са-а-аша...

– Хуяша! А с соседнего борта вам кто питание отключать будет? Доктор, может?

– А!!! – обрадовался доктор. – Так вот он как работает! Ебуки всем раздаёт! Это я умею!!

Так, кожаные мешки с плохой кровью, какого хуя и до каких пор?! Почему? Почему, я вас спрашиваю?! И в глаза! В глаза мне смотреть! Чтоб всё! Всё как положено! И никаких мне тут! Нюхайте, чем пахнет! И напрячься всем немедленно!

Электрики ржут, глядя в нахмуренные докторские брови.

– Андрюха, – говорит ему Саня, – а ты картошку-то почистил уже? И вообще, мы не мешаем тут твоему выступлению? Ничего, что у нас руки гаечными ключами заняты и мы не аплодируем?

– Э, бля! А мне Эдик сказал, что если я тебе помочь схожу, то картошку чистить не надо!

– А он наебал тебя, Андрюха, потому что они с Борисычем поспорили, сможет ли он тебя до пятнадцатого дотащить в сознательном состоянии и не связанного!

– Ах он тварь!

– Хитрая тварь, прошу заметить! – добавляю я.

А картошку мы жарили в стерилизаторе для хирургических инструментов. И вот сидим мы, значит, расписываем пулю, с нами Крис Ри музыку нам всякую приятную играет, картошка в стерилизаторе шкворчит с салом, и тут доктор говорит неожиданно:

– Старпом.

– Что – «старпом»? – спрашивает Борисыч, и тут дверь в каюту резко распахивается. На пороге – старпом.

А все, открыв рты, смотрят на Андрюху.

– Как ты узнал-то?

– По цокоту копыт, ёпта.

– Так, – вступает старпом, – что тут, бухаете опять?

– Ага, – говорит Борисыч. – Ни разу не было и снова повторилось!

А стоя в боевом дежурстве, мы не пили. Строго с этим было. Ну как, стакан иногда на ужин можно было залудить, но это же только для запаха подводнику, не более того.

– А стерилизатор у вас тут на хуя стоит? Доктор, блядь.

– Э... стерилизуем инструменты. Сейчас с офицерами занятие практическое буду проводить по вскрытию брюшной полости в походных условиях!

– А картошкой жареной почему аж до моей каюты пахнет? – И лезет в стерилизатор. – О, бля! С салом! Вы чё, блядь, вообще тут опухли? Я там сижу, ломаю голову, как сделать вашу службу ещё невыносимее и какими ещё извращёнными способами вас ебать, чтоб вы меня боялись, а вы даже на ужин меня не позвали?

– Так не готово же ещё, Сей Саныч! Мы собирались!

– Пиздите же, бакланы! – ржёт старпом.

– А может, и пиздим, но недоказуемо теперь!

– Ладно, я в доле, что с меня к столу?

– А вот сейчас обидно стало, Сей Саныч! Мы вам даже спинку готовы почесать за просто так, пока вы картошку есть будете, так сильно вас любим, а вы о каких-то мелочах!

– Блядь, – говорит старпом, – никогда не думал, что такая грубая лесть может быть такой приятной! Ладно, схожу за пузырьком тогда!

– Так вы же запретили?

– Со мной-то можно! Это без меня нельзя.

Старпом прибегает через пару минут со спиртом, садится в уголок и начинает терпеливо ждать. А мы раздаём.

– Мизер втёмную! – объявляет доктор.

– Ага, – говорит старпом, – у нас на курсе так все дебилы делали, которые играть не умели. Так они не дебилами, а отчаянными гусарами себе казались!

– Сей Саныч! Картошку попере мешивайте, если вам заняться нечем!

– Мне всегда есть чем заняться, Андрюха! Но когда я не целуюсь с женой, рот у меня всё равно свободен! Так что опять ты промазал, докторишка!

Раскатали мы, конечно, доктора, как каток улитку, с его мизером втёмную и с чувством выполненного долга объявили перерыв на ужин. Играли всегда на интерес мы своей компанией. И есть тоже старались вместе, когда в каюту не помещались, клали дверь на два РДУ⁷, накрывали её картами и выкладывали в общую кучу, кто что с собой принёс. Каждый день. И разговаривали. Мы всегда много и охотно разговаривали на любые темы. Спорили, доказывали, смеялись, ругались, обижались и тут же прощали друг друга, чтоб ввязаться в очередной спор, и хлопали друг друга по плечам в порывах искренних чувств.

Не знаю, как думаете вы, но мне кажется, что дураки не умеют дружить годами и не могут находить совместные занятия под длинные разговоры обо всём со смехом, руганью и похлопываниями по плечам долгими зимними вечерами, плавно переходящими в рассвет. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

---

⁷ РДУ – регенеративная двухъярусная установка.

Моряки бывают

Про матросов хочу пару слов рассказать сегодня. Ну, что матросы? Как и любые люди в определённо взятой группе, они бывают разными. Бывают с неоконченными высшими образованиями, бывают вообще без среднего, бывают башкиры, дагестанцы и гондоны. А ещё, пару раз, правда, всего, у нас попадались даже матросы из Москвы.

Один из них, помню, был каким-то чемпионом по пауэрлифтингу парному (не помню, как это точно называется), и как попал на флот, даже сам толком объяснить не мог.

При довольно среднем росте имел пятьдесят четвёртый размер ноги и какой-то там семидесятый шапки. Девяностые годы, вы же понимаете, тогда на срочную службу, к нам во всяком случае, попадали только те, кого удавалось отлавливать в глухих российских селениях, горах и лесах, которые не знали, что нынче демократия и от армии (а уж тем более флота) давно и модно стало косить. А тут – москвич. Чуть не всем экипажем собрались на него посмотреть, когда его к нам привели в первый раз. Да не, шучу, конечно, привёл его я, так как его назначили к нам в дивизион, а на пирсе нас встречали командир дивизиона Антоныч и командир трюмной группы Борисыч.

– Это ты кого нам привёл? – спрашивает Антоныч.

– Матрос Кузнецов, – говорю, – назначен к нам трюмным!

– А чего он в лыжах? Лето же?

– Это ботинки, – бурчит Кузнецов, а сам улыбается и краснеет.

– А где ты взял такие ботинки? У Олега Попова отобрал?

– Не, мне на заказ в Североморске сшили, у меня нога большая.

– Не, нога большая вон у Эдуарда – сорок четвёртый размер, а у тебя она какая-то аномальная!

– Я знаю, – бурчит Кузнецов, – всю жизнь смеются надо мной.

– Ну, мы не в цирке, поэтому не ссы – смеяться не будем. Специальность у тебя какая?

– Никакой.

– А чего тебя к нам прислали?

– Не знаю.

– А сам откуда?

– Из Москвы.

На минуту повисла неловкая пауза. Повисела и села с нами рядом покурить, потому что чего висеть, как дуре, в одиночестве?

– Из какой Москвы? – уточнил на всякий случай Борисыч. – Из той самой?

– Ну да, а из какой ещё?

– Ну, мало ли там... Кто вас знает.

А у нас до этого тоже был матрос, из МГУ, говорил, только оказалось потом, что это Мордовский госуниверситет, а не тот самый. Поговорили мы с Кузнецовым минут десять-пятнадцать, рассказали ему про тяготы и лишения, посочувствовали его нелёгкой долюшке, а в конце Антоныч резюмировал:

– Ты, конечно, не обижайся, Кузнецов, но в трюмные мы тебя не возьмём. Уж больно ты мягкий какой-то, медленный, а трюмные, понимаешь, они же как Брюс Ли должны быть – резкие и чёткие. Вон, смотри, наши орлы какие чёткие!

Два наших «чётких орла» (два с половиной метра роста на двоих поровну) в грязных ватниках боролись в это время со шлангом приёма пресной воды, ругали его матом и били ногами. Со стороны на орлов они были не очень-то похожи, но Антоныч с Борисычем смотрели на них с такой отеческой гордостью, что сразу было понятно – орлы, и точка!

– Жалко-о-о, – бубнит Кузнецов. – Я на берег не хочу. Раз уж залетел в армию, то на корабль бы.

– Да не ссы, мы тебя интенданту сейчас продадим за банку тушёнки! Ему люди всегда нужны!

– Две, – говорит Борисыч.

– Что две?

– Две банки тушёнки!

– Каждому! – уточняю я, оценивая на взгляд вес Кузнецова.

Продали мы Кузнецова интенданту, все этим вопиющим пережиточным актом рабовладельческого строя остались довольны, включая Кузнецова. А на первом выходе в море Кузнецова приказали снять с борта. Дивизионный замполит сказал, что какие-то там тесты пришли психологические и вроде как всё нормально, но как-то не совсем. Впрочем, как всегда у замполитов. Ну, командир дивизии особо разбираться не стал. Снять так снять.

А Кузнецова-то и нет. И вызывали, и искали – нет его, и всё тут. Штаб дивизии сидит в центральном и вспоминает историю про двух башкиров, которые решили сбежать со службы домой в связи с тем, что демократия наступила, они служить заебались и от губы Нерпичьей до Уфы всего-то полторы ладони по карте. А заодно решает, выпускать нас теперь в море, раз мы матроса проебали, или вовсе в тюрьму всех посадить. Ну, Борисыч его нашёл, конечно, – Кузнецов так хотел выйти с нами в море, что спрятался в пятом отсеке за цистернами мытьевой воды, решив, что его поищут да и пойдут в море. А тут он такой, один из ларца, одинаковый с лица.

– Замполит, – говорит командир дивизии, глядя на красного от стыда Кузнецова, – а вы там точно у себя ничего не попутали? Как может человек, который так хочет в море, быть к морю непригоден?

– Тащ контр-адмирал! – берёт слово наш корабельный зам. – Разрешите взять его в море под мою личную ответственность, б!

– Разрешаю, б! – говорит командир дивизии и заодно подъёбывает нашего замполита с его этой буквой «б» в конце.

И матрос Кузнецов трубил у нас вестовым в офицерской кают-компании, разнося всем суп и котлеты, всё время улыбался и краснел.

А ещё одной осреднённой особенностью наших матрозавров было их перманентное желание отравить свой молодой организм каким-нибудь алкоголесодержащим веществом. За это их нещадно карали и садили в тюрьму. Ну ещё всячески морально унижали, конечно, фразами про то, что восемнадцатилетним дрищам ещё говно через тряпочку сосать положено, а не алкоголь, и всё в таком же духе.

Тюрьма у нас была прямо на борту, и на ней висела бирка «Душевая». В море мы в ней мылись, конечно, но в базе из-за её кафельно-холодно-влажной сущности использовали как тюрьму.

– Ну что там, – спрашивал старпом у Антоныча, – сидит там ваш Иванченко?

– Вторые сутки! – бодро докладывал Антоныч. – Правда, Борисыч проявил зачем-то чудеса человеколюбия и выдал ему ведро, чтобы он мог на нём сидеть, чем, я считаю, опорочил всю суровую честь военно-морского офицерского корпуса!

– Стареет! – хихикает старпом.

– Пора бы и майора уже выдать, – как бы продолжает мысль Борисыч, но старпом делает вид, что крепко уснул прямо в кресле и не слышит его.

Неуставных взаимоотношений у нас не было практически. Этому способствовало два эффективных и действенных фактора: на шестьдесят офицеров и сто мичманов приходилось всего двадцать матросов, и офицеры с мичманами сами матросов били, поэтому и поддерживали дисциплину. Поймите меня правильно, если сможете, но исходя из принципа некоторого

всеобщего равенства на подводной лодке, если тебе что-то поручают, то выполнять это должен именно ты, и если твоему младшему товарищу положен такой же кусок масла, яйцо и кружок колбасы, как тебе, то и съесть это должен именно он. Кто этого вдруг не понимает на словах или на ментальном уровне, тому приходится понимать после пиздюлей от старшины команды или командира группы. Морской закон такой. Спускается командир группы в трюм проверить, как ты там чистишь фильтр от помпы, и видит, что чистишь его не ты, а вовсе какой-нибудь матрос-ракетчик, – получай в торец. Пару раз получил, становишься равнодушен к воспитанию молодых моряков.

В обычную военную гауптвахту матроса сдавали всего один раз – всем остальным хватило потом на годы. Гауптвахты просто своей не было, и по договорённости возили провинившихся матросов в бригаду морской пехоты «Спутник». А там очень любили нарушителей воинской дисциплины и знали какие-то секретные методы воспитания матросов и привития им любви к дисциплине. Один у нас, особенно упёртый в плане попыток установить годковщину в экипаже, загремел-таки туда. Обычный русский паренёк из какой-то рязанской деревеньки, кстати. Отвезли туда его мы с интендантом типа по пути домой (километров шестьдесят всего крюк). Принимал его суровый старший прапорщик, удивительно похожий на тюленя, только усы и клыки побольше.

– Слушай, – говорит ему наш интендант, – я быстро собирался и не успел справку о помывке ему сделать, примешь так?

– А на хер мне твоя справка? Вон – технику моют из шлангов, сейчас и его помоем!

– И ещё это... как бы... я не успел ему аттестат выписать, можно завтра подвезу?

– А на хер мне его аттестат?

– Ну... кормить же ты его будешь?

– Пф-ф! – засмеялся старший прапорщик-тюлень. – Да что я ему, ложку каши не найду?

Пусть там его пайку нормальные ребята едят, которые дисциплину уважают!

Читает бумаги:

– Неуставные взаимоотношения? О-о-о-о-о, у нас таких любят тут! В правильное место привезли! Через скока забирать будете?

– Ну... пять суток у него... написано же.

– Дык я вижу, что написано, а держать его сколько тут? Хошь, месяц продержу, хошь, два? Тут ломом плац мести – и за год можно не управиться!

Мне показалось, что уже в этот момент матроса можно было забирать назад, и всё бы было нормально. Но приказ командира есть приказ командира. Забрали его недели через две, и когда вели обратно на корабль, то его дружки даже и не узнали его сначала: уводили пухлого, розовощёкого паренька, а привели скелетика чёрного цвета со впалыми щеками. Но потом прям как к бабке всех сводили – дисциплина была просто железная.

Так что матросы у нас были всякие и служили тоже по-разному. Абсолютно независимо от своей национальности, образования, вероисповедания и чего там ещё. То есть, как я писал, если ты гондон, то ты и в Африке гондон. А с усиками там или с пупырышками – уже не имеет значения.

Пипидастр

Многие из вас уже знают, что надо делать, если вы хотите стать умным, красивым, воспитанным, эрудированным, добрым, смелым, находчивым, весёлым, хорошо петь и танцевать и, самое главное, скромным. Путь этот долог, тернист и усеян не только листьями от лавровых венков идущих впереди вас товарищей, но он даёт результат! Конечно же, чтобы достичь всего этого с минимальными финансовыми затратами, вам нужно поступить в военно-морской флот, и это, как мне кажется, очевидно. Правда, женщины вас от этого любить не станут в автоматическом режиме, так как любят-то они в основном самовлюблённых, эгоистичных, психически неуравновешенных социопатов.

Если вы читали мои предыдущие рассказы, то уже знаете, что главной вашей задачей будет ничего не сломать, не проебать и не быть гондоном. Традиции вам тоже уже известны, спасибо мне, опять же. Но ещё одно важное умение пригодится вам, как азотно-гелиево-кислородная смесь водолазу на ста метрах. Это умение постоянно делать вид, что вы ужасно заняты важной работой, находитесь в жёстком цейтноте, и при этом ничего не делать. Если вы думаете себе, что высоким профессионализмом и плановой работой добьётесь того, что всё у вас будет само работать, крутиться, писаться, подшиваться, прошнуровываться и пронумеровываться, а начальство будет вас за это хвалить и даже, возможно, ставить другим в пример – то вы совсем не знаете флотского начальства.

Вид мичмана или офицера, который ничего не делает и никуда не бежит, потный от шеи до жопы, вызывает у флотского начальства неконтролируемые ментальные судороги даже в спинном мозге и рождает только одно желание – поручить этому пидорасу срочно какое-нибудь невыполнимое задание, чтоб не разлагал своим видом остальных! Поэтому на эту удочку «сделал дело – гуляй смело» попадают только совсем зелёные военные моряки.

Те же, кто постарше и поопытнее, вырабатывают на уровне инстинктов целые комплексы мероприятий по приданию себе вида постоянно заёбанного службой военмора. Некоторые делают это даже с творческим подходом, но часто попадают на том, что переигрывают. Прикомандировали к нам как-то трюмного мичмана с одного отстойного корабля для придания нам уверенности в своих силах, и потому что уж больно он работящий, как утверждал его командир.

– Работящий мичман? – уточнил механик у старпома. – Это что за зверь такой?

– Раньше я думал, что это кто-то типа сиреневенького единорога, но так-то единороги более вероятны в этой вселенной, чем работящие мичмана, так что посмотрим, что за зверь такой.

Наш сиреневенький единорог оказался щупленьким, маленьким и рыженьким мужинкой по имени Анатолий. Самый обычный такой Анатолий: ни рога во лбу, ни радуги из жопы, то есть никаких признаков сказочного животного «работящий мичман» при первом внешнем осмотре обнаружено не было. А потом, конечно, понеслось.

Мичмана Анатолия никто никогда не мог найти сразу. Подводная лодка «Акула», конечно, большая, но всё-таки подводная лодка же – куда ты с неё денешься? А с Анатолием вечно происходило так: вахтенный найти его не мог, вахтенные в отсеках, где было его заведение, тоже не могли, и находился он только по системе громкоговорящей связи. А она по своему предназначению должна была служить не для поисков мичмана Анатолия, а для управления экипажем корабля командиром, старпомом и механиком. Ну, ещё замполиту разрешали по ней объявления свои зачитывать, чтоб он в отсеках людям мозги не компостировал. Ну а на том выходе служила и для поисков мичмана Анатолия. После долгих и нудных криков по всем отсекам он прибежал в центральный пост вечно в каком-то рваном и грязном РБ с перепачканными руками и лицом.

- Где ты был, Анатолий, бля?
- Да компрессор в десятом перебирал!
- Пуркуа?
- Ну чё-то мне показалось, что стучит он как-то не так, вот решил подмандить!

Компрессор, чтоб вы знали, который сжимает атмосферный воздух до четырёхсот килограммов, стучит так, что от зависти паровозные колёса седеют. А если он стучит не так, то все в ужасе от него разбегаются, потому что он вот-вот взорвётся, и того, кто не успел убежать, потом будут собирать по фрагментам в баночку, чтобы отдать семье на память. А тут этакий герой вселенной лезет его перебирать! Ну, герой же?

Или старпом у него спрашивает:

- Чё ты грязный-то опять и найти тебя не могут?
- Да холодильник в седьмом подкручивал, чтоб холодила лучше!

Антоныч удивляется:

- Эдвард, а вы же вчера её с Борисычем регламентировали?

– Ну!

– Что «ну»?

– Ну да.

– Анатолий, а на кой хер ты в неё полез, если целых две группы её вчера смотрели?

– Ну мало ли, Антоныч, недосмотрели чего там, решил проверить!

– Знаешь что, Анатолий, – не выдерживает механик, – если быстро бегать вокруг столба, то, конечно, можно и самого себя в жопу выебать. Но какого хуя, прошу прощения за слово «какого», нужно лезть в мою матчасть, если тебя об этом никто не просит? А?

– Эй, эй! Полегче, маслопупы! – неожиданно вступается старпом. – Человек хуярит тут за весь дивизион у вас, а вы его ещё и гнобите за это? Ступай, Анатолий, не слушай их, а если притеснять начнут, то сразу ко мне беги жаловаться! Уж я-то им задам перцу!

– Слушайте, ребята, – продолжает старпом, когда за Анатолием закрывается переборочная дверь, – что-то здесь не так! Я всегда нутром чую, когда меня наёбывают, даже если не могу понять, где и в чём! И сейчас я нутром чую: что-то здесь не так! Нужен план, короче.

– Конечно, не так, – говорит Антоныч. – Две зарплаты Эдуарда ставлю на то, что Анатолий пиздит!

А Антоныч, конечно, знает, что говорит. Сейчас он уже капитан третьего ранга, у него красавица жена и четверо детей, а служить на «Акулы» пришёл матросом на срочную службу в восемнадцать лет, и поэтому не было большего мучения на свете, чем сдавать Антонычу зачёты по устройству корабля. Хотя поначалу казалось, что всё сплошная легкотня.

– По каждой системе, – говорил Антоныч, – я задаю всего один вопрос. Отвечаешь правильно – зачёт у тебя в кармане! Даже не понимаю, зачем вам по два месяца дают на изучение корабля? Легкотня же! Вот какую систему ты сейчас хочешь сдать?

– ВВД!⁸

– Хорошо, вот тебе мой один вопрос по системе ВВД: что такое крейцкопф?

И ты начинаешь лихорадочно перебирать в своём полужидком ещё мозгу всю систему ВВД, которую ты вообще-то выучил: баллоны, клапана невозвратные, клапана запорные, клапана проходные, клапана следящие, двубойные захлопки, а, не, захлопки – это же в вентиляции, компрессора, выдвижное РКП, насос на камбузе... Блядь, а что такое крейцкопф?!

– Эх, – вздыхает Антоныч с явно поддельным сочувствием, – а такой ведь простой вопрос! Специально тебе полегче выбрал! Ты ж свой, трюмный, можно и так сказать!

⁸ ВВД – система воздуха высокого давления.

И ты бежишь в секретку, будишь там секретчика и требуешь выдать тебе обратно документацию по этой системе, которую ты сдал полчаса назад, потому что выучил же и что там сдавать-то вообще?

– А я и не убирал её даже, – говорит секретчик, – вот она так и лежит стопочкой, у Антоныча никто с первого раза не сдаёт!

И ты начинаешь рыться в шести томах и приложениях со схемами в поисках этого, мать его, крейцкопфа и находишь его на третьи сутки, когда как раз подходишь к концу шестого тома и бежишь к Антонычу на дрожащих от радости ногах. Ну а как же – ты же теперь знаешь, что такое крейцкопф!

Так вот, именно Антоныч и предложил старпому план.

– Надо, – сказал Антоныч, – за ним последить, хуле тут думать?

– Точно! – обрадовался старпом. – Эдгар, позови-ка мне срочно сюда своих бездельников!

– Чё эта бездельников?

– Ну ладно, дельников, некогда мне тут с тобой в семантические споры вступать!

У меня не было в подразделении матросов – только офицер и мичмана. Автоматика – это вам не масло же в турбины заливать! Мичмана мои были просто, сука, опупенными! Мало пили и только в положенное время, специальности свои знали на отлично и всегда носили вкусную еду из дома! Ну и вот старпом поручил двоим из моей коды отличникам боевой и политической подготовки установить скрытое наблюдение за мичманом Анатолием.

Заступили на вахту. Через часок начали искать Анатолия – нет его. Как обычно, поорали по отсекам – прибежал с лицом в смазке и включенными волосами, доложил, что ремонтировал помпу. Ну, я, конечно, промолчал на такой откровенный пиздёж, потому как вот только недавно её запускал и, судя по наличию всех пальцев на руках Анатолия, вряд ли он в ней в этот момент ковырялся. Выслушали, похвалили, отпустили. Через пять минут заходят мои орлы, по гордому виду и выпяченным грудным клеткам сразу видно, что с заданием справились.

– Ну, рассказывайте! – торопит их старпом.

– Рассказываем! Мичман Анатолий, заступив на вахту, постелил себе ватничек под компрессором номер два и лёг спать. А когда до него донеслись крики из центрального, он намазал себе лицо и руки компрессорным маслом из специально припасённой им баночки и побегал к вам!

– Я так и знал! – торжествует Антоныч. – Вот же пипидастр!!!

– Да не, – бормочет минёр, который в полусне после вечернего чая заполняет вахтенный журнал своей смены, – он не такой, у него же жена есть и дети.

Тут я в первый и последний раз в жизни забрызгал свой «Молибден»⁹ кофе, который как раз набрал в рот, чтобы проглотить.

– Ну, всё, минёр, снимай майку и отдавай Эду на протирку матчасти! – командует старпом.

– Чего это я? – не понимает минёр.

– Кто это у вас тут обосрался? – спрашивает командир, который в этот момент заходит в центральный и видит, как я оттираю коричневые брызги носовым платком.

– Да минёр опять, тащ командир! Не знает, что такое пипидастр, представляете?

– Да ладно? Минёр, а что ты вообще знаешь-то в этой своей бессмысленной жизни?

– Я всё знаю, тащ командир! Не надо тут!

– Да? Ну, доложи-ка мне, минхерц, какой главный половой орган у мужчины?

– Пф-ф. Понятно какой – хуй, чё тут?

---

⁹ Пульт дистанционного управления общекорабельными системами.

– Минёр. Хуй – это то, что у тебя вместо головы находится, а главный половой орган у мужчины – это мозг, который находится в головах у остальных, у которых не хуй на плечах, как у тебя, а голова! Записывай, минёр, за мной, записывай! Я не радио и по два раза повторять не буду.

Ну а мичмана Анатолия мы потом в море не брали больше, что нам, своих бездельников не хватает, а тем более таких хитрожопых?

Ваш коллега, связист!

– Эдуард, что это? – Командир размахивает перед моим удивлённым носом зелёной школьной тетрадкой в двенадцать листов. Тетрадка зелёная, сильно ношенная и жёстко согнутая пополам вдоль.

– Тетрадка, тащ командир! – бодро отвечаю я.

– Да что ты говоришь! А я уж было подумал, что это ключ для запуска баллистических ракет! Ты хоть видел, что в ней написано-то?

Достаю из своего арсенала самые удивлённые в мире глаза:

– Да вапще её первый раз вижу!

– Тут, – говорит командир, разворачивая тетрадку, – собраны позывные почти всех узлов связи Советского Союза! Да ещё с именами дежурных и пометками об особенностях их характера! Готовишься отбыть на свою историческую Родину, вражья морда?

– Ага, Сан Сеич! Особенно на моей исторической Родине, в городе Челябинске, эта тетрадка представляет особую ценность!

– Да ладно, шучу. Вызови мне этого вурдалака сюда.

Вурдалаком он называет мичмана Прянкина из боевой части связи. Мы оба с ним знаем, чья это тетрадка, потому что другого такого человека, как Прянкин, нет и быть не может на всём белом свете.

Но давайте на миг отвлечёмся от Прянкина и посмотрим на боевую часть связи вообще. Связисты на флоте – люди особые. Вроде как и не бездельники, но чем занимаются конкретно – не совсем понятно. И даже засекречены от почти всех секретных членов экипажа. Живут в основном в своей рубке под названием «КПС» в девятнадцатом отсеке, на дверях которой висит табличка, которая гласит, что вход в эту рубку разрешён только определённым лицам: командиру, старпому, ну и ещё там несколькими. Естественно, в перечне должностей, допущенных в КПС, должность «командир группы автоматике ОКС» всё время забывали дописать, а значит, и бывать мне в ней вроде как было не положено. Если бы не одно обстоятельство – с командиром БЧ-4 (а это и есть номер боевой части связистов) мы дружили. На моей памяти это был, пожалуй, самый молодой командир серьёзной боевой части. Потому что минёры были и помоложе, но давайте положе руку на сердце, ну что это за боевая часть на стратеге – минно-торпедная?

Командира БЧ-4 звали Шовкат, и был он узбеком. Он был из тех, которые могли из скотча, конденсаторов и пакетиков от чая собрать компьютер и играть на нём в пошаговые стратегии типа «Икс-ком». Такие умные и умелые люди всегда вызывали у меня уважение. Шовкат был моим ровесником, а его подчинённые офицеры ещё моложе – вообще пацаны, собственно. Но несмотря на это, нареканий к ним не было никогда: ни одной антенны не погнули, ни одного сеанса связи не пропустили и прогнозы погоды всегда приносили вовремя.

Я с удивлением рассматривал их диковинные пульта, когда мы пили чай с Шовкатом в его кэпээсе, и спрашивал:

– Слушай, так у вас тут кнопки одни и лампочки со стрелками какие-то! А морзянку-то вы бить умеете?

– А то! Как от зубов!

– Ну-ка, набей мне что-нибудь быстренько, пока я последнюю печенку доедать буду!

Шовкат брал в руки ручки и что-то там отбивал по столу.

– Что ты там бьёшь? Небось туфту какую? У нас, у трюмных, слух музыкальный! Нас на мякине такой не проведёшь!

– Неа. Набивал сейчас, что ты дурачок и не знаешь, что у меня ещё пачка печенья от тебя припрятана. И даже набил где, но ты же этого не понял, маслопуп!

– Да я уже и наелся! А это что у вас?

И я срывал с пульта связи какую-то резиновую грушу, размером с кулак. Под ней оказался обыкновенный регулятор громкости.

– Что это здесь надето?

– Это «сиська».

– Почему это сиська?

– Ну, она такая же упругая и мягкая потому что.

Я надел «сиську» обратно и покрутил пальцами.

– Слушай, а точно же!

Зачем она там у них надета, я спрашивать не стал, но тут же захотел надеть такую же себе на «Молибден».

Мичмана у них служили разные, был даже один смешной молдаванин, ну и был у них мичман Прянкин. Родом он сам был из Евпатории, и семья у него жила почему-то там, пока он служил здесь. Тогда мне казалось, что ему лет шестьдесят, но на самом деле сейчас понимаю, что было не больше сорока. Был он необычайно нудным, скучным и нудным. Я не зря написал это слово дважды, а чтоб вы понимали всю глубину, так сказать.

На подводной лодке в базе было несколько телефонов: и с обычными номеронаборниками, с которых можно было позвонить только в штаб дивизии, и с теми, с которых можно было звонить через коммутационные узлы связи с телефонистами, хоть в Америку, если ты, конечно, знал все их позывные и умел их уговаривать. Мичман Прянкин знал и всё время звонил себе домой в Евпаторию. Выглядело это так: вечером после отработки вахты он приходил в центральный со своей тетрадкой, садился у аппарата и начинал:

– Ромашка, это восемьсот шестой бортовой, дай мне Компас. Компас, это восемьсот шестой бортовой, ваш коллега, связист, дай мне Подсолнух. Подсолнух, это ваш коллега, связист с Севера, дай мне, пожалуйста, Альбатроса. Альбатрос, это ваш коллега связист с Севера (заглядывал в тетрадку). Верочка, это ты? Дай мне Пирс, пожалуйста! Я быстро, Верочка!

И так в течение часа примерно. Иногда кто-то из дежурных связистов, охуев от такой наглости, просто разрывал связь, и тогда Прянкин начинал всё заново, и тянуться это могло и два часа, и три. Он рассказывал слезливые истории о том, как ему тяжело на Севере без семьи и детей, что вот чувствует он своим суровым военно-морским сердцем, что дома что-то не так, а он такой ценный специалист войск связи, что с корабля на берег его и вовсе не отпускают, а то вдруг война атомная начнётся, а никто без него и ракету-то запустить не сможет, и он быстренько только поговорит со своими, и никто об этом не узнает, и всё это в последний раз, а прошлые восемь раз были предпоследними, но этот – уж точно последний!..

В итоге последний связист на коммутаторе в Евпатории набирал ему городской номер, и он пару минут говорил со своей женой, естественно, в присутствии дежурного по кораблю, вахтенного трюмного и ещё парочки офицеров и мичманов. В чём было это удовольствие, я так и не понял, о чём однажды и спросил у него:

– Слушай, Иваныч, а в чём смысл-то?

– Ну как. Бесплатно же!

– Так две минуты – три копейки стоят с почты, но хоть в отдельной кабинке можно поговорить! Рассказать там жене, как ты её любишь и соскучился по её тёплой мягкой груди с розовыми сосками! А тут что?

– Ну, хочешь, я тебе сейчас в Белоруссию наберу позвонить?

– Ну, вот уж нет! Не хватало тут в ваши мохнатые уши разговоры мои вливать! Да ты пока дозвонишься, я успею по сопкам сбегать в посёлок и обратно, если совсем уж прижмёт!

Ну и вот эту-то тетрадку он и забыл на столе, а командир её нашёл ночью. Вызвал я Прянкина. Тот пришёл недовольный, что, мол, чего его разбудили посреди ночи, старого и больного. Это он командира не заметил сразу.

– Прянкин, ты охуел? – сразу взял быка за рога командир.
Прянкин включил дурака, что делал постоянно, чем бесил всех, даже сторонних наблюдателей.

– Не понимаю, тащ командир, о чём вы.

– Это что такое? – и командир махал у огорчённого носа Прянкина его тетрадкой.

– Тетрадка.

– Да ладно! А я думал, что это хуй, который я тебе сейчас в жопу засовывать буду! Прянкин. Я тебя просил не позорить мои седые яйца?

– Просили.

– Я тебе обещал, что взъебу, если ещё раз?

– Обещали.

– Я тебе говорил, что так не должны поступать военно-морские волки?

– Говорили.

– Ну и что мы будем делать с тобой сейчас, Прянкин?

– Отдайте мне тетрадочку, тащ командир, я больше так не буду!

– Нет, да ты охуел, что ли? Эдуард, он охуел?

Я молчу. Вопрос же риторический, сразу понятно.

– Прянкин, иди отсюда, и если ещё раз я узнаю, что ты занимаешься вот этим душевным онанизмом, то я лично разорву с тобой контракт на мелкие кусочки! Ты понял меня, Прянкин?

– Так точно, тащ командир! Тетрадочку отдадите, может?

Командир закатил глаза и демонстративно отвернулся. Прянкин ушёл понурый в девятнадцатый отсек, но через несколько секунд заглянул обратно:

– Тащ командир, так, может, тетрадочку-то отдадите всё-таки?

У нас командир был спокойный как скала обычно. От него всегда веяло такой уверенностью и спокойствием, что можно было греться, как у печи. Но тут...

– Ах ты ж блядь такой! – заорал командир и бросил в Прянкина своей шапкой.

Шапка усвистела в девятнадцатый вслед за Прянкиным. Но ненадолго. Через минуту Прянкин вошёл в центральный.

– Тащ командир! Я вам вашу шапку принёс! – торжественно объявил он. – Может, отдадите тетрадочку всё-таки...

И тут же отскочил к переборочному люку. Но командир уже успокоился. Он отряхнул с шапки пыль, аккуратно надел её на голову и повернулся ко мне.

– Товарищ дежурный по кораблю! – скомандовал он торжественным голосом.

– Я! – Я тоже вскочил, конечно, волнуясь за то, ровно ли на мне сидит шапка, и вообще, достаточно ли я торжественно выгляжу в такой торжественный момент.

– Приказываю вам расстрелять мичмана Прянкина на поражение из вверенного вам табельного оружия немедленно!

– Есть, тащ командир! – и я полез в кобуру за пистолетом.

От того момента, как Прянкин стоял передо мной, до того, как хлопнула дверь в КПС, прошло меньше половины секунды. Я даже «сто восемьдесят пять» в уме произнести не успел.

– Чё, тащ командир, бежать за ним?

– Да он уж в Евпаторию телепортировался небось. «Коллега-связист», блядь! А тебе – хуй, а не Евпатория! Продолжай гнить дальше со своим командиром на Северах!

Вскоре Прянкин уволился – по состоянию здоровья ему не продлили контракт. Командир рассказывал, что, уезжая в Евпаторию, Прянкин ещё раз попросил у него вернуть его тетрадь.

Все мужики – козлы

Максим

С Максимом мы служили в Гаджиево – в одном из заброшенных, страшных и депрессивных военных городков Мурманской области. Максим приехал на службу не один, а с красавицей женой, педагогом по образованию. Любовь там была сильная, конечно. Максим бегал домой со службы бегом, по ползарплаты тратил на цветы и конфеты, на предложение заебенить с друзьями всегда отвечал категорическим отказом – дома жена ждёт и всё такое. Занавески вместе выбирали они, ходили по рынку, всякие там микроволновки, хлебопечки и телевизоры, абсолютно ненужные в хозяйстве, но Максим всё хотел, чтоб жене его жилось легче. Пряма даже зависть иногда брала, честное слово. И вот приходим мы однажды с морей, недели две нас не было. Разбегаются все по домам, а на следующий день – нет Максима. А то ли заступать он должен был на вахту, то ли ещё по какой нужде срочно понадобился, но послали за ним посыльного. Посыльный прибегает назад и докладывает: дверь в квартиру открыта, квартира пустая, посреди квартиры на полу мертвецки пьяное тело Максима. Один дотащить его не смог бы и поэтому вернулся за подмогой.

Ну и вот, оказалось: приходит Максим домой после морской прогулки, бежит с цветами, потому как хочется ему тепла и ласки любимой женщины, а дома висит на гвоздике в прихожей его шинель с шапкой и... всё. Даже рубашки его военные и кортик пропали. Побежал Максим по соседям, выяснять, что да как. Оказалось, что ровно на следующий день, как мы ушли в море, жена его подошла к дому контейнер, загрузила в него всё из квартиры, включая занавески, и уехала в неизвестном направлении. Даже записки не оставила. Потом, правда, письмо прислала, мол, прости, наш брак был ошибкой, я ничего не буду объяснять, пошёл ты на хуй. Максим был молод и слушался старших товарищей ещё, поэтому, в общем, пережил это – мы его регулярно поили и следили за ним по очереди, чтоб чего не вышло. Потом нашли ему бабу какую-то временную, он и вылечился. Но с Антоном мы не уследили, конечно.

Антон

Антон был из люксов, и служили мы с ним в другой дыре «без жизни за окнами домов». Антон тоже привёз себе жену из Питера, причём любовь у них была чуть ли не со школьной скамьи. Медик она была у него по образованию. Антон очень хотел детей, а она – не очень. Но в итоге он уговорил её, и она родила ему дочку. Видели бы вы этого сурового морского волка (ну не такого сурового, как механики, но тем не менее), когда он нянчился со своей малышкой! И вот как-то отправил он жену с дочкой в отпуск на лето: погреться и поправить здоровье. Деньги им все свои отдал, в прямом смысле этого слова, питался сухарями, крабами и красной рыбой, от которой его тоже тошнило, как и всех нас, но – всё лучшее же любимым девочкам надо отдавать! А старшая из его любимых девочек, то есть жена, нашла там какого-то ёбаря себе на курорте и уехала с ним жить в его Москву. Оттуда, в лучших традициях женской натуры, прислала письмо, в котором описала, почему банкир из Москвы лучше, чем подводник с Крайнего Севера, а также почему дочке лучше сразу начинать считать банкира папой, пока она ещё маленькая, а Антон себе ещё родит. И Антон, не выдержав такой подлости, отравился таблетками.

Повезло, что Антон не знал, как правильно травиться таблетками. Всё-таки в жизни иногда и везёт, что бы вы ни говорили: вот я, например, знаю, как это делать, но уверен, что знание это мне никогда не пригодится, по складу характера. Разве что в глубокой старости... Впрочем, сейчас не обо мне. Антона случайно нашли соседи, вызвали «Скорую», и его откачали. А потом командование флотилии захотело списать с плавсостава и признать негодным к службе на АПЛ по его слабым морально-психологическим качествам. А Антон был подвод-

ником по призванию, чтоб вы понимали. Мы провели собрание офицеров и написали коллективное письмо на имя командующего первой флотилии АПЛ СФ, в котором просили оставить Антона на службе и переложить на нас, его товарищей по экипажу, полную ответственность за его моральное состояние и жизнь. Письмо на пяти листах подписали все шестьдесят офицеров корабля, включая командира. Командующий удовлетворил нашу просьбу. И да, Антона мы выходили. Правда, взгляд его так и остался на много лет грустным до такой глубины, что вы себе и представить такого не можете.

Алексей

Лёша только получил старлея, когда его бросила жена. Жена его бросила прямо с двухлетним сыном, сказала, что семейная жизнь и дети – это не для неё, она ещё молодая, и уехала жить к маме, чтоб в полной мере воспользоваться этой самой своей нереализованной молодостью. И ладно бы, как два предыдущих двузюпых зверька, уехала в Питер или Москву, тогда её поступок ещё можно было объяснить с какой-то прагматичной точки зрения, так нет же! Оба они были из какого-то убогого городишки на границе Карелии и Мурманской области. В нашем тогда было 10 тыс. жителей, а в их – то ли сорок, то ли пятьдесят.

Лёша пришёл за советом к командиру.

– Да и хуй с ней, с пиздой этой твоей! – пожалел его командир. – Ребёнка тебе оставила, и то радуйся! Дети же самое главное!

– Да я служить хочу, Сан Сеич, не хочу в ларьке водкой торговать или в шахте уголь добывать... А как я с ребёнком-то?

– Не ссы, всё решим! Мы же семья, блядь, или где?!

На офицерском собрании мы освободили Лёшу от всех вахт, разделив их между собой. Пока его сыночка не устроили в садик, или когда уходили в море, Лёшу подстраховывали жёны других офицеров экипажа: забирали его из садика или вовсе брали к себе жить на время. Лёша недолго ходил грустным и быстро оправился. В общем-то, командир, как опять оказалось, был прав – ребёнок в этом случае оказался важнее, а любовь пожила, конечно, в Лёшиной душе какое-то время, отравляя его жизнь ненужными душевными муками, но потом затухла и благородно дополнила собой любовь к сыну. Это не совсем конец истории: через несколько лет Лёше пришла бумага от судебных исполнителей о его долге по алиментам в несколько сот тысяч рублей.

– Ну, ахуеть, блядь, теперь! – сказал командир и поехал с Лёшей к военным юристам на консультацию. Лёшу, конечно, отмазали, хотя слово это здесь такое же лишнее, как и название рассказа.

Эти три истории совсем не все, которые произошли на моих глазах, но они очень характерны и показательны. Тем не менее женщин я по-прежнему очень люблю, уважаю, а иногда даже восхищаюсь ими и считаю их украшением этой убогой, в общем-то, планеты. И когда при мне кто-то говорит одну из фраз, типа «Все бабы – бляди!», то я отвечаю ему со всей вежливостью и тактом: «Да пошёл бы ты на хер с такой своей философией!» И религии, кстати, не люблю, в том числе и за то, что они унижают женщин. И феминисток за это же. Если уж не любить людей, то делать это надо без разделения их по гендерным, расовым и национальным признакам.

Недотёпа

А у вас же есть среди знакомых человек, которого вы моментально представляете, когда слышите слово «недотёпа» или «растяпа»? Мне кажется, что у всех есть такой человек среди знакомых. Эти люди, они какие-то специальные локальные иисусы. Мне кажется, их посылают на Землю какие-то божества для того, чтобы мы казались себе более ловкими, умелыми и сообразительными. Ну, подумайте, я же прав? Был и у нас один такой, про него сегодня расскажу немного. Имя изменю, а фамилию вообще называть не буду – это очень хороший и добрый человек, но вот... недотёпа. А я не хочу, чтоб вы над ним смеялись.

Вася командовал кормовым электрическим отсеком правого борта и был инженером электротехнической группы. Он был невысокого роста, всегда хмурый, лохматый и с помятым лицом. Если бы не Вася, то я никогда в жизни не увидел бы человека, который хмурится, даже когда смеётся. Вася казался небритым уже через пять минут после того, как побрился, его брюки становились мятыми тут же, как он их надевал после глажки, а галстук всегда висел не по центру, а сбоку, даже если Вася прикалывал его шпилькой.

И вот собрались мы как-то в Росляково в доке постоять. А стояние в доке то ещё удовольствие, доложу я вам! Холодно, скучно и негде пописать. Не, ну туалет-то есть, конечно, только он на палубе самого дока стоит. А представляете – на «Акуле» подняться наверх, а потом ещё спуститься вниз с двадцати семи метров по лесам, чтобы, значит, пописать, а потом обратно идти, чтобы, значит, снова уснуть. Именно в доках рождаются такие народные подводничьи поговорки: «только покойник не ссыт в рукомойник» и так далее.

Ну, собирается экипаж перед выходом на пирсе, все сумки с собой тащат с гражданской формой одежды. Ну вы же понимаете: «В шикарном отеле ночной ресторан, вино, сигареты и пьяный дурман...» А Вася с такой, знаете, сумочкой, как от четырнадцатидюймового ноутбука, идёт.

– Вася, – спрашиваем мы его, – ты что, гражданку-то с собой не брал?

– Чё эта? Вот же она! – и показывает нам свой ридикюль для двух пачек сигарет.

Хрен его знает, пожали мы плечами, Копперфильд он, может.

Пришли в Росляково, отдоковались, дела там нужные поделали и собираемся на свободу, значит, переодеваемся, мажем себя везде одеколонами. Жили мы тогда вчетвером в каюте: Игорь, Макс, Вася и я. Вася открывает свою сумочку и достаёт из неё какие-то брючки, сложенные гармошкой. Ну ладно. А потом ещё один комочек достаёт, размером с носовой платок, и начинает его разворачивать. Разворачивает, разворачивает, разворачивает, разворачивает – и вуаля, это, блядь, рубашка, оказывается. Ну, мы с Максом переглядываемся, думаем, побегит сейчас найдёт утюг где-нибудь и будет её гладить. А Игорь, который знает Васю больше нашего, смотрим, начинает обратно в робу переодеваться. И точно – Вася надевает прямо на себя это чудо текстильной промышленности Узбекистана тысяча девятьсот семьдесят восьмого года в коричнево-серую клеточку и начинает застёгивать пуговицы на манжетах! Ловит на себе наши изумлённые взгляды, принимает их почему-то за восхищённые и гордо заявляет:

– С девятого класса рубашку ношу эту! Так она мне нравится!

А Вася, так-то, старлей уже!

– Блядь, – говорю я, – слушайте, ребята, я в город не пойду, наверное. Я же забыл, что мне Антоныч там дело одно важное поручил.

И пытаюсь сделать при этом горестное лицо, типа мне так сильно хочется пойти и всё вот это вот.

– Ой, да пошёл он в жопу, этот Антоныч! – Вася уже застёгивает последнюю пуговицу под горлом. Рубашка, конечно, и сама по себе полный пиздец, но она помята так, как я никогда не видел, чтоб мялись рубашки!

– Не поминай Антоныча всуе! – делает замечание Игорь, который уже в рабочей форме. – Я на пульт пошёл, забыл журналы заполнить!

А Макс смотрит на меня такими жалобными глазами! Его взгляд прямо разрывает мне мозг криком: «Брату-у-ух-а-а! Спасе-а-ай!»

– Макс, – говорю, – я всё понимаю, но ты ж братан мой... Может, сможешь? А то я один до утра не управлюсь!

– Конечно, брат! – горестно-радостно вздыхает Макс, но переигрывает, гад. Хорошо, что Вася не замечает.

– Бля, ребята, да что за хуйня? – хмурится Вася. – Ну собирались же в город гульнуть пойти! Эдик, ну что у тебя за срочные дела?!

Сука, как же я не люблю врать товарищам! Но. Выгуливать вот это по Североморску я не полюбил бы ещё больше, я уверен! Лихорадочно думаю.

– Да мне Антоныч поручил формуляры от идашек до завтра откорректировать все, проверка какая-то приезжает с утра с самого! Может, тоже сможешь, останешься?

А формуляров-то двести двадцать штук, с одной стороны, а с другой стороны, у Васи в глазах уже изнывающие от страсти женщины, которые стоят с корзинами, полными лепестков роз, чтоб сыпать их под Васины коричневые и плохо начищенные туфли. Конечно, женщины победили.

Нашёл он себе в спутники прикомандированного офицера, и вдвоём они двинулись покорять слабый, но прекрасный пол. Решили не размениваться на Североморск и водку, а поехали сразу в Мурманск. Купили шампанского «брют» и сели в скверике недалеко от вокзала его распивать, видимо, в ожидании королев. И королевы их нашли. Подходят к ним две тёлки. Ноги – во, сиськи – во, губы – во, попки – ого-го!

– Ну и что, – спросил я Васю в этом месте его рассказа, – и почему вы не стали сразу же убежать?

Вот поймите меня правильно. Если один из вас – метр шестьдесят восемь, лохматый, в коричневых туфлях, джинсах-варёнках (года два как вышли из моды) и в мятой рубашке с девятого класса, а второй – метр семьдесят два, худой, сутулый и похож на студента, и при этом вы распиваете шампанское «Абрау-Дюрсо» из пластиковых стаканчиков в скверике у вокзала, то самым правильным решением, когда к вам подходят две вот такие тёлки и при этом ласково улыбаются, будет немедленно убежать, потому что дело тут нечисто. Поверьте мне, я же тактику ВМФ изучал.

Но наш озабоченный дуэт повёлся на предложение тёлок поехать с ними на хату и оттянуться, потому как тёлки хоть и красивые, но несчастные и одинокие, и очень им хочется грубых мужских ласк. Посадили их тёлки в какой-то джип и повезли куда-то за город. Пока ехали, на заднем сиденье казановы уже поделили между собой тёлок и выработали механизм обмена ими в середине ночи. Тактики ведь тоже, хули.

Приехали в какой-то дом большой, и заводят их тёлки в зал. А в зале том пиздец: стол стоит длинный, весь в грязной посуде, объедках, говне и блевотине. И на полу то же самое. И трое сидят быков классических: пальцы веером, сопли пузырями, все в наколках... Цепухи оттакенные на шеях и пистолеты из брюк торчат.

– О! Девчонки! – радуются эти милые ребята. – Спасибо вам, что помощничков нам привезли! Идите – гуляйте. А вы, ребяташки, тут порядочек нам наведите: посуду помойте, говно в пакеты сложите, пол подотрите, ну и ещё чего тут сами гляньте. Мы сейчас отъедем на часик, вас в домике закроем и собачек во дворе выпустим, но через часик мы вернёмся, и чтоб всё было сделано, ладно, ребяташки?

Ну, те в позу сначала, что, мол, вы нас убьёте насмерть, если мы откажемся? А те говорят, да нет, конечно, что мы, бандиты какие, людей убивать (середина девяностых на дворе, напоминаю) ... Так, ноги вам сломаем да отпустим на все четыре стороны.

– Ну и чё, – уточняет Игорь, – судя по всему, ноги вам сломали?

– Вот тебе смешно! – возмущается Вася.

– Не тока ему, всем смешно! – успокаиваю я его. – Рассказывай дальше, интересно же о ваших сексуальных похождениях послушать!

Зашуршали они там большую приборку. В общем, братки вернулись, и всё им понравилось, отпустили их и даже по шоколадке «Dove» подарили. «С изюмом», – уточнил Вася. Наверное, это важно. И полночи потом эти жеребцы полового соития добирались до Рослякова на родной пароход.

– погоди, – опять выясняет Игорь, – а шоколадки-то где?

– Так съели по дороге, – говорит Вася.

– Ну и кто вы после этого? Сами наебались вдоволь, а друзьям даже шоколадки не принесли!

А вывод из этой истории простой: оценивайте свои возможности адекватно! Если вы в данный момент не похожи на принца: ну там рубашка мятая, пузо висит или пиво из горлышка бутылочного хлещете, то к вам не будут подходить принцессы! А если подойдут, да ещё с непристойным предложением, а не с просьбой одолжить домкрат или накачать колесо, то бегите сразу же сломя голову и не чуя земли под ногами – мой вам добрый совет. А мне можете верить – я же тактику ВМФ изучал.

Чёрная Метка

Как часто у вас бывает, что вы что-то делаете, а ничего не выходит? Делаете при этом всё правильно и в нужной последовательности, соблюдая все пропорции и паузы, но вот за соседним столом (станком, диваном, футбольным полем) у человека всё получается, а у вас – нет? Ну, хоть раз-то, да было, согласитесь? А вот у тех людей, которые недотёпы, – так постоянно. Представляете, каково им живётся? Так же было и у Васи. Естественно, всегда. Если Вася производил переключения в электрической сети, то обязательно падала аварийная защита реакторов обоих бортов, причём даже если переключения были только на одном.

– КАК?! Как ты, блядь, это сделал, Вася? – пытал его механик, глядя в схемы и методички. – Это же, блядь, технически невозможно!!!

– Да оно само, я-то всё правильно делал! Это не я!

– Ну, – подтверждает комдив-два, – всё правильно он делал, я сам смотрел. А ничего невозможного нет, если приложить к вопросу знания и настойчивость!

– За что мне эта Чёрная Метка? – хватался за голову механик.

Так Васю и называли, в общем-то. Чёрная Метка. При этом, понимаете в чём дело, Вася был добрым и отзывчивым и всегда готов был помочь! Вот прямо Чёрный Плащ, а не Чёрная Метка! Так мило было наблюдать, когда люди, к которым Вася спешил на помощь, срочно и аврально заканчивали свои дела или начинали выдумывать отмазки, чтоб оградить себя от Васиной помощи! Жалко было только вновь прибывших на борт лейтенантов и мичманов, которые не знали ещё про эту особенность Васиного организма.

Стоит такой лейтенантик, держит конец двумя руками, в том смысле, что конец электрического питания с берега, и смотрит в щит голубыми своими глазами. А страшно же – щит ржавый и старый, конец питания толстый и с огромным контактом на конце. Конец на конце – звучит-то как, а? И вот подбегает к нему такой целый капитан-лейтенант, пусть маленький и лохмато-помятый весь, но зато вон какой хмурый и решительный!

– Ну, чё тут у тебя, лейтенант? – хмуро спрашивает хмурый помощник.

– Да вот... чё-то... эта...

– Ссышь, что ли? Да не ссы! Суй, я тебе говорю!

И лейтенант совал, потому что команда «суй!» ясна, понятна и не предполагает двоякого толкования, и отлетал на соседний пирс, отброшенный электрической дугой, демонстрируя всем строение своего скелета, высвеченное яркой вспышкой. Первый раз я видел тогда, как ярким солнечным днём стало на миг светлее на всей акватории губы Нерпичья. А комдив-два, который только на секундочку отвернулся от лейтенанта, которого обучал, стоял со сгоревшими по колено штанами от РБ и сгоревшими же волосами на ногах и смотрел на Васю, как евреи на Моисея после тридцати лет странствий. А Васе – хоть бы хуй, стоит и улыбается себе.

– Вася!!! Какова хуя!!! Чё ты лезешь-то!!!!

– Ну... помочь же хотел!

– Иди вон трюмным помоги гидравлику грузить!!!

– Не-не-не-не!!! – кричали трюмные с палубы. – Чё тут грузить-то? По триста кило на рыло всего! Мы и сами справимся великолепно!!!

Трюмные-то знали, в отличие от лейтенанта, что Васю зовут Чёрная Метка на самом деле, а слово «Вася» в метрики по ошибке записали. Причём самому Васе ничего никогда не делалось. Он всегда был невозмутим, цел и невредим. Вот если бы было такое дело, которое надо было завалить, но самому остаться целым, то Вася был идеальным кандидатом!

Ну а как-то в Росляково в том же доке мы Васю потеряли. От скуки, безделья, холода и неизбежности энтропии во вселенной сели мы, значит, после ужина расписать пулю. Ну и пили, конечно, чай тоже, но в основном спирт. Всего нас было четверо и Вася, который в пуле

участия не принимал, а просто давал всем дельные советы и пил наш спирт в три глотки. Ну и наигрались мы так уже здорово, в общем, когда Вася сказал: «Мужики, я счаз!» – и куда-то вышел из каюты. Ну, вышел себе и вышел, правильно, большой же мальчик? Минут, наверное, через сорок кто-то спросил вслух: «Э, а где Вася-то?» И у всех, знаете, сразу чувство какое-то нехорошее в душе всколыхнулось, и музыка такая тревожная в голове заиграла.

– Может, к себе в каюту спать пошёл?

Побежали в соседнюю каюту. Поискали на койках – нету. Заглянули в шкаф, секретер и ящики для белья – нету. Сбегали в каюты его подчинённых, проверили душевые, зону отдыха и гальюны – нету! Поскакали к нему в отсек (ну мало ли – потянуло). Там обшарили всё от аварийного люка до трюмов – нету, блядь!

– Ну что, господа офицеры, – наконец взял слово Борисыч, – хватит себя обманывать этими бесцельными поисками и пошлите-ка наверх!

Сначала мы посмотрели на палубу дока сверху – никаких подозрительных пятен из крови и кишок не обнаружили. Спустились (пешком с девятого этажа), осмотрели всю стпель-палубу (двести на тридцать метров) – нету тела. Тут, конечно, нас отпустило немножко, и мы сели перекурить и посоветоваться. В итоге блиц-совещания мы приняли к рассмотрению три гипотезы:

1) Васю украли инопланетяне;

2) Вася валяется где-то на корабле в хуй пойми каком месте;

3) Вася опять убежал по бабам. К тому моменту Васю, кроме истории с уборкой, ещё успели опохмелить клофелинщицы, но в тяге к запретному плоду Васю бы это не остановило. Его вообще ничего не могло остановить.

– Так! – руководил процессом по старшинству Борисыч. – В робе же он не мог уйти?

– Кто? Вася?! Пф-ф, вполне себе мог.

– Не, не мог. Надо, чтоб кто-то сбегал обратно на лодку и проверил его форму в каюте.

А кто-то сбегал к вохрушке на КПП и поспрашивал у неё.

Все, задрав головы, посмотрели на лодку.

– Не, ну самый молодой пусть и бежит, чё.

Самым молодым был я. Поделав пару минут вид, что не понимаю, о чём речь, вздохнул и побрёл.

– Э, погодь-ка! – говорит Борисыч. – А вы вохрушку-то видели сегодняшнюю в смене? Может, мы молодого к ней лучше пошлём?

Проголосовали единогласно. Меняю курс и иду к вохрушке. Вохрушка сидит у себя в будке и чистит потертый «ТТ», морщась от папиросного дыма, потому что папироса уже почти сгорела и вот-вот подпалит ей усы. Так-то симпатичная в определённом смысле этого слова – грудь восьмого размера и табуретки из-под жопы не видать.

– Здрасьте, – говорю.

– Здоров, коли не шутишь!

– Скажите, а вот сейчас офицер вот такого роста не проходил? – и показываю ладошкой в районе пояса.

Вохрушка смотрит в район моего пояса. Я отступаю за стол, на всякий случай.

– Нет. Не проходил.

– А вы не могли его не заметить? Может, он тихонько проскочил?

– У меня не проскочишь, – и вохрушка выплёвывает наконец папироску, поглаживая ствол «ТТ».

– А чё вы такая неласковая? – спрашиваю я уже в дверях зачем-то.

– Дык вы ж не стараетесь, чтоб я ласковая была!

– Как это? Бегают же матросики наши, говорят, что стараются, – это я уже за дверь вышел.

– В мою смену не бегали ишшо!

– Всё понял, – кричу ей из-за двери, – пришлём кого-нибудь постарательнее!
Бегу обратно к коллективу.

– Не, – докладываю. – Стопудово не выходил!

– Дык и что? Спишем всё на инопланетян и спать пойдём?

– Не, пошли к старпому, докладывать.

Просто обыскать «Акулу» вчетвером, со всеми её труднодоступными местами, как бы это сказать, довольно затруднительно. Поднялись на борт, стучимся в каюту старпома. Трезвые уже, конечно, практически, после таких-то кроссов по пересечённой, но не местности.

– Чё, бухали, что ли? – ещё из-за двери спрашивает старпом, а потом выходит и подозрительно нас осматривает. Ну, понятно же, что не просто так ему офицеры в каюту стучатся среди ночи. И что бухали – тоже понятно.

– Н-е-е, Сей Саныч! Ва-апще не пили. Так, пулю расписывали...

– А воняет от кого перегаром? Мне же от меня же, что ли, отражённым запахом? Чё надо-то? Шила не дам!

– Сей Саныч, Вася пропал!

– Как пропал?

– Ну, вот вышел из каюты и пропал!

– Тэ-э-эк. Я так понимаю, на стапель-палубе, на ВОХРе и в каютах вы уже посмотрели, а к старпому своему родимому припёрлись, когда совсем жопы запекло? Орлы, хуле. Ни-чи-во без меня не можете, даже напиться спокойно! Рассказывай в подробностях, дубовая роща!

Это он нас подколол так, он-то сам маленький, а мы все от метра восьмидесяти пяти до двух пятнадцати подобрались. Так-то мог бы, конечно, ясеновой рощей назвать, ну или там тополиной, чё сразу дубовой-то? Рассказали ему всё от и до: что в прикупе было на последней раздаче и в какую сторону штормило Васю, когда он уходил.

– Так, мне всё ясно! Идём искать в отсеке его, если не найдём, объявляем тревогу и обшариваем весь корабль!

– Так мы искали в отсеке уже!

– Вы без меня искали, а значит, не считается. Раз не было с вами гениального руководителя всеми процессами на корабле, значит, вы всё похерили по привычке своей распиздяйской! За мной, я сказал!

Ну, обшарили опять весь отсек, теперь под гениальным руководством. Ну, нет его. Собрались уже у переборочной двери, старпом из трюма вылез, отряхивается:

– Блядь, ну и бардак у него в трюмах! Найду – обязательно выебу! Тапки какие-то за щитами торчат!

И со злости ка-ак даст ногой по тапку, который торчит из-за ряда с распрещитами.

– Ммммм, – ответило ему из-за щитов.

– Чтобля? – хором удивились мы все и стали заглядывать за щиты.

А вот он, наш орёл-то, где гнездо свил, оказывается! Там расстояние от щитов до борта – сантиметров тридцать, наверное, и как он туда попал? И главный вопрос – зачем?

Начали его дёргать и пытаться вытащить – а ни в какую! Он храпит только, а тело-то расслабленное и цепляется там за всё. Сбегали за ведром воды и давай его из кружечки поливать, целясь в голову.

– Эбля!!! – наконец-то проснулся Вася. – Что за на!!! Я счас рога-то посшибаю кому-то!!!

И начинает, как червяк из яблока, вылезать из оттудова.

– Вот сейчас страшно стало! – говорит старпом. – А вам, ребята, страшно?

– А то! – говорим мы и бережно держимся за свои рога. Вася-то ещё ниже старпома, так-то.

Вылез Вася, в руке бутылка с какой-то жидкостью.

– Шило? – подозрительно спрашивает старпом.

- Да, – подозрительно отвечает Вася.
  - То, которое тебе вчера на протирку механизмов выдали?
  - Да.
  - Прятал там его?
  - Да.
  - А полез чего за ним? Механизмы протирать собирался?
- Вася смотрит на нас, типа, ребята, выручайте, а как мы его выручим?
- Ладно, – машет рукой старпом, – идите спать, полуночные ковбои! Сука, даже напиться нормально не могут! Наберут детей на флот, а молока не завезут!
- Старпом уже бурчит из соседнего отсека – пошёл спать.
- Вася, ты такой Вася! – в сердцах говорит ему Борисыч.
  - А чё я-то? Я же добавки вам принести хотел! Ну, уснул нечаянно, пока лез!
  - Одно слово: Чёрная Метка!
  - Это два слова, а не одно!
  - Да пошёл ты в жопу, филолог-самоучка! Луи Бешерель на разлив в мелкой таре!
- И мы, конечно, радостные, что всё так хорошо закончилось, бежим дописывать пулю и спать. А когда пили в следующие разы с Васей, то назначали «дежурного по Васе», который должен был смотреть за, соответственно, Васей. Мы ж стратеги и решение всегда найдём.
- Вася был хорошим, несмотря на то что Чёрная Метка. И не брать его в компанию – это было бы не по-товарищески.

Якорь

Ну, а как вы думали? На подводной лодке тоже есть якорь, это же как бы корабль. А ещё на подводной лодке случаются командиры дивизий со свербящим в жопе шилом, и, когда две эти субстанции пересекаются в пространстве и времени, происходят всякие казусы.

Отрабатывали мы как-то задачу с покладкой на грунт. Нашли место себе поприятнее, с дном помягче да поровнее, глубина небольшая, метров сто восемьдесят. Решили, что тут и будем ложиться. На ста метрах отдифферентовались без хода и начали вниз тихонько опускаться. А снизу у нас из лёгкого корпуса торчит лаг – прибор для измерения скорости. В заводании он у штурманов находится вместе со всякими гироскопами, карандашами и секстантами. Но они же штурмана, они его, как от пирса отчаливаем, откидывают и забывают о нём. Опускаемся. Гидроакустики докладывают глубину под килем: двадцать метров, пятнадцать, десять...

А у меня на пульте лампочка горит, что прибор лага отвален.

– Антоныч, – шепчу комдиву-три, – нога лага же торчит, штурмана забыли её завалить.

– Тихо, – шепчет Антоныч в ответ, – молчи, будь хитрым. Поржём хоть.

Восемь метров докладывают, семь, три, один. Один. Один. Ну и как бы по ощущениям понятно, что на дно-то мы не легли, а висим в пучине морской. Командир дивизии с нами тогда старшим на борту ходил, хороший был мужик, грамотный, но это именно у него шило в жопе кто-то забыл.

– Что такое? – спрашивает. – Кто виноват?

Комдив-три шепчет механику:

– Штурмана ногу лага завалить забыли.

– Тихо, – шепчет механик.

И оба хихикают.

– Чё вы ржёте-то, – спрашиваю я, волнуясь за народное добро. – А если погнём?

– Не ссы, – шепчет механик, – я её в доке видел, она как хер у слона, только железная.

Её земным шаром не согнёшь.

– А мне вот, например, интересно, – решаю уточнить, – а где вы хер слона видели?

– Пошёл в жопу, – объясняет механик, где он видел хер слона.

Из рубок вылезают штурмана и гидроакустики и коллегиальным решением назначают виноватыми механиков. Тычут в нас троих пальцами и называют криворукими имбецилами, которые даже лодку на грунт нормально уронить не могут. Мы сидим и гордо молчим: накаляем обстановку.

– Механик, – не выдерживает командир дивизии, – немедленно доложить, что за хуйня!

– Эдуард, – пасует мне механик, – доложить, что за хуйня!

– Тащ контр-адмирал, докладывает Эдуард, то есть я. Нога лага отвалена.

Как он кинул в штурмана дыроколом каким-то:

– Ещё на механиков моих любимых бочку катит!

Завалили ногу лага, легли на дно, расслабились. Полежали, на косаток в камеры попялились. Надо бы и всплывать.

– А давайте, – неожиданно востропел командир дивизии, – якорь заодно отдадим! Потренируемся!

– Какой якорь? – искренне удивился комсомолец.

Был у нас такой человек на корабле – замполит электромеханической боевой части. Замполита корабельного называли «замполит», а этого – «комсомолец», типа маленький замполитик. Наш к нам только перевёлся из Феодосии, где служил начальником клуба. Ну, то есть

профессиональный подводник. Но даже не считая его, процентов тридцать подводников и не подозревали о наличии у нас устройства под названием «якорь».

– Ты чё, Вова, матчасть свою не знаешь? – презрительно щурится командир дивизии.

– Да какая у него матчасть? – отмахивается командир. – Рот закрыл, матчасть в исходном.

Я против отдачи якоря, в задаче этого нет, к чему эта самодеятельность?

– Йа вам, командир, сейчас же и немедленно ставлю такую задачу: «Встать, блядь, на якорь». Кто тут самый главный? Я – самый главный!

– Тащ контр-адмирал, – вмешивается механик, – я тоже категорически против. Этот якорь с момента постройки корабля никто не отдавал ни разу. Как там всё получится – неизвестно.

– Да что вы меня, подъёбываете, что ли, все тут? Наркоманы, что ли, вы, а не солдаты?! – командир дивизии начинает кипеть. – Немедленно встать на якорь!!!

Якорь у нас – это такая железная плита массивная, которая в носу отдаётся и на цепи потом обратно втаскивается – в теории. А в первом отсеке как раз мой старшина команды по боевой тревоге сидит и три доктора. То есть та ещё команда молодцов-удальцов. Подвсплыли немного. Механик в «Лиственницу» командует им:

– Первый!

– Есть первый!

– Отдать якорь!

Минута молчания.

– Первый, как поняли?

– Не поняли, что сделать?

– Якорь отдать!

Минута молчания. Командир дивизии выхватывает микрофон у механика и орёт в него:

– Первый, блядь! Я сейчас приду и вас на хуй с этим якорем за борт отдам!

– Есть отдать якорь!

Проходит пять минут в гробовой тишине.

– Центральный первому.

– Есть центральный.

– Якорь отдан.

Командир дивизии радостно потирает ладоши:

– Ха-ха, ссыкуны, а я вам говорил, что всё заебись будет!

– Ну, во-первых, не говорили, – встречает командир. – А во-вторых, мы боялись насчет обратно его затянуть, а не отдать.

Командир дивизии его не слушает:

– Так, там, эта, давайте-ка поманеврируем потихоньку, посмотрим, как держит!

Все на него смотрят, молча вопрошая: «Ну, ты совсем с катушек слетел?»

– Ай, бля, ну вас в жопу, трусы! – командир дивизии явно обижается. – Ладно, затягивайте обратно.

– Первый!

– Есть первый!

– Втянуть якорь обратно!

– Есть втянуть якорь обратно!

Через пару минут:

– Центральный первому.

– Есть центральный.

– Якорь обратно не идёт.

– Как не идёт?

– Как идёт, только наоборот.

Театральная пауза. В центральный входит связист:

– Товарищ командир, через час сеанс связи.

А сеанс связи – это такая штука, которую пропускать нельзя. Лодка должна по расписанию выходить на связь со штабом флота и докладывать, что всё, мол, хорошо, продолжаем бороздить просторы и шлём вам пламенный привет. Тогда в штабе продолжают радостно пить водку и хватать за жопы секретчиц. Если лодка на связь не выходит вовремя, то никакой паники ещё не начинается, так как есть запасной сеанс связи, но радостно пить водку прекращают и начинают искать бланки похоронок и думать, как бы подольше не докладывать Главному ВМФ о чрезвычайном происшествии. То есть сеанс связи – штука обязательная.

– Первый, попробуйте ещё раз!

– Пробуем перманентно – не идёт, сука.

И тут вроде как жопа происходит, а на всех веселье какое-то нападает, и все начинают друг над другом юморить.

– Эдуард, – хлопает меня по плечу командир, – надевай гидрокombineзон и прошвырнись-ка по дну на предмет наличия симпатичных русалок!

Остальные начинают рассуждать, что, в принципе, в реакторных отсеках картошку можно растить, в зоне отдыха – укроп, из минёра сделать живца и ловить на него рыбу через торпедные аппараты, а на блестящие шильдики с приборов можно обменивать у жителей морских глубин морскую капусту и что-нибудь ещё.

Не шутит только командир дивизии.

– Антоныч, – говорит он грустно командиру третьего дивизиона, – бери своих чертей трюмных, и пошли все вместе в первый разбираться.

– Есть, тащ контр-адмирал! А можно я без вас пойду?

– Ну, я же старший на борту, Антоныч, ну чё ты наглеешь-то?

– Я ж поэтому и спрашиваю, а не ставлю перед фактом.

– Ну вас, удоты, – обижается командир дивизии и уходит грустить в штурманскую рубку.

Что уж они там делали с этим якорем, на коленях его умоляли или в привода механизмов целовали – не знаю. Но медленно-медленно он начал выбираться. Каждые десять сантиметров докладывали. А как мы потом всплывали на сеанс связи за пять минут!!! Это был полнейший восторг, доложу я вам. Дали ход и сразу продули весь балласт на ста пятидесяти метрах. Летели вверх, как на ракете, из воды выскочили, как ковбои в кино из прерий, но успели. Говорю же вам, весело было, когда в море ходили, только спать всё время хотелось.

Хванчкара и шурупчик

В давние-давние времена, до Ельцина ещё, подводным лодкам не давали имён. Называли их бортовыми номерами или номерами заказов. За исключением 24-й дивизии АПЛ в Гаджи-ево, которая была сначала «кошачьей», а потом стала «звериной». С началом вольностей стало модно у городов брать шефство над подводными лодками и выдавать им свои названия. Опять же шефы помидоры всякие привозили и прочие символы почитания подводников. Мы, как сироты, до последнего так и ходили с названием «ТК-20», пока глаз на нас не положил Минатом. Но для Минатома брать шефство над одной лодкой показалось несолидным, видимо, и взяли они шефство над всей дивизией. И что? И ничего. Иногда, правда, нам артистов известных привозили. Об одном таком случае и есть этот рассказ.

Пятница. Дело к вечеру. Нормальные люди отдыхают, а мы на вахте стоим. Ну, там, Родину защищаем и лодку от чеченцев сторожим. Я дежурный по кораблю. Позвонил командир ближе к вечеру:

– Эдуард, сауну затопи и воды морской в бассейн наберите, я сейчас буду.

«Олрайт, Христофор Бонифатич». Сауну затопили, воды морской набрали. Ну как морской: в базе мы воду в бассейн не набирали – больно уж мазутная. Набирали простой воды, соль туда сыпали, марганцовку и йод. Для особых, конечно, случаем.

Сидим, ждём. В предвкушении. Случай-то явно особый. Прибыл командир с саквояжем своим, собрал всех офицеров в центральном посту.

– Так, рыбий корм, – говорит, – слушайте меня внимательно! Сейчас все приводите себя в максимально возможный приличный вид. Под РБ¹⁰ рубашки с галстуками надеть, одеколоном везде побрызгаться, пилотки и всё такое. У кого нет рубашек, в трюм и не вылезать до особой команды. Минёр, ты не улыбайся, ты в трюме сидишь по-любому, а рубашку свою нормальному офицеру отдашь. У ушлёпка этого на верхней вахте заберите его ватник, в котором Суворов Альпы штурмовал, и выдайте ему нормальную куртку. И автомат. Найдите ему нормальный автомат. Красивый. Срочно везде убраться, палубы проходные помыть. Эдуард, ты ответственный, доклад через полчаса. И чтоб, блядь, как в Лувре всё было.

– Сан Сергеич, – говорю, – так в Лувре же нет автоматчиков.

– А у нас будет свой Лувр. С автоматчиком.

– А что случилось-то? Опять Козырев приезжает?

– Ха, – командир заулыбался, – бери выше, сиська козодья! Сама Валентина Толкунова, на экскурсию!

Ну, тут, конечно, в центральном ропот и волнения начались, все сразу сутулиться перестали, кто-то даже начал Зыкину напевать.

– Ух ты! – громче всех обрадовался минёр.

– Минёр, я ж тебе сказал – в трюм семнадцатого отсека шаго-о-ом марш! – Командир у нас категоричен. Спорить с ним практически бесполезно, а так как он штангист, то даже и вредно для здоровья может быть. Минёр обратно ссутулился и покинул высшее общество.

– И ещё, – командир достал из саквояжа бутылку красного вина «Хванчкара», – нужен штопор.

Тут, конечно, он застал нас врасплох. Мы, конечно, хоть и рыцари морских глубин, но к таким излишествам, как штопор, не приучены. Мы стали делать вид, что думаем, где его взять. Выручил Борисыч:

– Спасибо, конечно, Сан Сеич, что вы о нас так хорошо думаете, но где ж мы вам штопор возьмём на подводной лодке? Мы если и пьём, то исключительно благородные напитки,

¹⁰ РБ – радиационная безопасность, рабочая одежда на АПЛ.

спирт там, например. Но есть выход – вы шурупчик возьмите, в пробочку вкрутите, а потом плоскогубцами её и вытащите.

Все, конечно, радостно заулыбались такому оригинальному решению. А нет, не все. Командир как-то грустно посмотрел на Борисыча и говорит:

– Борисыч, ну ты совсем дурак, что ли?! Народная. Артистка. Валентина. Толкунова. Будет сидеть у меня в салоне, и мы будем беседовать с ней о различных прекрасных вещах, и скажет она мне: «Саша, может, вина – вон, я вижу, у вас и бутылка из саквояжа торчит». И я, капитан первого ранга, командир ракетного подводного крейсера стратегического, мать его, назначения, дважды представленный к званию Героя РФ, отвечу ей: «Конечно же, Валентина, мон плезир!», а потом вскачу, как тушканчик, достану из кармана шурупчик, отвёртку и плоскогубцы и начну там изображать из себя... Блядь, даже не знаю кого... Тебя, наверное, Борисыч, дурака усатого!!!

В итоге за штопором послали в посёлок ответственного матроса. А чё там: шестнадцать километров по сопкам всего, да и росамах в это время года нет почти. Не, ну нож ему дали, конечно, на всякий случай – не садисты же. Скоро сказка сказывается, да ещё скорее дела в военно-морском флоте делаются. Через полчаса все нарядные сидим в центральном посту. Волнуемся, как и положено по корабельному уставу. Я вообще как папа: с пистолетом на бедре и повязкой. Входит командир. В парадном кителе, весь в медалях и одеколоне. Осмотрел нас, остался доволен, но вида не показывает.

– Так, – говорит, – уже едут. Наверх со мной разрешаю только Эдуарду, чтоб я ещё солидней на его фоне смотрелся. Мичманов и матросов закрыть в каютах и приказать, чтоб не выли. Минёр в трюме? Хорошо. Эдуард, за мной.

Поднимаемся наверх. Стоим у трапа на ракетной палубе и подбадриваем друг друга. Приезжает. В красном пальто до пола, улыбается, машет нам ручкой. Мы не машем – терпим, хотя хочется.

– Эдуард, – шепчет мне командир уголком рта, – сейчас встретим её, и ты беги на рубку, следи там незаметно. Пока мы гулять на воздухе будем, чтоб, когда мы вниз пойдём, утырков всех от форточек разогнал.

– Каких, – спрашиваю, – утырков?

– Да сидят там все в рубке же сейчас и пялятся, я спиной чувствую.

Встретили, пожали ручки друг другу. Бегу в рубку. Точно – к двум форточкам прильнули десять человек. Как им это удалось? Минёр тут же – дерзкий, сука. Ну ладно, не буду его прогонять – Толкунова всё-таки.

А они там гуляют по ракетной палубе туда-сюда. По ракетной палубе все любили гулять. Веет от неё какой-то потенцией военно-морской, да и как тут не завеет, если двадцать баллистических межконтинентальных ракет жужжат под ногами. А ещё она резиновая и приятно пружинит.

Вниз Валентина Толкунова спускаться не стала, мол, неудобно, в юбке приехала, только с концерта. А командир зато попросил у неё разрешения подняться наверх офицерам, которые уж очень хотят с нею познакомиться лично. Разрешила. Ну командир рукой махнул, и у её ног все офицеры через тридцать секунд. Стоят, пихаются. Она ещё удивилась, как, мол, они сигнал-то ваш приняли?

– Спецсвязь, – ответил ей командир.

Поговорили, постояли, а потом она говорит:

– А хотите, я вам спою?

Все опешили, конечно, раскрыв рты, а командир нашёлся.

– Валентина Васильевна, – говорит, – да мы за такое натуральное счастье даже ракетой баллистической стрелнуть готовы!

– Можно просто Валентина, – даже как-то застенялась Валентина Толкунова. А может, ей Америку жалко стало в этот момент.

И спела нам несколько песен прямо на палубе ракетноносца. Никогда ни до этого, ни после я не слышал, чтоб так душевно и красиво пели. Может, мне это кажется, конечно, но это уже моё дело, в конце концов.

Машина увозила Валентину Толкунову с нашего пирса. Мы шли параллельным курсом по ракетной палубе и махали, в основном руками, вслед. Впереди шёл минёр, и поэтому он один упал в море, когда ракетная палуба закончилась. Ну, упал и упал: глубина у нас в носу небольшая – метров сорок всего. До берега тоже метров сорок, куда-нибудь да выйдет. Опять же это же минёр, и вряд ли он будет столь благороден, что осчастливит нас своим утоплением. Да и лето на дворе, вода градусов пять, наверное, а может, и все семь.

И тут мы увидели, как из посёлка бежит наш штопор. Он бежал в кармане у ответственного матроса Паши и вместе с Пашей пытался спрятаться в рельефе местности. А так как самые высокие деревья на местном рельефе доходили Паше аж до пояса, то получалось это у него так себе. Паша бежал по крыше ЗКП¹¹ Северного флота, который располагался у нас тут же в скале и был обнесён колючей проволокой по периметру и вышками с автоматчиками. Автоматчики на вышках усердно отворачивались и делали вид, что не замечают нашего ответственного матроса. Ну, видят же, что свой, да ещё и матрос.

Вообще-то у нас есть нормальная дорога чуть дальше от ЗКП. Ну как «нормальная дорога»... Тропинка в сопках от базы и до посёлка. Всего восемь километров по сильно пересечённой местности, и ты дома. Минут сорок ходу, если от росамах отбиваться не придётся зимой или купаться в озёрах не потянет летом. Но Паша почему-то решил срезать путь. Как он будет спускаться, если его путь оканчивается отвесной скалой, на которой из того, за что можно подержаться, один чахлый ручей? Добежал до скалы. Ну молодец – с разбегу лезть не стал, подумал секунды три. И... полез, сука!

– Так, Эдуард, – сказал командир, – я пошёл вниз, и, когда тебя будут садить в тюрьму за то, что матрос разбил, я этого не видел.

Ну, понятное дело. Спустился гад. Автоматчики на вышках аж вздохнули с облегчением. Я тоже, конечно, чего уж тут скрывать – ладно в тюрьму посадят, а ну как ещё суровой: с флота выгонят? Страшно же. Паша прибежал. Красный, потный, довольный, штопором добытым мне машет.

– Баклан, – ласково встречаю я его, – какого хера ты через ЗКП полез? (На самом деле грубее сказал, конечно, но это же художественное произведение – могу позволить себе что-то и приукрасить.)

– Тащ кап-лейтенант, там старпом с двумя красивыми женщинами из дивизии идёт, я побоялся на него нарваться!

Правильно сделал, что побоялся, хоть и дурила. У нас из штаба дивизии до пирсов длинная дорога такая километра два вдоль залива идёт. Красиво по ней погулять, если тебя не тошнит от того, что ты по ней десять раз в день бегаешь. Старпома-то тошнит от неё уже лет десять, так что, видимо, красивых женщин выгуливает. Как, интересно, матрос с расстояния в несколько километров определил, что они красивые? Хотя что тут удивляться: живём мы в глухих местах, матросы у нас в увольнения не ходят, потому что некуда ходить, и поэтому на втором году службы у них у всех словосочетание «красивая женщина» превращается в одно слово – «красиваяженщина» (говорится на выдохе, строго). Это офицера или мичмана домой к жене отпускают иногда. Или в Северодвинске на дискотеке «Для тех, кому за 30» он может на женщин посмотреть или даже потрогать их, а матрос – он как раб на галерах, только на подводном флоте, а не в Москве. И ещё с чувством гордости за полноту отдачи своего долга Родине.

---

¹¹ ЗКП – защищённый командный пункт.

Старпом у нас зверь, конечно, был. Маленький, худой, энергичный, как напиток «Ред Булл», и умный. Драл нас как сидоровых коз, но все его любили и уважали, без шуток.

Ага, вижу – появились. По поводу красоты женщин отсюда видно только одно – обе в пальто. Ну понятно, что не местные – походка такая, как будто вся жизнь у них впереди. Идут не в ногу, громко смеются – Питер или Москва. Старпома мне встречать наверху вроде как и не положено по уставу, раз командир на борту. Но мало ли, что за женщины, может, он интерес к ним какой имеет (в духовном, конечно, смысле), так что встречу – добавлю ему авторитета. Старпом новую куртку на верхнем вахтенном издали заметил.

– А как вам, – кричит издали, – удалось у него ватник тот забрать исторически ценный? Всей вахтой небось с ним бились?

Поднимаются на борт все трое. Старпом впереди – перед женщинами извиняется, мол, по уставу так полагается, видите, меня же дежурный по кораблю встречает. Он маленький, я высокий, поэтому докладываю ему метров с трёх, ну чтоб сразу же наповал женщин не сразить своей красотой, а ему пару шансов оставить. Пилотка у меня по традиции на левое ухо заломлена, к правой брови подношу ладонь так небрежно, щёлкая тапочками, и докладываю:

– Тащ капитан второго ранга! За время вашего отсутствия на борту никаких происшествий не случилось!

– Вольно! – по-отечески разрешает старпом. – Вот познакомься, Эдуард, это две оперные певицы из московской филармонии, давали концерт вместе с Валентиной Толкуновой. А что за штопор у тебя в левой руке?

Знакомимся. Опуская пикантные подробности про матроса и свалившегося за борт минёра, рассказываю историю про вино.

– Отлично, – потирает ладони старпом, – давай мне штопор, я как раз его командиру и передам. Ну, пойдёмте-с на борт.

– Сей Саныч, а ещё будет кто-нибудь? – уточняю у него.

– Эдуард! – радостно удивляется старпом. – Ну ты что, считать не умеешь? Нас с командиром двое, дам двое. Ну кто ещё будет?

Дамы хихикают и явно смущаются. Показал им винты, ракетные шахты и веду их к люку. Если вы не в курсе, то вход на подводную лодку – это такая вертикальная труба диаметром восемьдесят сантиметров в самом узком месте. Дамы смотрят вниз и удивляются, как они туда полезут, а если внизу кто-то подойдёт и они ему на голову свалятся?

– Не, – говорит старпом, – там внизу Эдуард будет стоять и всех от люка разгонять.

Падаю вниз. Сверху слышу, как охают дамы на предмет, не разбился ли я там, бедненький, но старпом их успокаивает тем, что у меня на тапочках подошва резиновая и ничего со мной не будет – я же при исполнении. Спустились. Посидели в центральном посту, посмотрели в перископ и понажимали на кнопки, на которые им разрешили понажимать.

– Ладно, – подытожил старпом, – мы к командиру говорить за оперы пошли. Сауна готова?

– Всенепременно, – уверяю его.

О том, что в сауне уже помылось человек шесть, а двое так до сих пор там сидят, я решил промолчать – ну зачем старпому лишняя информация. Не свиньи, опять же, в бассейн потные не прыгаем.

Вот с этого момента судьба штопора мне уже точно не известна. Может, старпом в кармане его до сих пор носит. Вполне возможно.

А певицы оперные через час уехали. Ничего такого, что вы могли бы себе подумать, не было, да и быть не могло – подводная лодка не место для любви. Если это не роман Черкашина и эта любовь не к Родине. Родину, наоборот, любить положено непрерывно, пока на борту находишься. Любили когда-нибудь Родину непрерывно три месяца? А я любил.

Хлеб

Меня тут многие про кормёжку на подводных лодках спрашивают. Про всё в одном рассказе написать, конечно, сложно и практически невозможно. Например, как я ни буду описывать, вы всё равно не поймёте вкус еды, приготовленной на воде двойной дистилляции. Это просто невозможно понять. Когда лодка собирается в поход на два-три месяца, то еду на неё загружают несколько дней и распахивают, куда только можно. Особо ценную и скоропортящуюся – в специальные холодильные камеры, остальную – где найдут свободное место, то есть везде. Поэтому сегодня я расскажу вам одну историю про хлеб.

Хлеб на подводной лодке особенный. Его сначала выпекают, потом обезвоживают парами спирта в специальных камерах и упаковывают вакуумом в целлофановые упаковки. Из обычных нарезных батонов и «кирпичиков» чёрного получаются такие деревянные, отдающие спиртом поленца. Перед подачей его пилят, смачивают водой и греют в духовке. Скажу я вам, что такого вкусного хлеба, который в итоге получается, вы не пробовали нигде и никогда. Все ваши французские багеты «прямо из печи» просто отдыхают в сторонке.

Дело было в первой моей автономке. Недели через три мы как-то начали замечать, что порции хлеба на столах резко уменьшаются. На все гневные вопросы интендант Лёня делал вид, что очень занят, и срочно убежал. В итоге вообще однажды на столах мы с удивлением обнаружили полусырые бесформенные куски теста, гордо выдаваемые камбузными крысами за хлеб собственного приготовления. Естественно, командира попросили разобраться, что за херня творится.

Мизансцена такова: полдвенадцатого ночи. Вообще, конечно, время на подводной лодке вещь довольно относительная, но было именно так. В центральном посту командир за вахтенного офицера (спит в командирском кресле, положив нос в нагрудный карман), командир дивизиона живучести Антоныч (самый старый и опытный офицер на корабле: от матроса до капитана третьего ранга дослужился) за вахтенного механика и Эдуард – командир группы автоматики общекорабельных систем за оператора пульта общекорабельных систем. Всякие там штурмана, связисты и прочие бесполезные люди сидят по рубкам, хер знает чем занимаются и поэтому в действии участия не принимают.

Командир вызывает к себе интенданта Лёню на разборки. Лёня, весь такой красивый и с белым полотенцем на руке, прибегает со стаканом чая для командира.

– Лёня, – бубнит командир из кармана, – что за хуйня происходит?

– У нас всё нормально, тащ командир, – блестит слезой в голубом глазу Лёня. – Работаем по плану.

– По плану, – похрапывает командир, – это хорошо. Где хлеб, Лёня?

– Так эта, тащ командир... Он эта... Того, в общем-то. Кончился, – выдохнул Лёня.

Командир даже проснулся. Он посмотрел на Лёню маленькими красными глазками (они у всех подводников такие в первый месяц плавания) и тихонечко, почти шёпотом, спросил:

– Лёня, ты что, debil?

Лёня даже открыл рот, чтобы что-то ответить, но не успел, так как вынужден был увернуться от брошенного в него стакана с чаем.

– Лёня, – уже громко говорил командир, – а чем мне двести человек кормить два месяца ещё?! Сиськой твоей?! Да если бы сейчас была война, я бы, блядь, тебя на кормовом ЭПРОНе¹² расстрелял при первом же всплытии!

– Пропади с глаз моих, нежить, – орал он Лёне в девятнадцатый отсек, через который тот бежал в седьмой на свой камбуз. – Антоныч, чё ты ржёшь?!

¹² ЭПРОН – экспедиция подводных работ особого назначения.

Антоныч с чувством глубокого уважения встал по стойке «смирно» и доложил:

– Сан Сергеич, да они его потеряли просто и найти не могут. Мы с Эдуардом сейчас сменимся и найдём им хлеб.

Эдуард, конечно, удивился. В его планах была потеря сознания хотя бы на пару часов в своей уютной кровати, но Эдуард был ещё лейтенантом и в строгом табеле о рангах подводного флота права голоса не имел, хотя и сдал уже к тому времени первым из своего выпуска зачёт на допуск к самостоятельному управлению.

После смены с вахты в начале первого ночи Антоныч с Эдуардом сходили на вечерний чай, выпили сока гуавы (после той автономки сок гуавы и папайи до сих пор не пью), переоделись в лохмотья и пошли играть в глистов. Я с тех пор (а Эдуард – это был я) в таких местах, где мы были в ту ночь, и не лазил больше никогда за всю свою насыщенную событиями жизнь.

Хлеб мы, конечно, нашли – Антоныч всегда был прав. Час примерно нам на это понадобился. Вызвали бледного интенданта, который уже писал завещание в своей каморке, и показали ему два вагона хлеба и батонов, разложенных в разных местах ракетных отсеков. Лёня пытался целовать нас в руки и обещал завалить эскалопами его личного приготовления (обманул, сука, конечно), но я так хотел спать, что уснул на том моменте, когда он начал кланяться (про руки и эскалопы мне потом Антоныч рассказал).

Поспать удалось минут сорок, потому как сеанс связи, поиск полыньи и всё такое, но зато хлеб все ели от пуза теперь.

«Хилтон»

Нас так называли мелкописечные подводники от зависти. Ну да – была у нас сауна, солярий, зона отдыха и спортзал, а у некоторых даже курилки на борту не было. Курили в выхлопные патрубки дизель-генераторов на перископной глубине.

Но если вы думаете, что мы только в сауне и сидели в автономках и выходах в море, то очень заблуждаетесь. Режим службы в море такой, что самой большой роскошью считалось поспать. За три месяца первой автономки в сауне я был раза два, наверное. И то один раз потому, что было прикольно в забортную воду с температурой минус два градуса на Северном полюсе попрыгать. А ещё пресная вода – один из ресурсов, который подлежал строгому учёту и экономии.

Когда в базе стояли – то да, хоть каждый день ходи здоровье поправляй. А в море в сауну у нас ходила только категория людей, называемых нами «пассажирами», – всякие высокие начальники и флагманские специалисты, желающие приобщиться к загребанию жара чужими руками и совершить подвиг, ничего не делая.

Вот так было и в первой автономке. Пошёл с нами один контр-адмирал абсолютно быдлатской натуры. Разговаривал как извозчик, был отменным хамом и абсолютно наплевательски относился к людям. С нами тогда ходила съёмочная группа ОРТ и фильм сорокаминутный про нас выпустила. Про него ни слова не сказали, и это посторонние люди, которые просто наблюдали за всем со стороны. Представляете, каков был гусь? Я даже интересовался у командира, а есть ли у него высшее образование.

И вот, наверное, через месяц наших мытарств подо льдами Арктики приказывает он истопить себе сауну и набрать в бассейн пресной воды с температурой тридцать шесть и шесть градусов по Цельсию. Дали отбой тревоги, первая смена на вахте, я иду к себе в каюту, по дороге захожу в сауну. На бортике бассейна стоит командир второй трюмной группы Андрей и опухшими красными глазёнками наблюдает за набирающейся туда пресной водой.

– Чё делаешь? – спрашиваю Андрюху.

– Дрочу.

– В бассейн?

– Нет, в душу свою, крайне уставшую.

Я, отупевший от недосыпа, стою рядом и тоже пялюсь на воду. И тут меня посещает гениальная мысль.

– Слушай, – говорю, – Андрюха, а давай в бассейн нассым ему.

– Бля, Эдик, ты же гений, мать твою!

Сказано – сделано. Нассали. Позвали вахтенных из соседних отсеков, те тоже нассали. Прошлись по каютам, опросили желающих, кто хочет приобщиться к прекрасному. Хотели все. Бассейн набрали довольно быстро и литров пятьдесят, наверное, пресной воды сэкономили экипажу.

Третья смена. Сидим на вахте в центральном, заваливается это мурло с распаренной рожей и плюхается своей толстой жопой в командирское кресло (никто никогда в него не садился, традиция такая – в командирском кресле сидит только командир). Один из флагманских лизоблюдов услужливо интересуется:

– Ну как попарились, тащ адмирал?

– Ох, и хорошо же! Бассейн вообще замечательный, плавал там, как дельфин в утробе матери. Водичка тёпленькая, в рот её набирал и струйками по стенам брызгал, как юный китёнок.

Я понимаю, что если сейчас начну смеяться, то мне крайне сложно будет списать это на нервный срыв. Терплю. Чувствую, лицо сейчас сгорит и глаза лопнут от натуги. Вахтенный механик (мой командир дивизиона) жук тёртый, говорит:

– Скокни-ка, Эдуард, в мою каюту, я там блокнотик свой забыл.

Категорически запрещено в море покидать свой боевой пост. Только мёртвым. Я пулей выскакиваю в восьмой отсек и начинаю там кататься по полу. Вахтенный отсека интересуется, не позвать ли мне доктора. Сквозь слёзы рассказываю ему историю. Начинаем кататься вдвоём. Из кают выходят разбуженные подводники и интересуются, что за хрень? Рассказываем. На полу заканчивается место от валяющихся подводников. Отсмеялся, взял себя в руки. В центральном уже только наши остались: командир, замполит, вахтенный механик, боцмана на рулях и штурмана с акустиками по своим рубкам. Скромненько потупив взор, усаживаюсь на своё место и начинаю с умным видом клацать кнопками. Не, ну я вижу, что на меня все внимательно смотрят. Но вдруг просто так, на профессионализм мой любуются? Подходит командир и кэ-э-э-эк даст мне оплеуху:

– Давай рассказывай, сидишь тут, время тянешь!

Рассказал. Командиру врать не принято у моряков. После этого минут пятнадцать лодка была абсолютно неуправляемой на глубине ста двадцати метров. Ржали, брызгаясь слезами и слюной, все – командир, замполит, боцмана на рулях, штурмана и акустики в своих рубках.

– Спасибо, Эдуард, – сказал командир, пожимая мне руку, – от души! Вам с Андрюхой по благодарности от меня с занесением в личное дело за высокий профессионализм и флотскую смекалку!

Никогда не обижайте подводников. Очень уж мстительная фантазия у них развита.

Флаг

История эта произошла в тот день, когда к нам в Заполярье пришло лето. Не то, которое календарное, а настоящее: с жарой, тишиной и гладким, блестящим от солнца морем. Тучи уплыли в Норвегию, чайки улетели на помойки, а вся подсменная вахта валялась на корме, жаря свои белёсые тельца под ультрафиолетом и торопясь получить тот чудесный северный загар с зеленоватым оттенком.

Мне, как дежурному по кораблю, валяться не полагалось, а полагалось бдеть, хоть и воскресенье на дворе. Поэтому телефонный звонок меня несколько удивил.

– Восемьсот шестой бортовой, дежурный...

– Эдуард, – перебил меня командир, – а что за лежбище морских котиков у нас на корме? Странно, чего бы это командир забыл в дивизии в воскресенье?

– Так это подсменная вахта, тащ командир, усиливают организм витамином D по рекомендации врача.

– Точно только подсменная?

– Тащ командир, да я бы забоялся один внутри-то сидеть.

– Короче, загоняй всю эту вакханалию вниз и остальных, кто на борту, в центральном собери, я минут через десять буду.

Прибыл даже вместе с интендантом Лёней. Что-то, видимо, намечается.

– Спасибо, что хоть оделись, товарищи отдыхающие! Значит, дело такое. Во флотилии сейчас находится начальник штаба военно-морского флота. Изъявил желание посмотреть на «Акулу». Просил жопы не рвать и не усердствовать: пирс не красить и ковры не стелить. Он так, ради любопытства.

– Что, – решаю я уточнить на всякий случай, – и швартовые на беленькие менять не будем?

– Кто будет пиздеть, тот прямо сейчас пойдёт.

– Дык я один не справлюсь, они же тяжёлые!

– А ты языком. Языком-то своим справишься по-любому. Короче. Приборку организовать быстренько, всё помыть и одного Лёне в помощь для организации фуршета. Вопросы?

– Сан Сеич, – деликатно закашлял штурман Андрей, – положено как бы его флаг поднимать, когда он на борт прибывает!

– А зачем мне эта лишняя информация? У тебя боцмана в подчинении, пусть поднимут.

– Так нет у нас его на борту – не получали такой!

– Андрей, значит, когда Эдуард скомандует: «Флаг начальника штаба поднять!», залезь на флагшток и будешь оттуда орать дурным голосом: «Я флаг начальника штаба флота!» Ну, мне сказать тебе «позвони в дивизию и спроси» или ты просто позвонишь в дивизию и спросишь?

Андрей звонит в дивизию.

– Нет у них тоже такого флага.

– Андрей!!!

– Понял.

Андрей звонит в штаб флотилии, там тоже такого флага нет.

– Ладно, – говорит командир, – на флот уже не звони. Неси книжку, покажи, как он хоть выглядит.

Глядим в книжку.

– Да... Замысловато выглядит, – тянет командир, – надо что-то думать. Значит, так. Штурман, неси Андреевский флаг новый и фломастеры какие-нибудь, Лёня неси простынку белую, ножницы и нитки с иглками. Будем творить.

Ну, разложили Андреевский флаг на столе, вымеряли линейкой пропорции (целый инженер же с высшим образованием в группе нашёлся!), вырезали квадраты из простынки, пришили почти аккуратнo белыми нитками. Сидим – любуемся.

– Ну что, – потирает руки командир, – дело за малым осталось! Два якорька да веночек изобразить! Штурман – к барьеру!

– А чего я-то? – удивляется штурман. – Я что, художник, что ли?

– Ну, во-первых, раз я сказал художник – значит, художник! А во-вторых, достаточно того, что во-первых! И попререкайся мне ещё, так я вернусь к варианту твоего залезания на флагшток!

Ну, рисовали все, конечно. Подводники – они же как дети, а тут такая раскраска! И якорьки тебе красненькие, и веночек с бубочками – прям про этого начальника штаба забыли от творческого экстаза и неожиданного обретения своего художественного предназначения. Командир вокруг нас ходит и ценные указания раздаёт по нанесению правильных оттенков. Сотворили. Стоим, смотрим.

– Да, – резюмирует командир, – печальная картина-то вышла. Ладно, Эдуард, лезь на рубку и помахай мне им оттуда, а я с пирса погляжу. Может, с пирса не так страшно будет.

Лезу на рубку, разворачиваю над головой это уёбище.

– Ну и уёбище! – кричит командир с пирса.

– А флаг-то как? – кричу ему в ответ, чтоб разрядить обстановку.

– Еде-е-ет! – кричат из центрального. – Из дивизии позвонили!!

Командир поднялся к рубочному люку и проводит рекогносцировку на местности.

– Значит, Эдуард, когда он на трап встанет и я скажу «Смирно!», ты ори сразу дурным голосом: «Флаг начальника штаба флота поднять!», но при этом его не поднимайте, пока он до рубки не дойдёт. Потом, значит, он такой вот тут проходит, а я вот сюда стану и в люк его буду сразу подталкивать. А ты вот здесь встань и углы обзора ему закрой своей тщедушной тушкой. Эх, жалко, не Борисыч сегодня дежурным стоит!

И бежит к трапу встречать высокого начальника. А с ним, естественно, и свита его приехала, как положено – пятеро капризов каких-то московских. Они от наших-то сразу отличаются, за двести метров не ошибёшься. Важные такие все, холёные.

Сначала план шёл как по маслу. А потом, когда начальник штаба вниз уже полез, эти его спрашивают разрешения покурить.

– Ну, если дежурный вам разрешит, товарищи офицеры, то курите, конечно.

И вниз, значит, полез. Командир – за ним.

– Тащ дежурный, можно мы на мостике у вас покурим? Тут вот и пепельницы у вас имеются!

– Курите на здоровье, – разрешаю я, – товарищи офицеры штаба флота!

– А вы спускайтесь, не стойте здесь, мы тут разговоры свои разговаривать будем. Да и что вы тут торчать будете попусту, вы же офицер, а не болванчик какой-то.

«Эх, товарищи офицеры штаба! Да не торчал я там, а выполнял важную миссию по защите чести Северного флота, между прочим!» – подумал я, пока спускался вниз. Чуть позже спустились и капризы. Ржут, как кони.

– Мы поняли, – говорят, – товарищ дежурный, почему вы там стояли!

«Ну, блин, – думаю я, – вы ж стратеги и тактики ВМФ, как вам не понять-то».

– А что, вам флотилия заранее флаг начальника штаба не передала?

«Да нет его на флотилии-то», – думаю я, но вслух говорю:

– Никак нет! Везли, но у них машина сломалась!

– А вы молодцы, ребята, не растерялись! Настоящие моряки!! Смекалистые!!!

– Мы же подводники, – говорю, – нам без смекалки никак!

– И правильно! Только мы когда обратно вылезать будем, вы тоже там встаньте, на всякий случай. А то он мужик-то хороший и с чувством юмора, но может потом во флотилии и вздрючить кого-нибудь за то, что флагом вас не обеспечили. А оттуда и вам потом наверняка достанется!

– Да уж непременно, – отвечаю, – достанется!

– Ну вот и договорились! Кто нас по кораблю проведёт?

– Да вот прямо я и проведу!

Смекалка – это тоже флотская традиция. Находить выход из неожиданных ситуаций, не имея на это достаточных ресурсов и возможностей, своего рода искусство даже, доложу я вам.

Уха

Возможно, у вас возникнет диссонанс с тем, что я сейчас описываю, и современными картинками в газетах. Путины и Шойгу по лодкам у нас не шастали, и показушность хоть и была, но не возводилась в ранг абсурда. Офицеры не носили футболок под куртками и не пришивали белых подворотничков на рабочую одежду. В море два раза в день подводнику выдавался спиртовой марлевый тампон, которым он макал себе в чай... Шучу, протирал себе шею, лицо и руки. Микропыль потому что везде и всегда, и отмыть её водой не получается. А тут белый подворотничок... Ну, вы меня понимаете.

Руководящие документы строго предписывают нахождение на борту атомной лодки в специальной одежде, промаркированной штампом «РБ» – «радиационная безопасность». Нахождение на борту в повседневной одежде запрещено. Мало того, по предписаниям переодеваться в своё РБ подводник должен в специальном помещении на пирсе.

Но. В кают-компанию на собрания и приёмы пищи подводники ходят только в кремовых рубашках и с погонами. Такая традиция. Даже если, например, прибежит дежурный по кораблю передать командиру какую-нибудь бумажку, то стоять он будет ровно на пороге кают-компания и тянуться, пока бумажку у него кто-нибудь не заберёт.

Случай один курьёзный произошёл у нас с этой традицией.

Загнали нас тогда в Оленью Губу на пару месяцев какие-то работы с шахтами ракетными проводить. Ощущение такой свободы, как в Оленьей Губе, я не испытывал никогда за всё время своей службы. Наш штаб в ста двадцати километрах, топлива для машин на флоте нет, то есть учить они нас могут только по телефону. В Оленьей Губе (крохотный посёлок) подводники с «Акулы» такая же диковинка, как Филипп Киркоров живьём. Все два магазина и один бар тут же переходят на круглосуточный режим работы, женщины расчехляют свои косметические средства и делают эпиляции везде. А рядом же ещё Снежногорск и Полярный – эх, дубинушки, ухнем! Командира нашего под белы ручки увели сразу же товарищи его, набежавшие в баню со всем таким.

В любом мужском коллективе количеством более трёх обязательно найдётся один маньяк-рыбак. У нас их тоже хватало, а Оленья Губа рыбалкой славилась.

Не успели пришвартоваться, как наши маньяки уже бегали по пирсам с удочками и радостно повизгивали от предвкушения.

– Слышь, Эдик... – говорит мне Слава, наш комдив-два и главный экипажный маньяк-рыбак. – Нам бы лодочку раздобыть.

– Это вам бы, – отвечаю, – маньякам, лодочку бы раздобыть. А мне – поспать бы. Я ж на проходе в узкости не спал за пультом на идашках, как некоторые, а в центральном сидел.

– Не, ну рыбу-то есть будешь.

– Каэшна буду, но не улавливаю здесь логических связей. Ты что, с товарищем рыбой не поделишься и «за так»?

– А ты что, с товарищем не сходишь лодку поискать «за так»?

Сука, подловил меня. Пошли с ним к военным надводным кораблям лодку искать. А как мы выглядим, вы уже поняли. Заходим на пирс к какому-то судёнышку военному, судя по окраске. Верхний вахтенный на нём аж подпрыгнул спросонья, когда нас увидел. Сначала испугался таким диковинным животным, а потом вспомнил устав:

– Стойкоидёт!

– Ой, стоим, стоим, ой боимса, боимса! Слышь, страшила, свистни там, кто у вас старший на борту.

Свистнул. Выскакивает старлей какой-то на палубу:

– О! Ребята! Вы же! Подводники, да?!

– Ну.

– С вот той вот громадины?!

– Ну

– Кру-у-уто, бля! А можно на экскурсию?

– Ну. Тока эта, слышь, тут рыба-то есть у вас в заливе?

– Ну, дык! Во скока! – У него аж кончились руки, как он показал. – Тока на лодке лучше вот там за бочками ловить!

– Ну, так и мы о чём. Дашь нам лодку-то?

Тот почесал под пилоткой, посмотрел вокруг.

– Ну, вот ялик есть. Три литра шила и забирайте.

– Слышь, а ты не прихуел ли – три литра шила за покататься брать?

– Да какой покататься! Навсегда забирайте!

– Да ладно?

– Ну!

– Так, пират, ты тут постой и никуда не уходи. Мы щаз вернёмся.

Громко стуча копытами и тяжело дыша от волнения, бежим к старпому. Весь спирт же корабельный у него хранится, и выдаёт он его строго по необходимости.

– Сей Саныч!!! – кричим мы ему сбитым дыханием в каюту. – Три! Литра!! Срочно!! Давайте!!!

Сей Саныч хлопает в нашу сторону глазами.

– Я, – говорит, – даже несколько опешил от вашей внезапности, хаспада. Даже растерялся и не знаю теперь, сразу вас на хуй послать или поинтересоваться, в связи с чем у вас такая наглость?

– Там! Эта! Ялик!!! Наш будет!!!

– Да ладно?

– Ну!!!

Старпом быстренько набулькивает нам трёшечку. Мы хватаем десяток матрозовров своих и бежим обратно. Ялик уже стоит на пирсе и вытирается тряпочками. Производим натуральный обмен и тащим его к нам на пирс. Вокруг ликование, конечно, и чуть не драка начинается за то, кто на нём в море срочно за рыбой выходит.

– Так! – командует Славик. – Мы с Эдиком идём и ещё четырёх с собой берём. Жребий тяните!

– Не-не-не! – говорю. – На хуй, на хуй мне эту вашу мозолистую романтику! Я – спать!

Ну и, в общем-то, отчалили они за добычей. Вернулись в полночь. Я к тому времени уже выспался и ждал их на пирсе с багром.

– Давай! Подтягивай! – кричат маньяки и радостно машут мне конечностями.

– Вы рыбу сначала покажите, а я уж подумаю, подтягивать вас или обратно в море выпихивать.

Рыбы, конечно, они изрядно притаранили. Мешка два, наверное, или три. Выгрузили это добро на пирс и вздыхают:

– Эх, ухи бы сейчас!

– А в чём дело-то? Пошли Лёню зарядим, и пусть варит, он же интендант боевой, а не муха на круизном лайнере!

Зарядили Лёню. Лёна знатно расстарался – наварил бочку ухи с луком, яйцами и всем положенным лавром и чёрным перцем. Часа в два ночи собрались мы в кают-компанию уху эту есть. Человек, может, десять или пятнадцать. Только разлили по тарелкам, как слышим, папа наш топает по трапу к себе в салон (а у него вход в каюту как раз напротив кают-компания). Топает тяжело, видимо, пьян – устал в бане-то. Спускается в тамбур со вздохами и видит картину: в кают-компаниях накрыты столы, сидят офицеры в рубашках и едят суп. На входе,

как положено, стоит Лёня в белом пиджаке. Сказать, что командир в этот момент удивился, значило бы сильно поправить факты. Командир дёрнулся, выпрямил спину и выпучил глаза.

– Приятного аппетита, товарищи офицеры! – пробасил он. – Лёня, иди-ка сюда!

Взял Лёню за лацкан и шепчет ему в ухо, так, что в Финляндии слышно:

– Лёня, а что происходит-то?

– Уху едят, тащ командир!

– Я вижу, что не вальсы танцуют. А что, сейчас обед уже?

– Никак нет, тащ командир! Два часа ночи! Они рыбы наловили и попросили меня уху им сварить. Не мог же я отказать!

– Каэшна не мог! Этожы офицера мои! Кто им может отказать? Ну, слава богу, а то я думал, что пора бросать пить уже!

– Товарищи офицеры! – бодро обращается к нам командир. – А найдёте ли тарелочку для командира сваво?

Мы от такой наглости даже сёрбать перестали.

– Тащ командир! – не выдержал Слава. – Ну что за подьбос такой, чесслово? Неужели мы командиру своему ухи пожалеем? Свою отдадим, если что!

– Ай, малаццы! – радуется командир. – Ща тужурку сниму и приду. Лёня, наливай!

Приходит, садится на своё место (а у каждого офицера в кают-компании есть своё место), с удивлением смотрит на уху, ложку и хлеб.

– Не понял. Это всё, штоле? Вы что её, на сухую, штоле, лопаете? Где сто граммов-то?

– Тащ командир, мы же на подводной лодке, а не пьяницы вам какие-нибудь!

– Да ла-а-адно! Што тут у вас, клуб трезвенников организовался за время моего отсутствия? Кроме вас, дежурного и верхней вахты тут ещё кто трезвый есть? Мож, щаз большой сбор сыгранём и проверим?

Да какой такой большой сбор? Половина же сейчас под «Фроузен» Мадонны отплясывает где-то в Оленьей Губе, а не на борту даже вовсе. Поэтому сидим и молча сопим.

– Лёня, – не выдерживает командир, – возьми там в шкапчике у меня нольпяточку, разбодяжь да неси скорей со стаканами, а то уха остынет.

Знатно поуховали тогда, доложу я вам!

Чуть про ялик-то не забыл рассказать. Мы так и уехали потом с ним в родную базу. Удивительная, доложу я вам, картина – ракетный подводный крейсер стратегического назначения с принайтованным на ракетной палубе яликом.

Упадок

Знаете, почему минёров на флоте называют «румынами»? Мне лично больше нравится прозвище «пасынки флота», но в основном их называют «румынами» потому, что на выходах в море они практически ничего не делают. Иногда они, конечно, целятся болванками в Баренцево море и пуляют. И знаете, таки попадают.

На том выходе, историю из которого я сейчас расскажу, мы и должны были стрелнуть торпедой, вместе с сикстиллиардом других задач. С первого дня минёры ходили суровые, как нитки от матросской шинели.

– Минёры, – спрашивал их командир, – вы почему бродите по моему кораблю небритые? Я понимаю, что вы – румыны, но не военнопленные же!

– Нельзя, тащ командир! – гордо отвечал минёр с тремя волосинками на подбородке. – По традиции бриться запрещено, пока не стрельнем!

– Минёр! Чем там стрелять-то? Одну железную трубу из другой забортным давлением вытолкнуть! А если бы вы боевой стреляли, то вы и жопы не подтирали бы, может? Напомнить тебе про ДУК у трюмных? Полчаса – и все здесь стоите передо мной, как хуй перед травой! Гладко выбритые!!!

Через пять минут к командиру прибежали флагманские минёры дивизии и флотилии (тоже с нами были, а как же?). Долго с ним шушукались, меняли цвет лица и махали руками.

– Да хуй с ними! – сдался командир. – Пусть так ходят. Вы мне уже больше нервов порвали, чем их убогий вид. Только на глаза мне пусть не лезут без дела!

Старшим с нами на борту был командир дивизии, совсем недавно назначенный и не успевший ещё получить контр-адмирала. Вообще ему предлагалось идти на торпедолове и оттуда руководить стрельбой и, соответственно, поимкой торпеды, но комдив вышел с нами на борту. Был он мужчиной суровым, начинавшим свою военно-морскую карьеру боевым пловцом-диверсантом на Черноморском флоте и занявшим свою очередную, но не последнюю ступень. Он много и со вкусом ругался, был крепким, коренастым мужиком и часто орал. Но при этом был так добр и обаятелен, что никто его не боялся. В основном им восхищались и уважали. По национальности он был черемис, как и наш экипажный замполит, что заставляло их вслух гордиться этим и без конца пикетировать друг друга подколками. Других известных мне черемисов на флоте не было, и мы часто, издали и аккуратно, подьёбывали их обоих по этому поводу. Особенно замполита. Комдив так вкусно и изощрённо ругался, что мы им просто заслушивались.

– Почему вы улыбаетесь, когда я вас ебу?! – возмущался он.

Когда кто-то из штабистов сделал ему замечание, что он много матерится, он, не раздумывая, ответил:

– Это я не матерюсь, это просто тупой и так шучу!

И да, торпеду после стрельбы положено словить. Так как она дорогая и «всёвотэтовот».

Заняли полигон, погрузились, сидим и скучаем: тоже мне делов-то – торпедкой пульнуть.

– Чего такие не тревожные?! – интересуется комдив, прибегая в центральный. – Чувствую какое-то всеобщее расслабление в воздухе! Хафизыч, волнуешься хоть?

– А чего мне волноваться? Мне Антоныч рассчитал уже дифферентовку на полное затопление семнадцатого отсека, Эдуард кнопочки на «Молибдене» протёр, отсек семнадцатый трюмные загерметизировали из первого и второго. Запаса ВВД – полные баллоны с горочкой. Не нахожу ни одного повода для волнения, тащ капитан первого ранга!

– Хафизыч! – краснеет комдив. – Это жестоко!

– Не, ну я могу сделать вид, что волнуюсь... Хотите, по центральному бегать начну, заламывая руки?

Комдив подумал:

– Не, если механик будет бегать по центральному, заламывая руки, я сам от страха обосрюсь.

Ну и так, слово за слово, ложкой по столу, стрельбанули. Тут же всплываем по ходу торпеды и вызываем торпедолов. Все волнуются, включая море. Потому что потерять торпеду – это косяк несравнимо больший с затоплением семнадцатого отсека. Наверху пасмурно плюс косою дождь и небольшой штормик. Ну как небольшой – для нас-то он небольшой, а торпедолов мутузит знатно, конечно. Торпеду мы нашли быстро, что неудивительно с нашей-то высоты. Начали семафорить торпедолову, закладывая его на верный путь. Торпедолов командам не внимал почему-то.

Минут через пятнадцать сверху послышался топот двух пар ног – это командир с комдивом прибежали, мокрые, злые и возбуждённые до невозможности. Доносятся обрывки их диалога.

– Да сколько я здесь буду торчать, как забытая слива в жопе, Саша?! У нас планов ещё отсюда и до космоса, а он дрожит там на волне!!!

– Связисты! – орёт комдив, снимая мокрый тулуп уже в центральном. – Дайте мне этого уёбка на связь!!

– Упадок, – говорит командир, стаскивая валенки.

– Что – упадок?

– У него позывной «Упадок», а не «уёбок».

– Это торпедолов – упадок, а командир его – уёбок!!! – и комдив начинает бешено вращать глазами по центральному посту.

Я разворачиваю дифферентовочный журнал, беру карандаш, калькулятор и начинаю рисовать в журнале ромашки, периодически подсчитывая количество их лепестков на калькуляторе. Чтоб, значит, сразу было понятно, что я ужасно занят и меня лучше не отвлекать вообще. Механик начинает миллиметровать обороты турбин, а боцман двумя руками хватается за рулевое управление, хотя рулём сейчас с мостика управляют.

– Может, вам чаю стакан, б? – спрашивает замполит у комдива.

– Может, мне коньяку стакан лучше? Чаем-то душу не обманешь!

– Ну, мы же на подводной лодке, б, всё-таки.

– Это вы на подводной лодке, а я – в упадке!!! Черемис! Ты черемису коньяка зажал, что ли?

– Да нет у меня коньяка, б!

– У замполита нет коньяка? Да на кой хуй ты тогда вообще в море пошёл, если не комдиву коньяк наливать? Как ты меня без коньяка воспитывать-то будешь? Я ж упёртый, как баран, когда трезвый!

– Так вас же замполит дивизии должен воспитывать, б, а не я!

– Ну да. Мало мне дармоедов на борту.

Связисты дают связь.

– «Упадок», – напоминает командир, пока комдив не успел открыть рот. Комдив машет на него рукой и начинает притворно ласково, но постепенно срываясь на ор. На фиг ему связь вообще? С такими-то децибелами его и на Евровидении в Норвегии слышно, небось:

– «Упадок»! «Упадок», это «Стрелок»! «Упадок», когда у вас обед закончится? Как нет обеда? Хорошо, когда у вас закончится адмиральский час? Как не спите? А что вы там вообще тогда делаете?! Я бы возмутился, если бы вы обедали или спали, игнорируя мои нелепые попытки вами управлять! Возмутился, но понял бы! Подумаешь, тут полк по тревоге сидит пять часов – обед же у моряков!!! А так я ни хуя не понимаю. Я три лампы семафорные спалил уже, управляя вашим баркасом!!! Куда вы гребёте, блядь, объясните мне?! Как?! Как вам передать курс, чтоб вы начали правильно маневрировать?! Что «волна»? А у меня что, не волна, а

безе на торге?! Хотите, я сейчас эту торпеду сам словлю, а потом вам в жопу её засуну?! Нет, блядь? А почему же нет? Я сейчас развернусь и в пенной волне уйду дальше Родину защищать, а вы, пока торпеду не словите, чтоб в базу не возвращались!!! А если не словите, то вообще не возвращайтесь никогда!!! Корсарствуйте тут до конца своего века!!! Значит, так!!! Отставить плакать по открытым каналам связи!! Я сейчас развернусь на торпеду, идите мне в нос и пиздуйте вперёд, пока в поплавок не уткнётесь!!! И быстро! Быстро мне!!! Отбой!!!

– Тащ комдив, – замечает командир, – может, зря вы их так отъебали жёстко. Им же там сейчас очень несладко с такой волной и на таком корыте.

– Ты что, Саша? – брови комдива уползли под шапку, и голос опять спокоен, как река августовской ночью. – Кто их отъебал? Я ж так, взбодрил их просто, от души, чтоб чувствовали локоть товарища! Чё ты валенки-то снял? Айда маневрировать!!!

– Не знаю, как насчёт локтя, б, – глубокомысленно замечает зам, когда они убегают обратно на мостик, – но хуй возле жопы даже я почувствовал!

– Лишний хуй в жопе не помеха, – философствует механик. – Что там про чай-то ты говорил, Стас?

А замполит у нас боролся с матом на корабле. Но всё время говорил «б» в конце каждой фразы, особенно когда волновался. Это он так слово «блядь» сокращал. Хороший был замполит. Жаль, уволился потом.

Торпеду они словили, конечно, что очень и очень непросто, если вы не в курсе. А по возвращении в базу командир дивизии объявил всем членам экипажа торпедолова благодарность и наградил их внеочередным отпуском. Справедливый был потому что.

Дежурный

- Ну, как там Вова?
- Нормально.
- В говно по-прежнему?
- Скорее – в говнище, Сей Саныч.
- Ну, собирай тогда дежурных в центральном.

Объявляю по «Лиственнице»:

- Дежурным по ПЛ собраться в центральном посту!

Наш старпом в это время рисует на бумажках буквы «Х», а на одной букву «Д» и складывает эти бумажки себе в шапку. Дежурные собираются в центральном с пакетиками, только двое приходят с пустыми руками – один вчера сменился, а второй завтра заступает.

Прелюдия.

Вова должен сегодня сменить меня с дежурства по кораблю. Но вчера абсолютно неожиданно он купил себе автомобиль и, естественно, всю ночь его обмывал. Помня про свой долг сменить товарища, он каким-то чудом добрался до корабля к обеду и выдохнул парами спирт-завода на полной мощности мне в центральный: «Эдык, вснрмально. Я нместе. Шаз псплю часик и буду, как агуретсь!» После чего потерял сознание и связь с обоими мирами.

Я сразу загрустил. Устав имеет изящный и точный выход из данной ситуации: не сменили, стой дальше. Но у нас по традиции это не практиковалось, и людей всегда меняли с вахты. Грустил я ещё и потому, что надо было как-то придумать и подать старпому информацию о том, что Вова мертвецки пьян, при этом не сильно подставив Вову. Тоже традиция – всегда защищать товарища. Спасибо старпому, что он меня выручил и за пару часов до смены затребовал к себе Вову на какой-то срочный инструктаж. Я, конечно, прошептал команду по громкоговорящей связи, чтоб, не дай бог, не разбудить Вову. Но старпом у нас резкий, как пуля, и, не дождавшись Вову в течение пары минут, сам ринулся к нему в каюту, а жил он как раз под Вовой. Потом позвонил мне:

– Я дверь открыл и чуть сознание не потерял. Чё ты мне сразу-то не сказал? Чё ты сопишь в трубку, как вошь? Что за круговая порука, блядь?! Вот и стой теперь вторые сутки, раз ты такой перец!

И трубку бросил. Облегчённо вздыхаю – знаю, что отойдёт через полчаса примерно.

Дежурные собираются в центральном понурые, потому как историю про новоиспечённого автомобилиста уже все знают. В пакетах у них еда: у кого бутерброд, у кого печенье, у кого ещё что. Кому-то же из них придётся неожиданно заступить, а хоть военный моряк и может не есть месяцами, но не война же сейчас, поэтому отдадут еду тому, кто заступит.

– Все? – уточняет старпом. – Кто вчера сменился и завтра заступает, свободны, остальные – прощу к шапке. У кого буквы «Хуй», тому не повезло – они пойдут домой разлагаться семейным бытом, а счастливчик с буквой «Дежурный» примет из мозолистых рук Эдуарда флаг корабля на следующие сутки.

Определились, кто заступает.

– Ну, всё, везунчик, подмывайся, брейся – и на развод! Эдуард, переписывай книгу выдачи оружия и дежурства по кораблю, – говорит старпом, – я подпишу.

– А я и не заполнял ещё, – отвечаю.

– Вот же хитрая ты жопа! Я ж тебе сказал, что ты на вторые сутки заступаешь!

– Так точно! – браво и абсолютно не в тему рапортую я, потому что сказать же что-то надо (традиция уважать старших), а сказать-то и нечего.

За Вову не переживайте. Он отстоит потом и свою вахту, и вахту того, кто стоял за него, а раз пришёл на корабль, то старпом его наказывать не станет – рвение к службе и желание не подвести товарища абсолютно налицо, поэтому и наказывать не за что. По традиции, опять же.

А вообще Вова не то чтобы пил много и часто, но когда пил, почти всегда попадал в нелепые ситуации. Например, в автономке решили они с комсомольцем релакснуть свои истерзанные нервные системы при помощи алкоголя. А что?

Что тот бездельник, что этот, в общем-то. Ну, сели, дёрнули по стакану, и всё у них неожиданно закончилось. А раззадорились уже – хочется продолжения банкета. Нашли у начхима (он жил в каюте с комсомольцем) бутылку с настойкой золотого корня (родиолы розовой, по-научному) и вполне резонно, как им тогда показалось, рассудили, что лишний тонус их молодым и здоровым организмам не повредит, а начхим поорёт да забудет. Но не учли они, что концентрацию этой самой родиолы начхим сделал атомной, по рецепту «одна капля на стадо». Вдун её в два своих хобота, абсолютно потеряли сон, спокойствие, аппетит и тягу к прекрасному. Двое суток ходили по кораблю, как зомби, с потрескавшимися красными глазами и дрожью в конечностях, а все над ними при этом смеялись вслух. Потому как смеяться над товарищами – это тоже флотская традиция. А у Вовы потом ещё пару лет спрашивали:

– Владимир, вам наливать? Или вы без родиолы розовой не употребляете?

Вообще традиций на флоте много. Они важнее уставов и прямых приказаний начальников, потому что, исполняя традиции, моряк выказывает уважения всем тем, кто покорял моря до него и чтит память военно-морских предков.

Например, у подводников есть традиция – в море, выходя наверх в надводном положении, докладывать на мостик: «Капитан-лейтенант Овечкин поднялся наверх!» И потом: «Капитан-лейтенант Овечкин спустился вниз!»

Понятно, что на лодке с экипажем под двести человек – из них сорок на вахте, а сто шестьдесят слоняются – эта информация вряд ли несёт какую-то ценность для вахтенного офицера, который в это самое время одновременно руководит корабельной вахтой, управляет подводной лодкой, следит за надводной обстановкой, суточным распорядком, графиком связи и мечтает о своей тёплой и мягкой в некоторых местах жене Марине. Но иногда с мостика даже отвечают: «Есть!» Или: «Принято!»

Опять же по традиции на любой доклад командиру должен быть дан четкий ответ или распоряжение. Знаете, что отвечает командир на доклад вахтенного офицера: «Наблюдаю рыболовецкое судно. Ходом таким-то на параллельном курсе с безопасной дистанцией следует в Ура-губу»? Он отвечает: «Не препятствуй!» Как будто вахтенный офицер в это время уже достал свой абордажный крюк и оскалил зубы.

Потому что – традиция.

Таракан

Если вы никогда не спали на подводной лодке, то считайте, что вы нормально не спали никогда вообще. Потому что спится на подводной лодке так же сладко, как в маминой утробе. Представьте: полнейшая темнота, шелест вентиляции, приятное гудение электрического тока в проводах и мерный гул механизмов... Вот прямо сейчас пишу, и глаза сами закрываются. А ещё на подводной лодке ты почти всё время заёбан, уставший вусмерть. А какие там снятся сны... Эх.

И вот вы сладко спите после полутора суток вынужденного бодрствования, а вас начинает кто-то грубо хватать руками, трясти и орать прямо в ваши «свит дримсы»:

– Эди-и-ик!!!! Эдии-иикбля-а-аа, вставай! Бля-а-а-а, Эдик, пиздец, просыпайся!!!!

Ага, началось, думаю я себе спросонья. Механизмы гудят, вентиляция шелестит, значит, на лодке всё в порядке. Вот она, значит, как подкралась-то, Третья мировая... Это Игорь так вероломно трясёт меня за плечи – наш турбинист.

– Да встал, Игорь, встал! Хватит меня уже так беспардонно трясти! Что случилось-то?

Но Игорь уже выскочил из каюты и орёт в соседней:

– Борисы-ы-ыч! Борисы-ы-ычбля, вставай!!! Бля-а-ааа, Борисыч, пиздец, просыпайся!!!

Вот же интриган хренов. Через минуту стоим в проходе между каютами: Игорь в РБ и подпрыгивает, мы с Борисычем в трусах и озабоченных лицах.

– Бля, мужики, мне таракан в ухо заполз!! Что делать-то!!! – Игорь, конечно, в панике.

Мы с Борисычем, как знатные тараканологи, сохраняем внешнее спокойствие.

– А точно? – уточняет Борисыч, приносиваясь.

– Точно, бля!!! Он лапами в ухе там шевелит!!! Я это чувствую!!!

– Надо что-то делать, – говорю.

– Да неужели!!! – орёт Игорь. – Да вы гении, ёб вашу мать! Так быстро соображаете!!!

– Надо его убить для начала, – рассуждает Борисыч. – Чтоб он дальше в мозг к тебе не полез.

– Вмоск?! Какэтавмоск?!!! – Игорь взрослый, спокойный и очень умный мужчина, но сейчас как малое дитя, право слово.

– Как-как. Через евстахиеву трубу, конечно же, – блистаю я анатомической эрудицией.

– Ну дык давайте убивайте иво уже быстрее!!!

Заглядываем с Борисычем Игорю в ухо.

– У тебя ж пистолет, может, застрелим его? – предлагает Борисыч.

– Не вариант, мозг-то у пациента мы не заденем наверняка, но вот патрон я потом хуй спишу.

– Бля-а-ааа... Бля-бля-бля, – причитает Игорь.

– О! – догадывается Борисыч. – Надо его утопить! А может, он испугается и обратно вылезет от этого!

Ну всё. Решение принято. Игорь убегает в душ топить или пугать таракана, мы с Борисычем одеваемся, хохоча, и бежим следом. Заглядываем в душ – Игорь льёт воду в ухо максимальным напором.

– Ну что там? – искренне волнуясь, спрашиваем мы.

– Да вроде перестал шевелиться.

– Ну, заебись, ещё пару ведер влей, на всякий случай!

Влил. Сидим в центральном.

– Ну, что, шевелится?

– Да нет вроде, вода только булькает.

– Чё, надо его достать теперь... как-то.

Ну, нашли шурупчик потоньше с мыслью им тараканий труп проткнуть, навернуть и вытащить. Инженеры же (один ядерщик, другой электромеханик и третий в панике) и всё такое. Борисыч, высунув язык от напряжения, начинает засовывать шурупчик Игорю в ухо.

– Ойбля!! – вскакивает Игорь. – Зашевелился опять!!!

– Не прокатило, – вздыхает Борисыч, – пошли-ка покурим-ка.

Поднимаемся на мостик. Зябко. Четыре часа утра, темно, холодно, сыро и неудобно. Закуриваем.

– А может, его это, дымом травануть? Эдик, дунь-ка мне в ухо дымом, да побольше.

Ну что не сделаешь ради друга? Набираю дыма побольше и начинаю задуть его Игорю в ухо. И тут. На мостик заходят удивлённые глаза командира (он дежурным по дивизии стоял).

– Что это, блядь, тут происходит на моей подводной лодке?!

– Игорю Юрьевичу таракан в ухо заполз, тащ командир, – докладывает Борисыч, потому что у меня-то рот занят, – пытаемся его оттуда вытравить.

– Да ла-а-адно? – улыбается командир такому неожиданно интересному событию в серых буднях береговой жизни. – А чё он туда заполз-то? Этот одесский еврей там сосиски от друзей прячет небось?

– Товарищ капитан первого ранга!!! – негодует Игорь. – Я попросил бы!!!!

– А ты таракана попроси, может, вылезет. С сосиской. Ладно, не ссы, русские на войне своих не бросают! Хотя ты ж хохол... Тебя вроде как и можно. Чё делали-то, докладывайте.

Доложили.

– Ну вы долбоёбы, что ли? – удивляется командир. – Тараканы же назад не ходят, как бы он сам вылез-то, пугатели?

Ну вот, блядь, откуда он это знает?

– Значит, так. Сейчас пошлю машину дежурную за доктором нашим. Надеюсь, что за это время он до мозга не доберётся. Хотя тараканы же кости не грызут вроде бы.

– Ну та-а-ащ командир! – требует уважительного к себе отношения Игорь.

– А будешь пиздеть – не пошлю. Так что попиететнее тут со мной. Тепереча от mine тут всё зависит. Пошли пока чаю попьём.

Сидим в центральном, пьём чай. Командир, Борисыч и я, в смысле, пьём, а Игорь носится кругами вокруг командирского стола.

– Игорь, не мельтеши! – не выдерживает командир. – Что ты, как профурсетка при первом минете матросу... Линолеум мне весь до дыр сотрёшь!

– Да он шевелится там, как не мельтешить-то?

– А вот не будешь больше сосиски от друзей в ушах прятать. Я вот не прячу, ко мне тараканы в ухо и не залезают!

– Ну та-а-ащ командир!

– Не ной! Будь мужиком, блядь!

– Легко вам говорить!

– Конечно, легко. Я сосисками с друзьями делюсь же!

Привозят злого и невыспавшегося доктора Андрюху.

– Что тут у вас опять, аппендицит? – подозрительно косится на меня Андрей.

– Гораздо хуже, товарищ военврач! – торжественно докладывает ему командир. – К Игорю Юрьевичу в ухо заполз таракан и теперь тщетно пытается найти там его мозг!

– Чтобля? Таракан? А как он туда заполз-то?

– И я о том же, – радостно поддерживает его командир, – предлагаю назначить служебное расследование и до его окончания никаких действий с тараканом не производить для сохранения в целостности оперативной обстановки! Да ладно, шучу, не пучь глаза, а то лопнут сейчас. Давай, Андрюха, доставай.

– Да я вам ветеринар, что ли? Меня в академии медицинской этому как-то забыли научить. Пошли в амбулаторию, будем что-то думать.

Всей делегацией двинулись в амбулаторию. Там Андрюха перебирает какие-то пузырьки и думает, а мы просто сидим и делаем вид, что тоже думаем. Игорь бегает из угла в угол.

– А! Во! Придумал! – показывает нам Андрюха какой-то пузырёк. – Ложись, Игорь, на кушетку!

– А что там, в пузырьке этом? – опасливо косится на пузырёк Игорь.

Андрей молча смотрит на него минуту, другую, третью...

– Эпоксидная смола там. Залью её тебе в ухо, а потом сделаю трепанацию черепа и добуду себе брелок с тараканом! Морпехи с пулями на шеях ходят, а я – с тараканом буду. Вот я тебя спрашиваю, что ты там в испарители свои сыпешь, чтоб пресная вода была? Нет? И ты мне мог не еби! Ложись, я сказал, блядь, сука любопытная, пока я добрый!

Ну, кто в здравом уме, пусть даже и с тараканом в ухе, будет спорить с военным врачом? Правильный ответ – никто. Доктор закапал Игорю в ухо какую-то маслянистую жидкость, обождал минут пять и каким-то хитрым пинцетом аккуратно вытащил таракана на белый свет.

– Ты там это, поглубже загляни, нет ли сосиски?

– Нет, Сан Сеич, видимо, таракан всю съел, видите, какой жирный? Ну вот, дарю тебе, Игорь, этого таракана, носи его на шее и не забывай думать о Смерти!

Доктор у нас добряк, конечно, был и широкой души человек. Мне аппендикс мой пытался подарить в банке с формалином, мол, поставь его дома на полку и не забывай думать о Смерти. Самурай херов.

– Ну что, – потирает руки командир, – дело сделано, полшестого утра, спать всё равно уже не вариант, может, отработочку вахты забабахаем посерьёзнее?

– Ну та-а-ащ командир! – ноём все в унисон, даже доктор, который в отработках и не участвует практически.

– Ладно, лентяи и бездельники. Как вы мхом-то не поросли до сих пор? Но стресс снимать запрещаю категорически!

– Ну тащ командир, ну полшестого же утра, ну что мы, совсем, что ли?

– А что – нет? Рассказывайте мне тут сказки венского леса... А то я не знаю вас! Ладно, пошли ко мне в салон, по чуть-чуть у меня есть.

– Только вы это, мужики, не рассказывайте никому, а то же заподьёбывают потом вусмерть, – попросил нас Игорь в салоне за рюмочкой коньяка.

– Ка-а-анешна-кане-е-ешна! Ну о чём ты, братан, – дружно ответили мы и сдержали своё железное подводное слово. Примерно часа полтора.

Так вот и закончилась эта история всего с одним трупом, после которой я и обладаю, не знаю зачем, знанием, что тараканы назад не ходят.

Тридцать патронов и «калашников» на дне

Вот скажите мне, мои юные и не очень читатели подозрительной гражданской наружности, что главное для военных в мирное время, как вы думаете? В военное время всё понятно: убить врага, съесть его печень и поиграть головой в футбол – это все знают. А вот в мирное – какие у вас варианты? Сначала, чур, ответьте, а только потом – читать дальше!

В мирное время главная задача для военных – ничего не проебать. Конечно, желательно бы ещё и не сломать ничего, но это уже задача для профессионалов высочайшего уровня. А для основной массы – главное, чтоб всё было на месте! Потерял колесо? Слепи из картона! Дырка в корпусе? Зашпаклуй и замажь краской!

Для учёта всего в армии существуют Журналы. Журналы пронумеровываются, прошнуровываются и скрепляются сургучными печатями (на самом деле обыкновенными, конечно, но слово «сургучная» уж очень хорошо звучит), за каждый Журнал назначается Ответственный и выстраивается цепочка из Проверяющих, которые должны с определённой периодичностью проверять, правильно ли Ответственный ведёт журнал и бережно ли он относится к вверенному ему имуществу.

И если вы думаете, что это касается только танков, самолётов и авианосцев, то ничего не смыслите в организации вообще! Потому что это касается вообще всего одухотворённого и неодухотворённого, что есть в армии. От гвоздя или паронитовой прокладки до стратегического крейсера. Выдали тебе сто прокладок? Будь добёр – учти и записывай, куда ты их расходуешь! Поставил две вместо одной, потому что от старости соединение так уже разъёбано, что на одной не зажимает? А не ебёт никого! Положено одну – списывай одну, блядь! А как ты потом спишешь вторую – это только твои проблемы, на то тебе воинская смекалка и выдана во время призыва в военкомате. А представляете, если у тебя в заведовании система ВВД-400 и прокладки красномедные? Красномедные, я подчёркиваю это слово. У меня однажды образовалась неучтённая вязанка этих прокладок, так я себя полгода королём всех трюмных в дивизии чувствовал. График приёма просителей составил и вел себя со всеми снисходительно, так что теперь вполне могу быть царём – опыт имеется. Не нужен царь никому, случайно? А, например, одно время на флоте стакан гидравлической жидкости ПГВ (парафин, глицерин, вода) стоил дороже стакана коньяка «Арагат» пятилетней выдержки, а гидравлики этой на подводных лодках – тонны, чтобы вы знали.

И вот при всей этой строгости и бережливому отношению к народному хозяйству у нас однажды матрос Кузнецов уронил автомат за борт. С магазином патронов, естественно. Сложно представить даже, какой ещё более тяжёлый проступок мог совершить матрос Кузнецов за свою короткую, но яркую карьеру в ВМФ. Даже потеря одного патрона – это было ЧП дивизионного масштаба. Если бы, например, во время несения Кузнецовым верхней вахты на подводную лодку напали злые чеченские террористы и он, поливая их шквальным огнём из-за мешков с песком и перекатываясь по пирсу с боку на бок, уворачиваясь от пуль, уложил бы их всех шестьюдесятью патронами, то первое, что сделали бы представители особого отдела, был бы сбор гильз с пирса и подсчёт пуль, извлечённых из тел террористов. И не дай боги там оказалось бы пятьдесят девять гильз!

– Где патрон дел, сука? – спросили бы особисты у Кузнецова, мило улыбаясь.

– Да как где? Я же... поливая из двух рожков! Перекатываясь с боку на бок под пулями! Я же... эта... Герой!

– А может, ты государственный переворот планируешь на самом деле? ГДЕ ПАТРОН, БЛЯДЬ!!! – И особисты били бы его палками по пяткам и не давали спать и чаю. Наверняка.

А тут – автомат и тридцать патронов!

Кузнецов, конечно, растерялся и молча достоял свою вахту до конца, смотря печальными глазами в залив и умоляя Мировой океан вернуть ему оружие. Мировой океан остался нем к его мольбам, как и минёр поначалу, который стоял дежурным по кораблю и вышел менять вахтенного.

– ...? – спросил минёр, показывая на грудь Кузнецова.

– Тащ старший лейтенант, я его уронил!

– ...? – уточнил минёр, оглядывая пирс шириной в десять метров, который был заболито огорожен с обоих бортов железными коробами для кабель-трасс (метр в высоту и метр в ширину и ещё метр пирс торчал за кабель-трассами до моря).

– В залив уронил, – печально вздохнул Кузнецов.

– ...?! – удивился минёр.

«... ас ... ас ... ас!» – привычно повторило эхо.

– Ну, я вот так вот его перекинул на спину, а ремень оторвался, а он как полетел и как упал в залив, а я смотрю, а он упал, а я, а он!

И тут у минёра наконец прорезался голос:

– Так что ж ты сам-то не утопился вслед за ним, баклан!!! Так бы всё заебись вышло бы!!! Ну, утонул и утонул, и хуй с ним!!! А теперь что делать-то?! Ныряй, блядь, ёпта!!!

А когда выбирали место для базирования «Акул», то, конечно, смотрели на то, чтобы она могла погрузиться чуть ли не у пирса. Поэтому глубина в корме была метров восемьдесят, в носу что-то около двадцати, а в том месте, где упал автомат, метров пятьдесят-то точно.

– Слушай, Сей Саныч, вот ты удивлён, что это случилось на вахте минёра? – спрашивал командир у старпома утром, когда ему доложили о происшествии.

– Отнюдь, Сан Сеич!

– Вот и я – отнюдь.

Минёр хлопал на них своими удивлёнными ресницами и открывал рот.

– Ой, – отмахивался от него старпом, – только не надо оправдываться опять! Хули ты такой косячный-то? Ну что? Что ты мне хочешь сказать? Что не ты виноват? Матрос Кузнецов виноват с тремя классами образования в церковно-приходской школе, а ты, типа с высшим образованием, и офицер, на коне и в шляпе, как д'Артаньян? Ну почему за всю мою столетнюю службу единственный случай потери оружия случился в моём экипаже и когда именно ты стоял на вахте?

– В нашем, – поправляет его командир.

– Так точно, Сан Сеич! А что в нашем?

– В нашем экипаже. Так-то я тоже тут, типа, хозяин. Не такой, как ты, конечно, но тем не менее.

– Ну, пусть, – любезно соглашался старпом. – Минёр, зови Кузнецова, пойдём следственный эксперимент проводить, пока штаб не приехал.

А любой военный, я вам скажу, тот ещё следователь. Не то чтобы в душе, но, в принципе, обучен по специальной методике. А уж старший помощник наш!

Он привязал Кузнецову кусок тяжёлой трубы на верёвку и повесил его на шею.

– Ну, давай, показывай – где стоял, как ронял.

– Ну-у-у, вот тут стоял и вот так его перекинул.

– Та-а-а-к. Развяжем верёвочку. Давай, перекидывай.

Естественно, кусок трубы падает на пирс в одном метре от матроса.

– Давай сильнее перекидывай!

В двух метрах.

– Как ни странно, – резюмирует старпом, – а сила всемирного тяготения и у нас на пирсе работает. А ну-ка, пиздун одноглазый, сходи-ка в ограждении рубки постой.

Старпому приводят верхнего вахтенного с соседнего пирса (мы тогда одни на пирсе стояли).

– Ну, рассказывай, что видел?

– Ну-у-уу, как б-э-э, эта-а-а...

– Слышь, ты мне тут не мычи! Баклана этого в тюрьму посадить могут, а вы тут мне стеснение изображать будете хором? Что видел?

– Ну, с пирса-то далеко, особо не видно...

– Да это понятно. Рассказывай, что не особо видел.

– Ну, он тут прыгал чёта, скакал туда-сюда и автоматом махал. Вот.

– Ясно, свободен. Позовите-ка мне этого танцора диско!

Приходит понурый танцор диско.

– Ну, чобля, давай рассказывай! Специально автомат выкинул?

– Не-е-е-ет.

– Что ты мямлишь, блядь, и скользишь мыслями, как мандавошка по мокрому хую?!

Ты знаешь, что сейчас сюда приедут особисты и ты им всё расскажешь, вплоть до того, каким девочкам и сколько раз под юбки заглядывал во втором классе! И они тебе будут говорить: «хватит-хватит, мы всё поняли», а ты будешь рассказывать и рассказывать, сломленный ужасными пытками! Ты что, может, думаешь, что конвенции ООН по правам человека и на губу Нерпичья распространяются? А вот хуй ты угадал! Не! Рас! Прос! Тра! Ня! Ют! Ся!

И вот что оказалось. Матрос Кузнецов во время несения верхней вахты заскучал (конечно, сказал старпом, дембеля ждать скучно, вот если бы ты Родину охранял, как я, то другое дело было бы) и стал представлять себя Джинном Симмонсом. Он даже приклад у автомата откинул, чтоб тот на «басуху» больше походил. И вот во время исполнения композиции «Ай воз мэйд фор ловин ю бэйби» он так вошёл в раж («хуяж!» – сказал старпом), что начал перекидывать свою «басуху» (то есть автомат Калашникова) туда-сюда на плече и вертел его вокруг своего тела. Где он видел, что Джин Симмонс перекидывал куда-то свою бас-гитару, я ума не приложу. Ну все же знают, что Джин Симмонс просто вот так вот головой качал и язык высывал. И вот во время финального пассажа автомат Калашникова не выдержал этой пытки, перегрыз себе ремень и улетел топиться.

Старпом взял трубу, изобразил из себя гитариста, повертел её и кинул в сторону моря.

– Почти идеальная баллистическая траектория! – похвалил командир, наблюдая за полётом трубы, булькнувшей в море.

– Ну, дык! Я ж стратег! – согласился старпом. – Ну что, Сан Сеич, пойдёмте в штаб докладывать о происшествии?

– А пойдёмте! Утро, чувствую, перестает быть томным!

Второй, но не менее важной задачей на службе в мирное время является определённая и чётко соблюдаемая система докладов. Обо всех своих достижениях и успехах принято докладывать немедленно, как можно более пафосно и глядя в глаза начальству. При этом перечень трудностей и препонов, которые вы героически преодолели, выполняя задачу, должен занимать как минимум восемьдесят процентов от доклада. А вот о своих промахах и неудачах нужно умалчивать как можно дольше, желательно всегда, а докладывать письменно рапортом (минимум два листа двенадцатым кеглем) через посыльного, самому при этом находясь в командировке. И только в том случае, если скрыть это уже невозможно.

Основываясь на этом принципе, и строятся отношения взаимозависимых армейских групп. Например, командир боевой части ебёт свою часть в хвост и в гриву, но перед старпомом и командиром стоит горой за подчинённых, даже если они в корне неправы и вообще вели себя как ебланы. Так же и старпом с командиром поддерживают дисциплину в своём полку всеми доступными (угроза, шантаж, запугивание, унижение и моральное доминирование) спо-

собами, но перед штабом дивизии предпочитают взять вину на себя, защищая подчинённых. Именно так было в нашем и всех знакомых мне экипажах.

– Ну что, Серёга, – уже в центральном спросил командир, после следственного эксперимента с матросом Кузнецовым, – докладываем в дивизию?

– Тащ командир, а с ПДСС¹³ договориться втихую не выйдет?

– Выйдет, конечно, а как мы их ботик водолазный объясним на акватории и нашу перешвартовку? Так-то, конечно, диверсант может и под лодку нырнуть... Но, блядь, Серёга, рисковать его жизнью из-за автомата одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года выпуска?

– Ну да. Вы позвоните или я?

– Да я, конечно.

Штаб дивизии примчался чуть не быстрее, чем командир положил трубку телефонного аппарата. У них же тоже включился триггер по защите подчинённых, естественно. Приехал командир дивизии, флагманский штурман, электрик, минёр и начальник роты охраны, хотя допуска на корабль именно он не имел.

– Саша, ну как так-то?! – носился командир дивизии по центральному.

Наш командир молчал.

– Саша, ну за всю мою службу единственный случай, и у моего лучшего командира!!!

Наш командир молчал. Он же был не минёром и знал, что оправдываться в данном случае и валить всю вину на матроса – занятие бесполезное и бессмысленное.

– Саша, ну что ты молчишь? Что делать-то будем?!

– Тащ контр-адмирал, а что тут пенить волны? Выхода у нас два. Или докладываем, или достаём автомат сами.

– Какой ты простой, Саша!

– Ну, как автомат Калашникова!

– Бля-а-а-а!!! Морпех, что там с ПДСС, сможем договориться?

– Не вопрос!

– Скока должны будем?

– Да нисколько. Свои же ребята, всё понимают. Так сделают.

В дискуссию вступает флагманский штурман:

– У нас плановый осмотр через месяц, да и лодку надо перешвартовывать, как мы буксиры вызовем? Диверсанты-то понятно, что втихую приплывут, на то они и диверсанты, а вот буксиры?

– Я и без буксиров смогу, – отмахивается командир.

– Да вот хуй тебе без буксиров! Давай ещё лодку об скалу помнём или пирс снесём!

Нахуй нам столько пирсов, правильно? – не соглашается комдив.

– Магнит, – берёт слово флагманский электрик.

Все смотрят на него и ждут продолжения, а он разглядывает краба на фуражке.

– Блядь, я счас тебе въебу! – не выдерживает комдив.

– В смысле? Дык, а чего тут? Лодку сдадим задом метров на сорок швартовыми, Богачёв сможет. Привяжем магнит на трос и достанем автомат.

– Дык, а найдём мы его как там?

– Ну, дык тут сейчас сидит пятнадцать человек с высшими образованиями, к тому же – царей природы. Плюс один морпех. Давайте подумаем!

Значит, начали думать. Взяли таблицу отливов и приливов, солёности воды, карту течений, прикинули парусность автомата и его возможные траектории погружения и рассчитали примерный квадрат, в котором он может лежать. А вы как думали? У стратегов ко всему подход стратегический!

¹³ ПДСС – подводные диверсионные силы и средства.

Квадрат получился очень внушительный, доложу я вам. Поэтому для поиска автомата решено было собрать схему по его поиску: видеокамеру с фонарём, телевизор и, соответственно, лебёдку с двумя блоками. Для доставания – магнит. Магнит нашли в каком-то ЗИПе¹⁴ то ли у эртээсников, то ли у штурманов. Несли его наверх втроём, потому что магнит, обрадованный тем, что его вытащили из пергаментного заточения в железном ящике, пытался примагнититься ко всему железному. А если вы ещё не в курсе, то подводная лодка железная вся.

– Ну что, Саша, перешвартуешься назад по-тихому? – уточняет комдив.

Наш папа смотрит в подволок и находит оскорбительным для своего уровня профессионализма отвечать на такие глупые вопросы контр-адмирала.

А вы же, может, не знаете про камеры с телевизором. На подводной лодке 941-го проекта телевизоры были во всех каютах практически. Они были сконструированы специально для применения на подводной лодке и представляли собой железный ящик с выпуклым кинескопом, который мог выдержать ускорение в девять «жэ», падение с десяти метров на любую поверхность и выстрел в упор из пистолета Макарова, при этом продолжая показывать свое чёрно-серое изображение, не моргнув трубкой кинескопа. Камеры наружные тоже были две: одна стояла наверху в ограждении рубки и вторая – в носу. Они были вмонтированы прямо в лёгкий корпус и предназначались для наблюдения за ледовой обстановкой. Естественно, они были рассчитаны на работу на глубине до шестисот метров (пятьсот – предельная для «Акулы» и плюс сто на всякий случай). Как это было сделано технически, я не знаю, но подозреваю, что конструкторские бюро военной промышленности СССР могли бы даже сконструировать и машину времени из элементной базы шестидесятых годов, если бы перед ними поставили такую задачу.

– Так, Хафизыч, – сказал командир механику, – демонтируй своими орлами камеру из носа и телевизор. Соберите схему их подключения из проводов, которые вы спиздите на базе.

– Тащ командир, минёр виноват – минёр пусть и демонтирует камеру! Там ебатни на полдня – она в такой жопе стоит!

– Хафизыч, ну ты дурак? Минёр же и камеру утопит, и подводную лодку сломает!

Минёр, обиженно надув губы, смотрит на флагманского минёра, тот, обиженно надув губы, смотрит на командира дивизии.

– Ещё и хуй себе сломает, с него станется! – защищает командир дивизии минёров.

На береговой базе специальная группа спиздила бухту кабеля и трос. В это время вторая группа соорудила лебёдку на пирсе. Из чего соорудила и как – не спрашивайте, мне нечего вам ответить, а расхожая фраза «из говна и палок» здесь не подойдёт потому, что палок там у нас особо и не было. Потом тяжёлый атомный подводный крейсер стратегического назначения, не включая основных двигателей, а используя только хитрую систему натяжения швартовых концов на шпиглы (специальные устройства для натяжки швартовых) и чуть-чуть системы активного управления, изящно и тихо отъехал назад на пятьдесят метров под аплодисменты соседних экипажей, и началась основная операция.

Штурмана мелом нарисовали на пирсе квадраты и сектора обзора для операторов камеры и магнита, старпом расписал смены, и началось. Если вы никогда не видели дна Баренцева моря, то вы вряд ли представляете, что там творится на самом деле, особенно в пунктах базирования. Это мало похоже на то, что вы видели в кино про Немо и документальных фильмах Кусто, а больше всего похоже на съёмки Кэмерона на «Титанике». Абсолютная темнота, осклизлые скалы и камчатские крабы размером с маленького телёночка, которые хватают всё, что движется, и ебут или суют себе в пасти. Кроме того, дно пунктов базирования покрыто

¹⁴ ЗИП – запасные изделия и приборы.

многометровым слоем списанного ЗИПа и расходных материалов, не считая того, что туда уронили нечаянно.

Первой нашли трубу старпома.

– Сей Саныч! – кричит первый вахтенный на тросах. – Трубу вашу будем доставать?

– Конечно, доставай! Я тебе её в жопу засуну, а то пиздишь до хуя, как будто ты моя жена, а не подчинённый! Учитесь, сынки, старпом даже проебать умеет так, что сразу всё находится!

Автомат искали почти сутки. Вы же понимаете, что никаких там джойстиков и рычажков, как в кино, не было? Система тросов и блоков, плюс руки и глаза подводных витязей! Да и автомат завалился магазином вверх между какими-то кассетами так, что не сильно его и заметишь. Автомат вытащили, высушили, протёрли чем могли и водрузили обратно в оружейную пирамиду. Матроса Кузнецова морально унизили до невозможности, но простили. Минёра унизили просто так, потому что он минёр и за компанию.

С тех пор я уверен, что нет задач, которые невозможно решить, если у тебя есть группа единомышленников, четкая цель и желание защитить друг друга. А вы как думаете?

Сука

Когда сука появилась на нашем пирсе, она уже была беременной. Грустные глаза и набухшие соски однозначно в ней это выдавали. Откуда она взялась и зачем пришла на наш пирс, абсолютно непонятно, но матросы наши влюбились в неё с первого взгляда.

Сейчас я вам расскажу в двух словах о матросах на атомных подводных лодках, чтоб вам стала понятна их душевная привязанность к собаке.

Когда матрос попадал служить на атомную подводную лодку, то он оказывался практически в тюрьме за то, что, видимо, очень сильно задолжал где-то Родине. Три года он жил, видя только членов экипажа, у него не было увольнительных (некуда было идти), у него не было отпусков (дорого было отпускать), и у него не было никаких развлечений, от слова «абсолютно». Жили они на лодках, так как в береговых казармах не было воды, тепла, окон и мебели, а питались на береговом камбузе. Каждое утро в семь часов матросы строились и шли на береговой камбуз, чтоб съесть яйцо, кусок хлеба, листик масла, кружочек колбасы и запить всё это спитым чаем. Ещё давали какую-то субстанцию в тарелках, но её даже свиньи есть отказывались. А потом, вот так сытно позавтракав, матрос бежал на подъём флага обратно на свой корабль. Я вам говорил, кстати, что от корабля до камбуза было три километра? Ну и, понятное дело, так же матрос ходил на обед и на ужин. Круглый год, независимо от погоды. Как их кормил воровской клан, по ошибке называемый у нас береговой базой, и как мы боролись с их воровством (били даже пару раз) – это отдельная история.

Поэтому, конечно, пришедшая на пирс беременная сука стала для матросов наших смыслом жизни в буквальном понимании этого термина. Они устроили ей лежанку, отодвинув секцию кабель-трасс, выуживали из своих тарелок все жилы и кости, складывали в пакет и кормили суку строго три раза в день.

Сука была довольно крупной, овчарочной породы, очень быстро выучила сто с лишним человек нашего экипажа и всем приветливо махала хвостом. На остальных сука рычала и пыталась охранять нас от них. Из дивизии все об этом знали и, собираясь к нам на борт, обычно просто звонили и просили их встретить. Но однажды к нам с неожиданной проверкой нагрянул связист из флотилии. Что ему тогда стукнуло в голову, что он на служебной машине пропылил тридцать километров, науке неизвестно. Верхний вахтенный, которому не положено отходить от трапа, кричал ему, чтоб тот остановился и подождал, пока его встретят, но куда там. Это ж целый капитан второго ранга из штаба флотилии, ёпт: «Сдайся, враг, замри и ляг!» Естественно, сука порвала ему форменные штаны с любовно наведёнными женой стрелками.

С завидной для военно-морского флота оперативностью на корабль пришёл приказ на следующий день, что специальный человек придёт сегодня собаку отстреливать за дорогие казённые брюки.

Мы сбегали к береговым химикам на СРБ¹⁵, договорились, что они приютят у себя суку на какое-то время, матросам нашим поручили соорудить ей там будку и познакомить с местным населением. Превентивный удар называется. Но матросов согнали всех на уборку территории, и сделать они этого не успели. Вечером звонит мне верхний вахтенный и со слезами в голосе докладывает, что по пирсу идёт человек с ружьём, но не Владимир Ильич. Приказываю ему человека задержать. Беру с собой для солидности Борисыча и поднимаемся наверх. Идём к этому задержанному прапорщику и, войдя в образы Харли Дэвидсона и Ковбоя Мальборо, закуриваем ему в лицо. Прапорщик что-то нам рассказывает, машет руками и хмурит брови. Мы, демонстративно его не замечая, обсуждаем особенности противоторпедного манёвра после ракетного старта. Неожиданно говорю мужику:

---

¹⁵ СРБ – служба радиационной безопасности.

– Мужик, знаешь, почему я курю? Я всегда курю перед тем, как человека застрелить. Вот сейчас докурю и застрелю тебя, если ты не успеешь убежать.

– Как это так?! – возмущается мужик.

– Ну так это так, – говорю, – вот я, например, дежурный по стратегическому ядерному объекту и прямо сейчас несу ответственность за его сохранность перед своей многонациональной Родиной. А у тебя, мужик, есть пропуск на стратегический ядерный объект? Если нет, то ты – нарушитель.

– У меня есть пропуск в дивизию!

– Дивизия, мужик, находится по курсу зюйд-зюйд-вест в полутора милях отсюда. Ты заблудился?

– Вас должны были с приказом ознакомить!

– Ни хуя не знакомили.

Вру, конечно, расписался за него в обед, но тут же на весах жизнь против пяти минут ора на меня.

– Ну товарищи! – возмущается мужик.

– Какие мы тебе товарищи? – вступает Борисыч. – Мы офицеры военно-морского флота при исполнении служебных обязанностей. Нам товарищи сейчас – корабельный устав и должностные инструкции. Мужик, ты видишь, что тут везде висят знаки радиационной безопасности? Где, блядь, твой дозиметр, мужик? Ты видишь КДП¹⁶ на корне пирса? Почему ты не получил дозиметр? Ты, мужик, нарушил все законы Вселенной появлением на нашем пирсе! И поэтому, когда он тебя застрелит, я труп твой пну ещё пару раз, чтоб остальным неповадно было.

Мужик убежал, конечно, грозя нам издалека всяческими карами. Матросы тут же утащили суку на СРБ и всю ночь там её устраивали.

Утром приходит командир.

– Эдуард, что за хуйня у вас опять?

– В смысле, тащ командир?

– Блядь, Эдуард, ну не хлопай в мою сторону своими карими глазками, ну я ж не тёлка тебе половозрелая, на меня это не производит ровным счётом никакого впечатления. Ты вот знаешь, Финист мой ясный, что со мной в штабе сейчас делали?

– Никак нет, тащ командир!

– А меня в штабе, Эдуард, с утра отъебали уже за то, что вы вчера с хохлом этим усатым прапорщика из штаба флотилии до сердечного приступа чуть не довели. И спрашивали меня, Эдуард, ознакомил ли я тебя с приказом об отстреле собаки. А спрашивали затем, Эдуард, чтоб и тебя тоже отъебать за своенравность твою и спесивый нрав. И знаешь, что я им сказал, Эдуард? А я им сказал, что это я, маразматик старый, забыл до тебя приказ довести, а ты весь яхонтовый и примерный офицер, знаков отличия на тебе уже вешать некуда!

– Спасибо, Сан Сеич, – говорю, – буду должен!

– Хуёлжен! Суку-то спрятали хоть?

– Так точно, унесли на СРБ и там пристроили.

– Всю ночь не спали небось?

– Не спали.

– Ладно, матросы тогда пусть спят, но не ты, сука. Ты бди во все свои глаза, понял?

– Понял, чё непонятного-то. Всё как обычно.

– И не хами мне тут, – кричит командир уже из соседнего отсека. – Я спинным мозгом всё слышу!

---

¹⁶ КДП – контрольно-дозиметрический пост.

Потом ко мне матросы делегацию из двух человек прислали. Делегация мне кланялась и пыталась целовать руки.

– Вы знаете, бакланы, что со мной командир с утра делал?

– Никак нет, тащ капитан!

– Он меня отъебал с утра за вашу бакланскую нерасторопность. Без предварительных ласк. И называл всякими непотребными эпитетами. И спрашивал меня командир, а не вы ли, бакланы, виноваты в этой ситуации. А я ему сказал, что вы не виноваты, что я виноват, потому что замечтался о жизни своей после демобилизации из рядов ВМФ!

– Спасибо, тащ капитан! – отвечает мне делегация. – Уж мы-то за вас!

– Ой, бля, – говорю, – идите спать уже, завасники нашлись тут! И не хамить мне там – я вас спинным мозгом слышу!

Ну вы поняли, в общем, как на флоте работает понятие «суровое братство морское» в нормальных коллективах.

Мичман Тоня

Несмотря на то, что этот рассказ, как и многие другие, пропитан чувством глубокой любви и уважения к женщинам, я не советую читать его феминисткам и упоротым моралистам. Мне-то всё равно, а у вас вдруг пищеварение испортится или на нервной почве волосы выпадать начнут. Короче, я предупредил, если что.

Тоня служила в отделе кадров дивизии и занималась личными делами офицеров. Тоня была, пожалуй, самой вредной, склочной и неприятной бабой, которую я встречал за всю свою жизнь. При этом любвеобильность её зашкаливала до высот, на которых ей начинал завидовать даже Эверест.

После каждого второго мужа она теряла паспорт и снова становилась девственницей, а потом, после свадьбы, приезжали дети от мамы из Саратова. На момент описываемых событий Тоня имела троих детей от шести разных мужей и была снова свободной наядой в активном поиске. Работу свою она делала отвратительно, в личных делах постоянно терялись документы, все нужные представления и документы проще было сделать самому, чем ждать, пока она соизволит спуститься с небес на работу. На Тоню постоянно жаловались, но командиры дивизии жалели её троих детей и мер по приведению Тони в горизонт не принимали – просили войти в положение одинокой женщины. «Нучтовамсамимсложносделать» и потерпеть.

И, естественно, как и любое человеческое существо на этой планете, от чувства собственной неприкасаемости Тоня в итоге охуела совсем. Я старательно избегал этот параллелограмм женского рода (полтора метра во всех трёх измерениях) как мог, но в итоге таки стал для неё личным врагом. Я вообще человек неконфликтный и всегда предпочитаю послать человека на хуй, а не заниматься с ним моральным противостоянием, так как считаю, что людей на земле много, а я-то один.

Тоня как-то прибежала ко мне, когда я стоял помощником дежурного по дивизии, чтоб, значит, озаботить меня своей работой.

– Здравствуй! – пропищала Тоня, протиснувшись в рубку.

А голос у Тони был такой писклявый и противный, что, когда она просто говорила «здравствуйте», уже хотелось взять и уебать её с ноги. А тут она ещё мне тыкает, а я так-то в четыре раза старше её по званию.

– Здравия желаю, товарищ мичман, – отвечаю ей нарочито строго.

– Слушай...

– Слушайте.

– ...Слушайте, тебе...

– Вам.

– Вам тут звание досрочно присвоил министр обороны. Надо теперь, чтоб вы написали представление на себя на досрочное присвоение воинского звания!

Я смотрю на свои плечи, на которых уже красуются новенькие погоны капитана минус лейтенанта, вручённые мне недавно Виктором Степановичем, и отвечаю:

– Было бы удивительно, товарищ мичман, если бы министр обороны выполнял вашу работу, я считаю. Чуть менее удивительно, но тем не менее странно выглядело бы, если бы её стал делать я. Приказ министра обороны у меня на руках, погоны на плечах и в удостоверение личности внесена запись, так что ни одной причины не нахожу для того, чтобы ущемлять в правах свои должностные обязанности.

– Да что ты себе позволяешь, капитан! – начала визжать покрасневшими щеками Тоня.

Щёки ее составляли восемьдесят процентов от лица.

– Товарищ мичман! – рявкнул на неё я. – Объявляю вам два наряда вне очереди за неуставное обращение к старшему по воинскому званию! Доложите об этом своему непосредственному начальнику и немедленно покиньте дежурное помещение!

Тоня аж присела от неожиданности. Вот я спокойно сижу, а вот я ору на неё из-под козырька фуражки. Умею изобразить, да. Она выскочила из дежурки и поскакала наверх своей жопой шестьдесят восьмого размера, наверняка жаловаться или начальнику штаба, или комдиву. Пф-ф, тоже мне – напугала ежа. Беру чистый лист бумаги формата А4 и начинаю писать рапорт на имя командира дивизии за ненадлежащее отношение к офицеру военно-морского флота, тем более при исполнении им служебных обязанностей.

Через пятнадцать минут прибежал начальник штаба дивизии, я как раз уже лист на другую сторону переворачивал, так увлёкся описанием нанесённых мне тяжких моральных травм и их возможным влиянием на безаварийное плавание крейсера.

– Эдуард! Ну нахуй ты её ко мне послал? У меня от её визга возникает непреодолимое желание стакан шила залупидонить немедленно! Чем тут ты её обидел, цветок этот наш, блядь, экзотический?

– Вот, тащ капитан первого ранга, буквально пару строчек осталось дописать.

– Ну, дай посмотрю!

Читает мой рапорт. Хихикает.

– Ну, ты написал, прям принцесса с тонкой душевной организацией, а не трюмный упырь! Короче, скажи мне как офицер офицеру: будешь делать на себя представление?!

– Принципиально не буду. Объяснить вам про ППО¹⁷, ППР¹⁸, береговые наряды у моих мичманов, выход в море через неделю и эту пизду охувешую?

– Да не, не надо. Ладно, закачу стакан для смелости и заставлю её. Но ты же понимаешь, что ты для неё сейчас будешь как Маринеско для Гитлера?

– Спасибо за столь лестное сравнение, тащ капитан первого ранга! Посчитаю это одним из высших достижений своей военной карьеры!

Но речь, в общем-то, не о том пойдёт, а об одной многоходовой операции по привлечению Тони к исполнению своих должностных обязанностей с помощью хитрости, коварства и секса.

Когда мы пришли из автономки, то, естественно, с нас попросили список людей на награждение. Командир, логично рассудив, что на подводной лодке не бывает неравенства в героизме и медальки всякие никаких предпочтений абсолютно не дают, подал список экипажа. Ему ответили из вышестоящих штабов, что мы там охуели, и дали квоту на тридцать человек из ста восьмидесяти. Собрали мы по этому поводу офицерское собрание и решили от наград отказаться: или всем, или никому. Потом старпом собрал нас отдельно по секрету от командира и рассказал, что есть шанс, что ему дадут Героя России, если, конечно, мы отменим свой демарш. Конечно, мы отменим, это же наш любимый командир! В общем, решением офицеров и мичманов выделили тридцать семь человек и подали список ещё раз. Ну и, наверное, через недельку после этого стою я дежурным по кораблю, сижу со старпомом в центральном и что-то там помогаю ему заполнять.

Приходит грустный командир.

– Слышь, Серёга, – говорит он старпому, – этот ангел из кадровой службы слишком занят хуй знает чем, чтоб представления на нас сочинять. Настойчиво предлагает нам самим этим заняться!

– Сан Сеич, надо выебать её силами штаба дивизии и заставить работать. Ну совсем уже наглость потеряла!

---

¹⁷ ППО – планово-предупредительный осмотр.

¹⁸ ППР – планово-предупредительный ремонт.

– Прошу разрешения! – это в центральный пришёл старлей Паша (молодой, холостой, красивый и с усами).

Паша пришёл ко мне что-то там откорректировать в своих контрольных листах. Я сижу боком к командиру со старпомом, Паша стоит к ним спиной. Командир смотрит на Пашу, потом на старпома, показывает пальцем в Пашину спину и многозначительно поднимает палец вверх, делая вот так бровями. А про Пашину любовь и абсолютное обожание женского пола в сексуальном плане можно рассказывать двое суток не закрывая рта.

– Вы, тащ командир, имеете в виду то, о чём я сейчас подумал?

– Ну. А чё, она первая начала, а мы ей тактический финт в ответ!

– Паша-а! – кричит старпом в девятнадцатый, куда Паша уже выскочил. – Ну-ка дай реверс своим булкам!

– Слушай, Павлентий! – ласково говорит ему командир. – Ты гордишься службой в нашем многократно краснознамённом экипаже?

– Так точно, тащ командир! Говорите уже, что надо!

– А надо, Павлентий, от тебя помощь твоему экипажу! Готов?

– Конечно!

– Молодец! – радуется старпом. – Даже не спрашивает, что надо, а уже согласен! Тупой и решительный, всё как я люблю! Ладно, не обижайся на «решительного»!

– Короче, – берёт слово дальше командир, – надо, Паша, заставить мичмана Тоню из отдела кадров написать на наших орлов представления на награды в количестве тридцати семи штук!

– А как мне её заставить-то?

– Ну откуда мне знать, Паша? Грязный секс, лживые обещания и лесть... А может быть, просто нашатырь: как ты там обычно женщин очаровываешь, несмотря на то что у тебя трамплин для мандавошек под носом?

– Так-то женщинам нравится, – гордо выпячивает усы Паша.

– Фу, Павел, избавьте мою хрупкую конституцию от этих пошлостей! Короче, ты офицер, вот и прояви инициативу!

– Не, ну технически-то всё понятно. Тока у меня сейчас с финансами напряжёнка. А надо бы хоть бы на один букет цветов, ресторан и кино денег иметь, по моей методике.

– У старпома корабельная касса – бери оттуда! Тока не наглей и дорогих коньяков ей не покупай!

– Да не, тащ командир, я всё бюджетненько сделаю.

– Тогда собирайся и дуй к ней на пробный заход! Она сейчас там одна как раз в отделе кадров! Занесёшь какую-нибудь бумажку от меня, типа. Рубашку тока белую надень, для большего очарования!

– А у меня нет на борту, тащ командир!

– У меня есть, – говорит старпом, – для такого-то дела я тебе свою выдам.

Старпом у нас маленький совсем, а Паша кабан с меня ростом, тока потолще чуть, поэтому рукава рубашки ему по локоть и застёгиваются только четыре верхние пуговицы, да и то во-от с такенными дырами от одной до другой. Ну, ничего: дыры на груди мы замаскировали галстуком, а остальное – тужуркой. Старпом ещё одеколон свой предлагал, насилиу отбились. Хоть Тоня и сволочь редкостная, но человек же всё-таки, – за что её сразу старпомовским одеколоном глушить? Дети у нее, к тому же...

– Учитесь, сынки! – гордо сказал Паша на пирсе, докуривая. – Сейчас вам дядя Паша покажет, как надо работать над слабым полом!

И ушёл в штаб дивизии, стараясь не дышать, чтоб пуговицы на рубашке не полопались.

Паша вернулся часа через полтора, как раз тогда, когда степень волнения старпома дошла до высылки за ним штурмовой группы в штаб дивизии.

– Да, Сей Саныч, – говорю ему, – что вы волнуетесь... Может, там представления уже печатают!

– Что, думаешь, вот так вот прямо всё там так круто у него с этим вот делом?

– Да откудова мне-то знать? А, вон он идёт!

Мы сидели на рубке, я курил, а старпом просто сидел, хотя он даже когда сидел, то казалось, что он куда-то бежит, такой бешеной энергетикой человечине.

– Давай-давай там быстрее, чё телишься?! – кричал старпом Паше, который топал, оббивая снег из «Прилива», так у нас называлось это утолщение в основании рубки по-научному.

– Ну, чё там, давай докладывай!

– Ну чё, на цветах вам сэкономил. В кафешку сегодня идём, но цветы уже не нужны.

– А как ты так сберёг нашу кассу?

– Ну, она полезла наверх, а я стремяночку подтолкнул незаметно, а потом её на руки поймал. Всё, считайте, готов клиент!

– Тоню? Поймал? Паша, ну ты дурак, а если бы не удержал?

– И не таких удерживал! А если бы не удержал, значит, нам бы новую прислали, и вопрос как бы автоматически был решён.

– «Автоматически»... Слышь, а это что, губная помада, что ли, на воротнике моей рубашки? Паша, ты дурак! А что я жене скажу?

– Ну, скажите, что я поставил.

– Я скажу жене, что на моей рубашке поставил след от губной помады Паша? Ну, ты точно дурак!

– Ну, не знаю, без рубашки домой идите!

– В тужурке на голое тело? Галстук-то надевать на шею или так сойдёт?

– Ничего не знаю! Мне поставлена задача – я её выполняю! Решительно, смело, применяя флотскую смекалку и не обращая внимания на жертвы среди гражданского населения. Всё как учили! Лес рубят – рубашки летят!

А мы тогда всем экипажем копили на «Виндоус 95» – новую революционную операционную систему. Как раз недавно купили себе четырёста восемьдесят шестой: дос плюс Волков командер плюс Лексикон (чуть не заплакал вот сейчас от умиления), и помощник решил, что нам срочно нужен Виндоус. Он долго объяснял старпому, для чего:

– Мы же купили компьютер?

– Купили.

– Он же работает?

– Работает.

– Зачем нам Виндоус твой?

– Нужен.

– Для чего?

– Ну, чтоб на компьютере работать.

– Так он же и так работает! Быстрее будет работать?

– Нет.

– А что тогда?

– По-другому!

«По-другому ходим мы, по краю ходим мы...» – обычно начинал напевать старпом в этом месте и убегал от помощника. Помощник выжидал какое-то время, и этот диалог повторялся практически слово в слово. В итоге старпом сдался и завёл ещё одну графу в тетрадке: «Виндоус 95. Прим. Хуйегознаетнахуйоннужен».

И вот, значит, с этой самой ненужной строки он и выдавал Паше деньги, пока Билл Гейтс кусал себе локти от волнения, потому что экипаж ТК-20 так и не купил его операционную систему.

А Паша исправно отчитывался старпому обо всех тратах и даже иногда приносил старпому отчётный материал.

– Что это?

– Билеты в кино. Операция «Тоня».

– А чего их пять?

– Ну дык дети же!

– А детей-то ты чего водил?

– Ну а куда я их дену? В поле пастись выпущу?

– Логично. Как там всё продвигается?

– Завтра приступаю к финальной стадии операции!

Это был третий день со дня «икс». А на четвёртый день ни Тоня, ни Паша не вышли на службу. Тоня позвонила и сказала больно, а Паша, имея карт-бланш на спецоперацию, просто не появился.

– Эх, – потирал руки старпом, – думаю, представления там строчат сидят!

– Да зная Пашу, – отвечал я ему, – он-то наверняка сейчас строчит, но совсем не представления и не совсем строчит.

– Эх, Эдуард, не веришь ты в хорошее!

– Отчего же не верю? Верю, конечно, Сей Саныч, до всех глубин своей глубокой флотской души. И до сих пор, кстати, не могу избавиться от этой вредной во всех отношениях привычки.

– Ну-ну, чё там? – пытал старпом Пашу на следующий день. – Чё было-то?

– Ну-у-у, раз на кухне было, раз в ванной...

– Фу, фу, фу! Я ж тока пообедал! Что с заданием-то партийным?

– Сей Саныч, ну она же женщина, а не человек! К ней же подход нужен!

– Подход нужен к решению боевых задач! А к женщине нужны напор и ласка! Будешь тут учить меня, перхоть! Денег больше не дам! Подходи уже быстрее!!!

Потом Тоня начала носить ему пирожки на вахту. Стояли такие на пирсе и что-то там курлыкали.

– Вот жеж, оно как, – удивлялся я в форточку на рубке.

– И не говори, друх! – поддерживал меня Борисыч из соседней. – Пирожки же стынут на морозе!

Мы бежали с Борисычем вниз, и я звонил верхнему вахтенному, чтоб срочно Пашу на отработку вахты вниз спускал, блядь!

– Что за отработка, Эд? Шесть часов же ещё! – удивлялся Паша.

– Специальная! – отвечал ему Борисыч, разливая чай по стаканам. – По пирожкам! Доставай уже, не томи!

Пирожки, надо сказать, были очень даже ничего, мы даже не отравились ни разу. Какая-то бумажка выпала из пакета с ними, ну я её в журнал сунул. А ночью командир журналы подписывал и бумажку эту нашёл.

– Что это у тебя?

– Не знаю, – говорю.

Командир разворачивает бумажку, а там сердце красного цвета и внутри написано «Тоня плюс Паша».

– Ах, ты ж, йоп твою мать! Вызывай его срочно!

Приходит заспанный Паша.

– Павел! – строго спрашивает командир. – Што это за хуйня!

И машет у него перед носом открыткой.

– Открытка, – говорит Паша.

– Нет, Павел! Это – не открытка! Это, Павел, прямая угроза твоему существованию как личности! Беги, Павел, немедленно! Хрен с ними, с этими представлениями! Мне твоя молодая жизнь дороже, я же потом себя до конца жизни простить не смогу!

– Да всё нормально, тащ командир, у меня всё под контролем!

– Павел, если бы мне каждый мой знакомый, который говорил, что у него всё под контролем, а потом женился, выдавал по рублю, то я давно уже купил бы себе эту подводную лодку! Женщины, Павел, это тебе не баллистические ракеты! От них в бункере не спрячешься!

– Да я же знаю в женщинах толк, тащ командир! – гордо оттопыривает губы Паша.

– Мой йунный друх! – хлопает командир Пашу по спине. – Если ты их ебёшь, то это не значит, что ты их контролируешь! Запомни эту житейскую мудрость! И, вообще, в этом деле никогда не поймёшь, кто кого, на самом деле, ебёт!

Ну и, конечно же, все Пашу подъёбывали просто в перманентном режиме.

– Василич!! – кричит, например, Паша своему турбинистическому мичману. – Пошли в четырнадцатый шихту¹⁹ грузить!!!

– Не, Паша, я с тобой в трюм не полезу!

– Чё эта?

– А я не верю, что у тебя на Тоню как на женщину стоит! Значит, стоит как на мичмана, а я же тоже мичман и поэтому боюсь с тобой в полутёмный трюм лезть!

Ну и так далее. Недели через две мы передали корабль другому экипажу на два месяца, чтоб они сдали какую-то задачу и не вылетели из «линии», а сами переселились в казарму.

А казарма восемнадцатой дивизии первой флотилии Северного флота ВМФ РФ атомных подводных крейсеров самого что ни на есть стратегического назначения представляла собой краткую, но наглядную картину развала эсэсэсэра: её отгрохали из белого кирпича в девять этажей, проложили в ней трубы и даже почти везде поставили окна и двери. А потом этот самый СССР развалился, и финансирование строительства резко закончилось.

– Ай, ну нормальная казарма, чё! – решило флотское начальство, подписало все документы и разрешило в ней жить экипажам. Наверняка для того, чтоб служба на берегу прививала любовь к морю с невыносимым свербением везде, и даже в чреслах.

В казарме не было отопления, не было воды, везде валялись какие-то электрические времянки, в автоматах вместо предохранителей торчали гвозди, и дыры в окнах были забиты матрасами. Дежурный по части сутки ходил в шинели (с клеточками от панцирной койки на спине), шапке и рукавицах.

– Так! – сказал командир на одном из первых построений. – Мы не можем ждать милостей от природы в лице Паши, и поэтому у меня вопрос не в бровь, а в глаз. Кто умеет нормально печатать на печатной машинке?

– Эдуард нормально хуярит! – докладывает Антоныч.

Я смотрю на Антоныча, как лань на охотника, а Борисыч шепчет ему: «Ну ты и подстава, Антоныч!» – «Зато медаль быстрее получу!» – так же шёпотом огрызается ему Антоныч.

Нам с ещё одним офицером выделили отдельную комнату, в которой были все окна, поставили стол, стул и обогреватель из двухметровых тэнов, но от него очень быстро начинала болеть голова и туманился мозг, поэтому мы его выкинули. У вас когда-нибудь обветривались руки в помещении? У меня – да. Сидишь, как монах-схимник, укутанный в шинель, и синими пальцами синих ладоней долбишь на машинке:

«Мичман Иванов в сложной обстановке, приближенной к боевой, менял фильтр на испарителе, заткнув своим телом отверстие для его вставления. И своей мужественной военно-морской грудью не давал забортному давлению в сто двадцать атмосфер проникнуть в подводную лодку и сорвать выполнение боевой задачи! И поэтому мы просим и даже требуем выдать ему

¹⁹ Шихта – сорбирующее вещество для испарительных установок.

медаль имени Ушакова, чтоб каждая прохожая собака в его родном городе Черновцы знала, какая же это всё-таки героическая личность, а не штабной дрищ!» Хотя у штабных наград больше было, и подводники всегда безошибочно угадывались в любом сборище военных по малому количеству наград на груди.

Правда, на командира Тоня напечатала представление лично. Командир дивизии тогда искренне хотел, чтоб нашему командиру дали Героя России, и сам даже отказался от претензий на это звание, хотя пол-автономки плавал с нами старшим на борту и технически имел на это право. Это благородный человек контр-адмирал Домнин Владимир Иванович (пусть земля ему будет пухом), я хочу, чтобы вы знали это имя, он этого заслуживает!

Но, похоже, что выше него никто этого не хотел, и звание Героя до командира не дошло, хотя представление Тоня напечатала от души. Когда нам его старпом читал перед строем, мы все плакали слезами восторга и хлопали в ладоши, а потом слегка подъяёвывали командира, то прося у него автограф в удостоверение личности, то обещая не мыть руку после того, как он её пожал. «Да ну вас, пидорасы!» – обычно отмахивался командир от жестов поклонения себе.

А служебный роман с Тоней поглощал Пашу всё больше и больше.

– Не, ну а что, – рассуждал Паша, – готовит она хорошо, дома всегда порядок. Вещи стирать не надо, опять же!

Командир крутил пальцем у виска и говорил:

– Надо же, до каких глубин морального упадка может привести офицера его нежелание самому себе стирать носки и гладить рубашку!

– Слушай, Эдуард, – как-то ночью сказал мне командир, когда мы с ним пили чай в рубке дежурного, – друга-то надо спасать твоего!

– Какова такова друга? – насторожился я, уж не Пашу ли он имеет в виду.

– Ну, Пашу же!

– Ой, Сан Сеич, да не очень-то мы с ним и друзья! Уж не до степени Тони-то точно!

– Не, ну делать-то что-то надо! Не могу я так просто же смотреть, как моему офицеру жизнь ломают.

– Дык... эта... тащ командир...

– Ну, не мнись уже – говори, блядь, что за жеманность в офицере!

– Она же к вам неровно дышит!

– А то я не знаю. Она как напьётся, вечно у меня на шее, как подвязка ордена Святой Анны, висит. Только тяжёлая и некрасивая. Но нет, Пашу я люблю, но не настолько.

Но план всё-таки был придуман коварным старпомом.

– Паша! – вызвал его как-то старпом в центральный, когда мы уже опять сидели на своём любимом парходике. – Собирайся! Повезёшь с Лёней матроса Курочкина в военную тюрьму в город Запендрюцинск, Хуйзнаеткакого района, Тьмутараканьей области!

– А чего я-то, а не комсомолец?

– Комсомолец заболел потому что!

– Кх, кх, кх!!! – удивлённо закашлял комсомолец, который вообще все эти движухи с поездками на перекладных в глубь России и матросом, прикованным к нему наручниками, любил и уважал.

Пока Паша отсутствовал, на соседнем борту был куплен за три килограмма спирта отчаянный мичман для Тони и, когда Паша вернулся из поездки, там уже дело к седьмой Таниной свадьбе шло. Не волнуйтесь – мичман потом соскочил, а Паша и так приехал счастливый и с засосами по всему телу – нашёл свою очередную судьбу из трёх возможных вариантов на весь Запендрюцинск (по рассказам интенданта Лёни).

– Тока зря три кило шила извёл! – сетовал потом старпом.

Старпом

В дремоту центрального поста свистнула пуля. Это старпом наш заскочил.

– Эдуард, а где моя шапка?

Мою тонкую душевную организацию откровенно обижают такие вопросы. Тем более я уже целый старший лейтенант, сдал все зачёты, сходил в автономку и стал незаменимым специалистом, то есть в подводной иерархии «равный среди равных». Поэтому я картинно обижаюсь:

– Сей Саныч, да гребу я, где ваша шапка? Я ж по подводной лодке дежурный, а не по вашей шапке.

Я, конечно, знаю, где его шапка. Мало того – я прямо сейчас её вижу. Она на затылке у него, а он её потерял и теперь не знает, как ему до штаба дойти. У военных же как: без трусов идти можно по улице, а без шапки – ни при каких условиях. Вот хоть бы бомбы атомные падают, но ты всё равно должен бежать в шапке, на ходу отдавая всем честь. Потому что как без шапки честь отдать можно? Я себе не представляю, а вы?

Старпом у нас умничка, конечно. Подводной лодкой управляет в надводном и подводном положении, знает наизусть МППСС и ещё восемьсот пятьдесят документов, необходимых для управления кораблём, но вот, например, машину научиться водить так и не может. Да. И шапка. Он всё время её теряет.

– Андрюха! – кричит старпом в открытую дверь штурманской рубки.

Выглядывает штурман Андрюха.

– Ты шапку мою не видел?

– Нет, – говорит Андрюха, – не видел, Сей Саныч.

Да, у нас любили издеваться друг над другом, невзирая на ранги, и оттачивали это искусство на любом подвернувшемся под руку предмете. Старпом почесал за ухом. Миллиметра! Миллиметра, отделяющего нас с Андрюхой от званий «педерасты», не хватило его пальцу до шапки. Но пронесло.

– Эд, а дай-ка мне свою шапку, я в ней сбегаю.

Ссылаться на корабельный устав, который запрещает мне находиться без шапки, пока я дежурный по кораблю, бесполезно. Любимую поговорку старпома, когда кто-то ссылается на вышестоящее начальство, я знаю: «У командира (комдива, комфлота, министра обороны, господ бога), конечно, хуй толще, но мой-то ближе». Поэтому выдаю железную отмазку:

– Сей Саныч, ну у вас же сорок восьмой размер шапки, а у меня шестьдесят второй – она же до плеч вам будет. Или вы, как принцесса в карете, в ней поедете до штаба?

Старпом у нас маленький и худенький. Прямо вот игрушечный. Но при этом абсолютно комфортно чувствует себя в этом размере, и шутить по этому поводу с ним можно не опасаясь. А энергии – как у голубого кита. Прямо непонятно, чем она там у него вырабатывается в таком крошечном организме. Слушаются старпома все абсолютно, даже командир иногда. Но так как он умный и своевольный, то в штабах его не любят и пытаются вечно загнать.

– Блять, как в штаб-то сходить? – грустит старпом.

В штаб идти ему явно не хочется, а тут ещё и шапка пропала, как назло.

В центральный входит командир:

– Серёга, ты же в штаб вроде собирался?

– Да вот, шапку где-то свою потерял.

Командир смотрит на старпома, смотрит на его шапку, смотрит на меня. Я краснею, как вестфальская девственница, и опускаю глаза в пол.

– Да вот твоя шапка, Серёга! – говорит командир и хлопает старпома по затылку, как бы надевая шапку. – У меня была!

Старпом смотрит на свою шапочку и на жбан командира (семьдесят четвёртый размер):

– А зачем она вам?

– Серёга, ты любознательный, как младенец прямо. Пиздуй уже в свой штаб, мне комдив эрегированный три раза уже звонил, изъявляя желание немедленно тебя поиметь. Так что беги, пока он без тебя не кончил.

Старпом убегает, стуча копытами по трапу над штурманской рубкой. Из рубки выплывает улыбка штурмана.

– Ну что, нашёл Саныч свою шапку?

Штурман видит командира и понимает, что зря он улыбается настолько широко. Командир смотрит на него, смотрит на меня.

– Ну пидорасы же, – вздыхает, – натуральные. Что с вас взять?

И уходит на соседний борт пить чай. Мы дремлем дальше.

Пятнадцатилетний капитан

Когда я пришёл служить в свой экипаж зелёным неотёсанным поленом, Игорь уже давно был капитан-лейтенантом. Он служил командиром группы в ракетной боевой части и заодно командиром шестого отсека. Когда я переводился в другой экипаж уже бывалым капитан-лейтенантом, Игорь по-прежнему был капитан-лейтенантом и командовал той же группой и тем же отсеком. Игоря звали «пятнадцатилетний капитан».

Игорь знал свою матчасть и отсек так, как не знали этого даже конструкторы. Он один из всей своей боевой части мог на глазок повернуть клапана, например, системы аварийной проливки ракетной шахты так, чтоб в системе было нужное давление и расход воды. Все соревнования по борьбе за живучесть его отсек выигрывал безоговорочно и всегда. Любой клапан в отсеке он находил в полной темноте и со сломанной рукой. Нет, ну руки-то ему никто не ломал, но скотчем одну к телу приматывали. У нашего механика такая методика была тренировок: сначала все отрабатываются в нормальных условиях; когда все всё выучили, в отсеке выключают свет; когда все опять всё выучили, тогда всем одну руку скотчем к телу приматывали, чтоб в темноте и с одной рукой всё мог делать. Эффективная методика, стоит признать.

При всём при этом Игорь был абсолютно невозмутим. Вывести из себя его было практически невозможно. Он очень любил кетчуп. Когда экипаж собирался в автономку, то все пёрли с собой сигареты, магнитофоны, телевизоры, а Игорь – коробку кетчупа.

В кают-компании он сидел наискосок от командира, и тот однажды, не выдержав ежедневной картины поливания всего толстым слоем кетчупа, спросил:

– Игорь, а если говно кетчупом полить, ты его тоже съешь?

– Только если шашлычным, – ответил Игорь. – От болгарского у меня изжога в последнее время.

Его карьерному росту мешал всего один незначительный фактор: он ненавидел проверки вышестоящих штабов до самых глубин своей флотской души.

Проверки штабом дивизии он просто игнорировал, а на проверках штабов от флотилии и выше всегда напивался в дрова.

Проверки штабом дивизии обычно у него проходили так: он сидел на боевом посту в своём отсеке и играл в шахматы со своим мичманом, а вокруг него в истерике бегал флагманский ракетчик, его недавний подчинённый:

– Игорь! Тебе надо пройти проверку перед выходом в море!

– Ты хуйню какую-то говоришь, Вася. Если бы мне надо было пройти проверку, то я бы её проходил, а не в шахматы тут играл.

– Игорь, ну где у тебя хотя бы тетрадь боевой подготовки группы?

– Не знаю, валяется где-то в каюте. Ну куда ты суёшь ферзя своего? Ну ты дебил? В жопу себе его лучше засунь, он там целее будет!

Флагманский убежал в каюту, рылся в документах и бежал обратно, возмущённо размахивая тетрадью:

– Игорь, ну она же прошлогодняя у тебя! Ну что, трудно было даты исправить?!

– Не пизди, я в прошлом году её тоже не заполнял.

– Это я её в прошлом году заполнял, – бурчит мичман, мусоля пальцами ферзя.

– Да? – искренне удивлялся Игорь. – А почему ты тогда в этом году её не заполнил?

– Потому что в прошлом году ты мне литр спирта за это пообещал, а в этом – нет.

– Какие же вы все скучные и меркантильные, – сокрушался Игорь и уходил пить чай.

А флагманский ракетчик, высунув язык, старательно стирал в его тетрадке все надписи «тысяча девятьсот девяносто пятый год» и писал «тысяча девятьсот девяносто шестой год». Торопился – ему же надо было успеть до конца проверки.

А когда приезжала проверка штабом флота, например, то начальник штаба, распределяя проверяющих по отсекам, спрашивал:

– Старпом, в шестом у вас как всегда?

– Так точно!

– Старпом, ну сколько можно! Ну сделайте уже с ним что-нибудь! Напоите его накануне проверки, чтоб спирт в глотку не лез! Рот ему скотчем заклейте!!

– Пробовали, тащ контр-адмирал. Ничего не помогает!

– А чем он это мотивирует?

– Стресс у него от проверок, тащ контр-адмирал!

– Блядь, ну как так, старпом? Он же уже больше меня на флоте служит! Ну какой у него стресс?!

– Не могу знать, тащ контр-адмирал. Я по образованию штурман, а не психолог.

– Хуёлог. Ну-ка, пошли, я счас тебе покажу, как надо.

Они всей делегацией шли к Игорю в каюту и тормошили там его бессознательное тело контр-адмиральскими руками.

– Товарищ капитан-лейтенант!!! – орал ему прямо в ухо начальник штаба флота. – Почему вы в таком виде на борту!!! Как вы посмели напиться!!!

– Я не нпился, – бормотал в ответ Игорь, и от перегара у контр-адмирала начинали тлеть брови. – Я прсто устал, кгда гтвился к прверке.

– Сука!!! – орал контр-адмирал. – Да я тебя!!! Да я тебе!!! Да я об тебя!!!!

Но на этом обычно фантазия и заканчивалась. Ну, куда можно сослать офицера с Северного флота, с атомной подводной лодки, из города с населением в десять тысяч человек? Чем ему можно угрожать, если ему зарплату и так три раза в год выдают?

А вообще у Игоря была светлая голова, и он всё время что-нибудь выдумывал. Одно время у нас ввели на флоте контрольные листы. Видимо, в штабе флота рассудили так: кто сейчас на кораблях служит? Ну, понятно же, что одни дебилы. Нормальные люди проститутками в Питере торгуют или наркотики из Казахстана возят, на худой конец. Свобода же, мать её, рыночных отношений! Любовь к Родине тогда была не в тренде абсолютно, поэтому о ней никто и не вспоминал. И вот, значит, рассудив так, решили флотоводцы, что все те инструкции и указания, которые они родили в муках военно-морского творчества, дебилы эти запомнить не могут, и поэтому надо им ввести ещё контрольные листы. Это такой лист электрокартона коричневого цвета, на котором в табличной форме записаны все действия, которые ты должен сделать по определённому сигналу. «Ветер-2», например, или «По местам стоять, корабль к бою и походу приготовить». Сделал – ставишь «выпы». Когда все «выпы» поставил, несёшь лист своему начальнику. Он, кроме того что ставит «выпы» в своём листе, считает листы своих подчинённых и так далее, по восходящей линии. Нововведение начальству понравилось и, как всё маразматичное на флоте, быстро прижилось, стало плодиться и размножаться. В итоге на проверках, кроме всех боевых и теоретических навыков экипажа, начали проверять ещё и наличие у каждого всех контрольных листов. А в конечном счёте у каждого командира отсека их должно было быть пятнадцать штук. Старпом накануне проверки собирал всех командиров отсеков в центральном и по очереди пересчитывал их контрольные листы.

– Первый, считай.

Первый считал вслух, старпом смотрел.

– Второй, считай.

И так далее.

– Шестой, считай.

– Раз, два, три... Шестнадцать.

– Как шестнадцать? Пятнадцать же всего должно быть?

– А я, Сей Саныч, заебался хуйнёй этой заниматься и придумал для неё апогей: контрольный лист по наличию контрольных листов!

– Игорь! – устало говорит старпом, вытирая пот со лба. – Ты, конечно, гений, и за это твоё изобретение кто-нибудь в штабе Звезду Героя может получить. Но если ты, блядь колхозная, его сейчас же не сожжёшь и не развеешь пепел в дельте реки Западная Лица, то я лично тебя, сука, придушу!!! Я когда несу на проверку эти ебучие листы своими коротенькими ручонками, они у меня от пояса и до подбородка стопкой лежат, а ты мне хочешь ещё тридцать штук добавить?!

– Всё понял, Сей Саныч, больше так не буду.

– И ни слова никому! Ни слова, слышите меня, бандерлоги?!

– Как же они заебали! – доносилось его эхо до центрального уже из седьмого отсека. – У меня от количества их бумаг уже хер скоро в каюту не всунуть будет, а не то что моё тщедушное тельце!!!

А ещё Игорь однажды чуть не стал виновником международного конфликта. Но это уже совсем другая история.

Международный скандал

К нам раз в год приезжали американские шпионы. Они маскировались под каких-то там военных, которые якобы должны были проверять выполнение Россией договора СНВ-1. Приезжали они к нам строго зимой в ноябре-декабре и получали, по их словам, восемьсот долларов командировочных в сутки за невыносимые условия для разумной жизни в условиях российского Заполярья. Для сравнения: за три месяца «командировки» за территориальными водами РФ я получил в те времена примерно двести пятьдесят долларов.

К их приезду, конечно же, готовились. Готовилась только ракетная боевая часть, потому что на корабль-то американцев не пускали, естественно, и выполнение договора они проверяли с плавкрана, к которому пришвартовывалась лодка и открывала одну из двадцати случайно выбранных ракетных шахт. Поэтому все двадцать крышек ракетных шахт заранее готовились: натирались до блеска кремальерные кольца и подкрашивались все неподкрашенные места. В декабре, подчёркиваю. В Заполярье.

Ну и вот, в очередной раз кто-то проебал, то есть забыл вовремя сообщить. И командир на утреннем построении объявляет:

– А к ракетной боевой части у нас послезавтра приезжают их друзья – американцы. Значит – что? Правильно – сход с корабля ракетной боевой части отменяю. Сон, еду и отдых тоже отменяю – чистите свои крышки. Всем спасибо, все свободны.

А ракетная боевая часть на корабле у нас, несмотря на всю ту ядерную мощь, которую содержала, была не самая большая. Да ещё и комплект всегда был. Поэтому человек двенадцать и чистили эти крышки в течение двух суток. Без перерывов практически. Всё время темно, всё время холодно, всё время скользко, и внизу вода дымится. Не, ну остальные им тоже помогали. Говорили: «Бог в помощь!» – и предлагали зайти к жёнам поцелуи передать.

К концу вторых суток всех мёртвых матросов уже снесли внутрь прочного корпуса для отогрева тел, мичманы пьяные валялись, кто где и как попало, а с последней семнадцатой шахтой заканчивали два офицера, Игорь и Олег. Доделав всю работу и осматривая придирчивым взглядом художника результаты своих трудов, Игорь неожиданно предложил Олегу:

– А ну-ка, подсади меня повыше, салага.

Вы, как гражданские лица, полные сомнений и домыслов, начали бы небось спрашивать «зачем» да «почему». Но Олег, как настоящий друг, делать этого не стал. Попросил товарищ подсадить – значит, надо подсадить.

Я в этот момент как раз вышел наверх отогреть их замёрзшие губы. Горячим чаем, а не то, что вы сейчас подумали. И наблюдаю такую картину: на голове у баллистической ракеты Р-39 (девятьюстами тонн, мощность пятьдесят Хиросим) стоит офицер Олег (высшее образование, отличник боевой и политической подготовки, ежегодно проходит медицинскую комиссию, включая психологическое тестирование), на плечах у него сидит офицер Игорь (высшее образование, отличник боевой и политической подготовки, ежегодно проходит медицинскую комиссию, включая психологическое тестирование). И этот Игорь, высунув от творческого экстаза язык, рисует на внутренней стороне крышки шахты хуй. Простите, конечно, я имел в виду, что рисует он изогнутый половой член с непропорционально большой головкой и воробьиными крылышками над яйцами.

А вы же сейчас не понимаете, на чём он рисует. В каждой ракетной шахте поддерживается постоянный микроклимат: там всегда одинаковая температура и влажность. Когда крышку открывают при морозе и влажности, на её внутренней стороне моментально выпадает влажный дисперсный конденсат. Перед закрытием его вытирают ветошью. Вот на нём и рисовал.

– Отойди, Олег на пару шагов, – говорит Игорь. – Я полюбуюсь.

Олег, рискуя поскользнуться и упасть, сломав себе всё, отходит с Игорем на плечах. Игорь любит.

– Ну как тебе, Эдуард? – спрашивает меня.

– Да Айвазовский сейчас от зависти ногти кусает в гробу, однозначно.

– Не, – Игорь недоволен. – Чего-то не хватает. Подойди-ка, Олег, обратно.

Олег подходит. Игорь по дуге над членом выводит корявыми буквами: «Yankee go home!!!»

– О, теперь всё. Спускай меня.

– Пятый! – кричит Игорь в «Лиственницу». – Закрывать крышку шахты номер семнадцать!

Шахта со скрипом начинает закрываться. Стоим, греем губы. Пьём чай, а не то, что вы сейчас подумали.

– А чего мы конденсат не вытерли? – спрашивает Олег.

– А нахуя мы тогда рисовали? – парирует Игорь.

Уходят спать.

Вечером приезжают американцы. Темно, метель, особисты в белых тулупах и валенках стоят через каждые десять метров, прожектора выхватывают фрагменты пейзажа, только овчарок не хватает для полноты картины. Всё, короче, как в хреновом американском кино про СССР, только наяву. Показывают они на нашу лодку, естественно, так как мы в боевом дежурстве стоим и боекомплект у нас загружен. Перешвартовываемся к крану, они залазят на кран и просят открыть им семнадцатую, например, шахту. То есть из двадцати возможных вариантов они выбирают именно верный. Под лучом прожектора крышка шахты медленно поднимается, открывая изумлённому взору всех картину пальцем на конденсате.

Как написал бы классик: «Повисло неловкое молчание». Но классика там не было, поэтому молчание повиснуть не успело, испуганное воплями командира дивизии:

– Тащ командир!!! Что это за безобразие у вас на борту творится!!! Вы что, блядь, международный скандал мне тут затеваете?! Начальник штаба, принести мне мой пистолет, я лично расстреляю того, кто это сделал! Немедленно!!! С особой жестокостью!!!

Американцы, конечно, хватают его за руки, мол, не надо расстреливать, что вы, мирное же время, и мы всё понимаем. Гуманисты, одним словом.

– Я разберусь!!! – орёт им комдив. – По всей строгости!!!

Верим, верим, кивают американцы и убираются восвояси.

Комдив с командиром спускаются в центральный.

– Вызови мне этих клоунов, Саша. Немедленно!

Вызывают Олега с Игорем. Те прибывают парой и стоят за спиной комдива, стесняясь неожиданного к себе внимания. А комдив с красным, как закатное солнце, лицом – как вскочит им навстречу.

Ну, всё, думаю, хана – сейчас бить будет.

– Товарищи офицеры! – орёт комдив в лица офицеров с невыносимой яростью. – От лица командования дивизии выражаю вам благодарность за защиту чести Отечества и проявленную смекалку! Командир! Занести благодарности в личные дела! У тебя сколько взысканий? – спрашивает у Игоря.

– Четыре, – гордо отвечает Игорь.

– Командир! Я приказываю снять все взыскания! У тебя сколько? – спрашивает у Олега.

– Одно.

– Как одно?! Ты что, служишь как попало, что ли? Как это, командир, у офицера всего одно взыскание? Ладно, снимай и ему тоже!

Потом достаёт из своего чемодана банку спирта:

– А это, ребята, от меня лично. От всей моей души.

Ребята, радостно похрюкивая, убегают в обнимку с вкусняшкой. Знаю, к кому сейчас пойду, после отбоя тревоги.

Сто девяносто мегаватт

Возможно, не все из вас имеют техническое образование, поэтому позволю себе небольшое вступление.

Ватт – единица измерения мощности. Мегаватт – это миллион ватт. На нашей подводной лодке было два водо-водяных реактора тепловой мощностью по 190 МВт каждый, на гребной вал они выдавали мощность по 50 000 лошадиных сил каждый. На гребных валах, кроме винтов, вращались ещё и генераторы, которые вырабатывали электроэнергию для всей лодки: свет, вентиляция, приборы, воздух, сауна, плиты на камбузе и компрессор в аквариуме с рыбками – всё питалось от них. Сколько стоит такое устройство и какова себестоимость вырабатываемой им энергии, даже не представляю, но в данном рассказе я буду сравнивать её с керосином.

Итого, если взять примерную мощность обычного мобильного телефона, то она будет равна одному ватту. То есть мощность наших реакторов была равна суммарно мощности примерно трёхсот восьмидесяти миллионов мобильных телефонов. Представили? Я постараюсь не употреблять в рассказе технических терминов и определений, но поверьте мне на слово: ядерный реактор – это сложное устройство. И ещё: ГЭУ – это главная энергетическая установка.

На дворе лето, на море солнце и гладь. Чайки все в посёлке по помойкам тусуются, поэтому ещё и тишина. Пятница, семь часов вечера. До отработки вахты ещё целый час, и поэтому мы с дежурным по ГЭУ Толиком (он же командир дивизиона движения, который отвечает за реакторы, турбины и тому подобные вещи) сидим на рубке без верхнего белья, пьём кофе и загораем. Солнце так шпарит, что даже лень разговаривать. Поэтому мы просто вздыхаем: Толик вздыхает об ускользящем летнем отпуске в Крыму, а я о новом видеомониторинге, который вот-вот смогу позволить себе купить.

– Слышь, Эдик, – прерывает мои мысли об «Акай 120 EDG» Толик. – Глянь, а это не командир там бредёт?

Глянул. Точно – он самый. Походка понурая и обречённая, как у самца богомола перед спариванием. Это плохо. Выплёскиваем кофе за борт и кто куда: Толик вниз, а я к трапу. Командир, как туча, выслушал доклад молча. Идём вниз: он сопит, я волнуюсь. В центральном нас ждёт улыбающийся Толик и трюмный мичман на вахтенном журнале. Командир садится в кресло, вздыхает, мы готовимся внимать.

– Эдуард, кто дежурный по ГЭУ? – спрашивает командир, глядя в стол.

– Я, тащ командир, – Толик, видимо, зря улыбался – командир его даже не заметил.

– Это хорошо, что ты, – вздыхает командир. – Начинай ввод ГЭУ обоих бортов.

Это значит – завести ядерные реакторы.

– Фактически?!

Сказать, что Толик сейчас удивлён, это как сказать, что Чехов – просто писатель.

Командир наконец отрывает глаза от стола и смотрит на Толика:

– Хуически, Толик! – Командир начинает краснеть. – А как ещё ты можешь ввести ГЭУ, Толик? Условно?! У меня, по-твоему, настолько хуево с личной жизнью, что я вечером в пятницу пришёл на корабль, чтоб просто подъебнуть тебя?

Ого, как много матерится. Командир у нас матерился редко. Старпом, тот был мастер, конечно, а командир – только в очень сильно расстроенных чувствах.

– Всё понял, Сан Сеич, – отрапортовал Толик и куда-то пошёл.

Куда он пошёл? Как он собирается вводить ГЭУ один на двух бортах? И главная-то интрига – зачем?! Если бы война, так сирены бы выли, все бы бегали и суетились, спасаясь от ядерных ударов. А ведь тишина кругом.

– Эдуард!

Так, моя очередь подошла. Ну, думаю: «Я из дивизиона живучести – что мне там: дифферентовку посчитать да балласт принять. Как два пальца об асфальт».

– Где книга оповещения?

Дело начинает принимать неожиданный оборот.

– Вот она, тащ командир, – говорю. – Лежит, жива и здорова.

Книга оповещения – это такой журнал, где записаны домашние адреса и телефоны всех членов. Экипажа, естественно.

– Одень на себя что-нибудь, бери книгу и дуй в дивизию. Там тебя ждут два «КамАЗа». Езжай в посёлок и собирай всех в любом состоянии и вези на борт. Чё стоишь?

– Тащ командир, – говорю, – так я же дежурный по кораблю, мне же запрещено покидать корабль. Кто тогда дежурным будет?

– Йа-а-абля!!! – командир вскакивает с кресла. – Я буду, блядь, стоять дежурным по кораблю!!! Мне можно вас сменить, Эдуард Анатольевич?!

– Можно, – говорю. – Сан Сергеевич, только оружие бы надо переписать.

– Ну что вы за люди, – воет командир, но знает, что я прав. Поэтому берёт журнал выдачи оружия и пишет в нём:

«Выдачу пистолета ПМ № 1342 и шестнадцати патронов к нему капитану 1-го ранга Богатырёву разрешаю».

И подписывает:

«Капитан 1-го ранга Богатырёв».

– Давай пистолет и вали уже, крючоктвор.

– А что случилось-то, тащ командир? – в центральный возвращается Толик с журналами ГЭУ. На атомных подводных лодках цепная реакция деления ядер урана не запускается без письменного разрешения командира.

Командир оглядывает нас с Толиком (трюмный мичман давно уже прячется в девятнадцатом отсеке) и понимает, что мы-то ни в чём не виноваты. Мягчает. Садится в своё кресло:

– Да, блядь, прилетает завтра в Североморск министр иностранных дел Козырев. И какой-то ушлёпок рассказал ему, что там же рядом стоят самые большие подводные лодки в мире. Он выразил желание на них посмотреть. Но! На всём. Ебучем. Краснознамённом Северном флоте. Не могут наскрести керосина на один ебучий вертолёт на ебучих сто километров!!! А на машине, блядь, его привезти не могут – это ж целых семьдесят четыре километра ехать надо! И поэтому мы, блядь, вводим в действие два ядерных реактора по сто девяносто мегаватт каждый, две паротурбинные установки в сто тысяч лошадиных сил и пиздуем к Козыреву своим ходом, будто это мы, педерасты тусклые, хотим на него посмотреть, а не он на нас! Эдуард, вот ты хочешь посмотреть на Козырева?!

– Нет, – говорю, – Сан Сеич, совсем не хочу. Вот если бы, например, Кайли Миноуг, то я бы тогда хоть бы и вёслами грёб до Североморска. А на Козыреве чего я не видел? Ни тебе сисек, ни тебе таланта – ну никакого удовольствия.

– Но это ещё не всё, – командир завис на секунду. – Мне командующий флотилией сказал, что лодка у нас слишком серая, чтоб её министру иностранных дел предъявлять, а не чёрная и блестящая, как в его представлении о подводных лодках...

– И поэтому мы никуда не пойдём, – нелогично предположил Толик.

– А вот хуй тебе, Толик, во всё твоё широко разинутое хлебало. Нам выделяют четыре машины с краской. И мы, блядь, единственный боевой экипаж в дивизии, будем нашу лодку что делать, Эдуард?

– Красить? – предположил я, имея в виду «да ну нах».

– Так точно, Эдуард, – обрадовался командир моей сообразительности. – Мы её сейчас ещё будем и красить. Поэтому не стой тут бесполезный, как хуй на свадьбе, а пиздуй бегом в дивизию и езжай в посёлок собирать экипаж. Вези всех в любом состоянии.

Ну, это я и так уже понял. Не понял только, как мы лодку длиной сто восемьдесят, шириной двадцать четыре и высотой пятнадцать метров в надводной части будем красить. Ну, как-то же будем наверняка.

Весь проникшийся ответственностью по самые брови, прибегаю в дивизию. «КамАЗы» стоят, водителей в них нет. Ну на одном грузовике я бы ещё как-то смог в посёлок уехать и, вероятно, даже никого при этом не задавить, но на двух? Даже несмотря на то, что я офицер военно-морского флота, я очень слабо себе представлял, как такое возможно. Бегу за разъяснениями к дежурному по дивизии – командиру соседнего корпуса.

– А-а-а! – говорит. – Здоров, бедолага. Тут сейчас весь штаб собирается, будут вас баграми от пирса отталкивать, чтоб вы быстрее свалили.

– Это, – отвечаю, – очень приятно слышать, что к нам такое повышенное внимание. Но где, простите, водители? Они мне сейчас очень нужны, потому что, несмотря на наш высочайший профессионализм, вряд ли мы сможем экипажем из пятнадцати человек догresti до Североморска.

– Как где? Я ж им сказал в кабинах сидеть и ждать тебя с прогретыми моторами!

– Нету ни одного из двух возможных вариантов.

– Ах, бакланы тухлые!

Дежурный по дивизии долго не думает – объявляет тревогу, ставит под ружьё роту охраны и велит им доставить сюда этих сраных шофёров с береговой базы живыми или мёртвыми, но главное, чтоб с целыми руками и ногами. Рота охраны рада стараться в войнушку поиграть: нашли их в близлежащих сопках, те сидели и на море любовались. Ну, попинали их для порядка, конечно, усадили в кабины, и мы на всех парах рванули в город Заозёрск.

На секундочку отвлечёмся и посмотрим на город Заозёрск. Город Заозёрск носит гордое звание столицы атомного подводного флота Заполярья. Периодически в борьбу за звание вступает Гаджиево, но – безуспешно. От Заозёрска до цивилизации восемьдесят километров – Мурманск. И до хорошей жизни сорок пять – Норвегия. Население его от девяти до одиннадцати тысяч человек. Из культурных мест в городе гостиница для приезжих и Дом офицеров, где раз в год показывают концерт самодеятельности. Вот угадайте, чем там занимаются подводники в свои законные выходные? Если вы думаете, что пьют водку, то вы глубоко ошибаетесь: они ходят друг к другу в гости и там пьют водку, а это две большие разницы. То есть вы помните – лето, пятница, вечер...

Ещё по дороге в город я составил план, как мне эффективнее произвести оповещение имеющимися в моём распоряжении силами. То есть мной. Первым на очереди стоит мой дом, в соседнем подъезде на пятом этаже живёт мой друг и наставник Борисыч, командир трюмной группы. Подъезжаем, залезаю на крышу какого-то магазина и ору зычным голосом:

– Барисы-ы-ыч!

Из окна выглядывает его жена Лариса:

– О, Эдик, заходи, чего ты там орёшь? У нас гости как раз.

– А кто в гостях-то?

– Да Валя, Дима, Олег. Все с жёнами – весело!

Вот это удачно я заехал. Управленец правого борта, начхим и турбинист левого борта – кучно.

– Зови, – говорю, – их всех!

Выглядывают. Довольные, раззадоренные предстоящим весельем. Видят меня на крыше магазина, видят два «КамАЗа». Борисыч, на всякий случай, уточняет:

– А ты же дежурным по кораблю сегодня стоишь?

– Дыа, – радостно улыбаюсь я.

– Сча идём

Спускаются. Из карманов водка торчит, в пакете оливье, на подносе – курица. Залазят в «КамАЗ».

– Там это, – говорю, – ввод ГЭУ уже Толик начал, так что вы с водкой того. Сами знаете.

– Да ладно?! А что случилось-то?

– Да в Североморск, – говорю, – идём. Там приезжает кто-то. Не то Сабрина, не то Саманта Фокс, не помню точно.

– Погружаться будем? – уточняет начхим.

– В Саманту Фокс?

– В море.

– Ну, сегодня точно не будем.

– Значит, мне можно, – резюмирует начхим, и они с Борисычем откупоривают бутылку. Валя и Олег грустно едят курицу на сухую.

В общем, собирали мы всех часа два, наверное. Кого в сопках на пикнике ловили, кого по друзьям-знакомым. Некоторые экземпляры уже и ходить-то, в общем, не могли.

Наскребли человек восемьдесят, наверное. Механиков почти всех собрали, двоих штурманов удалось отловить, связиста, ну и так всяких ракетчиков с радиотехническими. Кто в чём одет, естественно, когда на пирсе выгружались – ну точно военнопленных румын на принудительные работы привезли. Командир ходит по пирсу – встречает.

– Стройся, – говорит.

Потом посмотрел и уточнил:

– В кучу, в смысле, соберитесь в одну.

Собрались. Командир рассказал известную вам историю и подытожил:

– Механики – на ввод ГЭУ и приготовление к бою и походу. Кто пьян как скот – в тяпки отсыпаться, даю четыре часа. Остальные – переодеваемся в лохмотья и поднимаемся на ракетную палубу. Сейчас вам кисточки привезут. Айвазовские...

На борту уже штаб дивизии во главе с комдивом. Сидят в журналах и пишут, что на готовность к выходу в море нас проверили и выход разрешают. Кого они тут проверили? Как, сука, не страшно подписи свои ставить? Отчаянные люди.

– Прибыли две машины с краской! – бодро докладывает верхний вахтенный

– Как две? – удивляется командир. – Четыре же должно быть.

– Может, они их нагрузили побольше? – надеется комдив.

И вдвоём с командиром – контр-адмирал и капитан первого ранга бегут считать бидоны с краской. Возвращаются злые. Начинают звонить по всем телефонам и называть всех «пидорами» и прочими ругательными словами. Бесполезно, краски больше не будет. Думают. Уходят в штурманскую рубку, чокаются. Опять думают.

– Саша, – говорит комдив, – делаем так. Я сейчас звоню дежурному по Североморской базе, узнаю, куда вас будут швартовать и каким бортом. Тот борт и покрасите. Ну, ракетную палубу и полрубки ещё, само собой.

– Как это?

– Такэта, ёпт. Что ты предлагаешь? Может, гуталину тебе с береговых складов доставить и ты им корпус захуяришь?

– Не, – командир такого кошунства, как гуталин, над своей лодкой стерпеть не может. – Звоните.

Звонит. Семнадцатый пирс, говорят, правым бортом. Точно? Точнее не бывает, место под вас зарезервировано.

Представляете себе, как это – красить подводную лодку на плаву?

В общем, навязали жердей из нарубленных деревьев, поприматывали к ним валики, и началось. Сначала старались аккуратно: опрокидывали бидончик и валиками раскатывали, потом стало скучно, начали танцы на льду на краске устраивать. Ну, пока старпом не увидел.

В общем, докрашивали уже в Мотовском заливе на ходу. Под утро причухали в Североморск. Запрашиваем проводку.

Дают проводку. Говорят: «Семнадцатый пирс, левым бортом». Командир удивлённо моргает невыспавшимися глазами и просит повторить. Повторяют: «Левым бортом».

Командир смотрит на старпома, старпом на командира.

– Ну а что, Сан Сеич, – говорит старпом. – Как иначе-то могло быть.

И оба начинают ржать. Ржут заразительно, а мы не спим уже сутки, некоторые с похмелья, устали все и воняем чернью. Начинаем, в общем, ржать всем центральным постом. До слёз вот прямо. Ладно, командир вытирает слёзы и просит связистов связать его со штабом флота.

– Это бортовой номер такой-то, – говорит командир. – Прошу швартовку правым бортом.

– Отставить! – отвечает ему Северный флот в лице дежурного по нему. – Левым бортом!

Правым бортом к семнадцатому пришвартовали бортовой номер такой-то.

Связисты посмотрели по таблицам, говорят – эсминец «Отчаянный».

– Не имею возможности швартоваться левым бортом, прошу разрешения убыть в пункт базирования.

По голосу Северного флота было слышно, что он вскочил:

– Отставить пункт базирования! Назовите причину невозможности швартовки левым бортом!

Ох уж эти манерности в официальных флотских радиопереговорах.

– У меня только правый борт покрашен.

Северный флот на секундочку замолчал. Ну, он-то всё понимает, не с Луны же свалился.

– Есть, принял. Швартовка семнадцатый пирс правый борт.

Командир говорит связистам:

– Вы там послушайте, что сейчас в эфире твориться будет, расскажете потом.

Прибегает связист минут через пять, рассказывает диалог (Д – дежурный, К – командующий надводной эскадрой):

Д: «Бортовой номер такой-то. Перешвартовка 17-й пирс левый борт».

К: «Вы издеваетесь, мы только привязались!»

Д: «Повторяю. Перешвартовка 17-й пирс, левый борт».

К: «Да у меня солярки в обрез, я потом от пирса хер знает когда на своё место отойду!»

Д: «На вёслах погребёте. На правый борт встаёт подводная лодка».

Чтоб вы понимали, эсминец и подводная лодка – это классовые враги. Эсминцы предназначены как раз для поиска и уничтожения подводных лодок.

К: «Чтобля? Я из-за какой-то мухойки буду тут эсминцем целым маневрировать?!»

Д: «Приказ командующего флотом».

Дежурный явно врал, но, видимо, устал спорить.

Выруливаем из-за угла на рейд, чухаем к семнадцатому пирсу. Эсминец уже почти закончил перешвартовку и всем своим экипажем толпится на корме и, открыв рты, тарашится на нас. Эсминец – очень красивый корабль: он худой, поджарый и выглядит стремительным, даже когда стоит на месте.

Но, так уж получилось, что он меньше нас размером оказался. Ниже и худее тоже. И эти гордые своим предназначением моряки, забыв про свою тяжёлую и нелегкую профессию охотников, стоят и, тыча пальцами, смотрят на нашего чёрно-серого кабана.

Командир их эскадры бегаёт по кромке пирса и орёт в нашу сторону:

– Кто командир?!

Командир поднимает руку.

– Друг, прости, я тут погорячился в вашу сторону немного. Но теперь вижу, что рамсы попутал!

– Да мы привыкли уже, что все охуевают, когда нас первый раз видят, – кричит в ответ командир. – Пришвартуете?

– Говно вопрос!

На пирсе построилась швартовая команда эсминца. Вот за что люблю надводников – всегда они, бляха, красивые издалека: стоят строем в бескозырочках, в бушлатах, в жилетах оранжевых и ждут команды, задрав головы на наших. А наши грязные, в штанах с пузырями на коленях, в ватниках – у кого зелёные, у кого чёрные, жилеты эти рыжие тоже чёрные, слоняются по верхней палубе, нагло курят и цыкают зубом на своих менее удачливых собратьев.

Пришвартовались. Первый к нам прибежал командир надводников:

– Ребята, вы же под Козырева пришли?

– Под него самого, а вы чего тут?

– А мне, блядь, говорят бакланы эти тухлые: «А вы станьте рядышком, придёт Козырев на подводную лодку, а мы ему скажем: а ещё у нас эсминцы есть – вон как раз один, случайно, рядышком стоит!» Мы всю ночь большую приборку проводили – драили всё. На всякий случай. Но вам, я вижу, больше досталось, судя по оригинальной окраске. Издевается, сучье вымя.

– Нам, татарам, – говорит командир, – не привыкать: что водка, что пулемёт, лишь бы с ног валила.

– А можно моим на экскурсию к вам потом?

– Только потом, а то затопчете всё – чернь-то ещё не высохла.

Тревогу не снимаем, сидим все на боевых постах и ждём. Дело к обеду движется, а мы ещё и не ужинали. Естественно, продуктов у нас с собой нет, в город сбегать за лапшой не разрешают, поэтому занимаемся лечебным голоданием. Командир спит в центральном, прямо в своём кресле. Спускается какой-то капитан второго ранга. По роже сразу видно – замполит.

– Здравствуйте! – радостно он улыбается в наши хмурые затылки. – А где у вас командир?

Я показываю пальцем себе за спину. По штатному расписанию мой боевой пост – справа от командира, и я управляю общекорабельными системами с пульта «Молибден».

– Здравствуйте, тащ командир!

Командир в тулупе, и поэтому погон на нём не видно. Он что-то бормочет во сне.

– Я – заместитель начальника политотдела Северного флота капитан второго ранга Иванов! – гордо представляется замполит.

Командир открывает один глаз:

– А я. Командир. Ракетного подводного крейсера стратегического назначения. Капитан первого ранга Богатырёв.

– Товарищ капитан первого ранга! Мы вот тут с товарищами в штабе подумали...

В этом месте командир открывает оба глаза.

– ...что вот эта ваша рабочая одежда не очень красивая и вам стоит переодеться в нормальную военную форму, чтобы встречать министра!

Командир открыл рот. Закрыл. Опять открыл, набрал воздуха. Опять закрыл. Выдохнул.

– Нам не положено, – говорит.

– Что не положено? – удивляется замполит своими голубыми глазками.

– В нормальной военной форме на атомной подводной лодке находиться. Запрещено нам.

– Кем запрещено?

– НРБ²⁰ ПЛ.

– Ну, это заместитель командующего Северным флотом по воспитательной работе приказал!

– А НРБ ПЛ Главком ВМФ утвердил.

– А где ваш замполит?

²⁰ НРБ – наставление по радиационной безопасности.

– Хуй его знает, спит где-то. Вахтенный, проводи товарища к замполиту.

И так целый день – «то олень позвонит, то тюлень». Злые сидим, голодные, спать хочется.

Ближе к вечеру уже телефонограмма: «Едет. Готовность пять минут».

Ну, приехал. Привели его в центральный.

– А что это у вас, – говорит, – липкая какая-то лодка?

И подозрительно смотрит на дорогие подошвы своих дорогих туфель.

– А это специальное покрытие такое. Гидроакустические помехи гасит, – отвечает ему старпом полным бредом.

Но тому нравится – звучит-то красиво.

– Ой, а вы в тапочках на лодке ходите?

Ну а в чём нам на ней ходить? В валенках?

– А мне в ботинках-то можно?

Нет, блядь, разувайся и в носках пиздуй.

– Конечно-конечно, с превеликим нашим удовольствием, – отвечает ему какой-то офицер из штаба флота.

– Что бы вы хотели посмотреть? – спрашивает его командир. – Может быть, реакторный отсек или ракетный комплекс?

– Знаете, а мне ребята в штабе флота в Москве рассказывали, что у вас даже сауна с бассейном есть. Врали, наверное?

– Отнюдь, – говорит командир, мрачняя лицом. – Есть и то, и другое. А ещё спортзал, солярий и зона отдыха.

– Вот, а можно это тогда посмотреть? А какой это отсек, где мы с вами сейчас находимся?

– Восемнадцатый, – говорит командир. – Прошу вас проследовать в переборочный люк.

– В девятнадцатый? – гордо хвастается своими знаниями математики министр иностранных дел.

– В него, да.

Идут дальше в восьмой.

– А это двадцатый?

– Нет, это восьмой.

– А девятнадцатый последний, что ли?

– Нет, на этом борту последний шестнадцатый.

– А на другом – семнадцатый? – пытается давить логикой министр.

– Нет, на другом – пятнадцатый. А семнадцатый у нас в носу, между первым и вторым.

– Как вы тут не путаетесь? – удивляется министр.

А ещё у нас есть реакторы, турбины, испарители, дизель-генераторы, компрессоры, системы воздуха высокого, среднего и низкого давлений (три вида управления на каждую), система гидравлики (два вида управления), погружения-всплытия (три вида управления), различные системы пожаротушения, система управления ракетным комплексом, радиотехническое вооружение и торпедный комплекс и куча других. А ещё у нас есть специальный насос, который качает тёплую воду с камбуза на омывание поплавка в выдвижном устройстве РКП, чтобы этот поплавок не замёрз и мы не утонули, когда пополняем запасы воздуха компрессорами в почти подводном положении. И крейцкопф. Ещё у нас есть крейцкопф. Целых шесть штук. Конечно, как же тут можно не запутаться в нумерации отсеков?

В общем, был он у нас на борту, наверное, полчаса. Ушёл довольный, как слон. На эсминец даже не обратил внимания.

В базу мы вернулись в воскресенье. Пока вывод ГЭУ, то да сё, решили домой уже не ходить – через несколько часов обратно на службу. Да. Вы не поверите, но пили водку и спирт прямо на атомной подводной лодке. В базе мы себе это иногда позволяли.

С тех пор я всегда сочувствую проституткам – представляю, что у них на душе творится.

Крайний

Прислали к нам как-то нового замполита служить. Целого капитана второго ранга из штаба флотилии. То ли пенсию быстрее заработать хотел, то ли оклад повыше нужен был, то ли к повышению готовили, хрен их знает. Пытаясь разобраться в сексуальных хитросплетениях хитрожопых витязей из воспитательной службы, и безногий ногу сломал бы.

День-два он походил по кораблю с ласковой улыбочкой, заглядывая в хмурые лица подводников, и случилось у нас собрание офицерское. Командир устроил разбор полётов предыдущего выхода в море и накручивал хвосты на будущий.

– Товарищи офицеры! – начал командир. – По результатам последнего выхода в море...

– Прошу разрешения, товарищ капитан первого ранга! – радостно вскочил в этом месте новоиспечённый подводник. – Но в данном случае нужно говорить «крайнего», а не «последнего»!

– Что, простите мое старческое слабоумие? – командир непонятно от чего больше опешил: или оттого, что его кто-то осмелился перебить, или оттого, что его кто-то осмелился поправить.

– Я говорю, что нельзя говорить слово «последний», а надо говорить слово «крайний»!

Да-а, чутья у замполита нового, конечно, с гулькин хуй... Тот ещё психолог, сразу видно.

Командир посмотрел в стол, проверил наличие ногтей на всех своих руках и спросил:

– Товарищ капитан второго ранга, а у вас есть в библиотечке корабельной Толковый словарь русского языка?

– Так точно!

– Будьте добры, принесите, пожалуйста.

После того как замполит выскочил из кают-компания, в ней начался ропот офицеров.

– Так, спокойно, товарищи офицеры, – поднял руку командир, – этого я и сам сейчас унижу, без вашей помощи, но спасибо за поддержку.

– Вот, товарищ командир! – радостно размахивая каким-то зелёным томиком, примчался обратно воспитатель.

– Открывайте, товарищ капитан второго ранга, и зачитайте, пожалуйста, вслух значения слов «крайний» и «последний».

Тот зачитывает.

– Ничего не смущает? – уточняет, на всякий случай, командир.

– Ну... товарищ командир, традиция же!

– Какая?

– Ну... у лётчиков, у десантников... Вообще у военных!

– А мы на самолёте сейчас?

– Нет.

– На большом, может быть, десантном корабле?

– Нет, – воспитатель начинает краснеть.

– А где мы сейчас?

– На подводной лодке.

– На моей подводной лодке, я прошу заметить. И давайте я сейчас прерву наш, бесспорно, бесполезный, с вашей точки зрения, саммит и займу у офицеров несколько минут лишнего времени, чтоб рассказать вам о традициях на нашем корабле. Вы не переживайте, что они на полчаса позже уйдут домой, потому что у них традиция есть дела свои до конца доводить и обеспечивать безаварийную эксплуатацию корабля, а не языком молотить, поэтому им не привыкать. А ещё одна традиция у нас – уважать старших, то есть в данном случае меня. Меня можно не любить, но оказывать мне всяческие почести, вплоть до целования в жопу, очень

даже приветствуется. А вот перебивать меня во время моих гениальных речей строго запрещается всем, даже механику, а не то что замполиту! И запомните, товарищ подполковник, – по моему пониманию, а значит, и по пониманию всего моего экипажа, крайними бывают плоть, Север, мера, срок и необходимость! Все остальные слова маркируются у нас словом «последний», то есть позднейший или самый новый по отношению к текущему моменту! Усвоено?

– Так точно, товарищ командир, но я же думал...

– А не надо думать! Вам по штатному расписанию этого не положено! Лейтенантам и старшим лейтенантам заткнуть уши! И если ты ещё раз меня перебьёшь, сука, то будешь послан на хуй прямо при всех вот этих неокрепших флотских умах с заткнутыми ушами! Можно открывать уши! Видишь – сидят с заткнутыми, потому что слушаются меня! Учись, воспитатель!

Командир дал отмашку на открытие ушей и продолжил собрание.

Традиций на флоте много. Часть из них просто условности и дань прошлому, часть исполняется неукоснительно, как, например, взаимовыручка. Но при этом, если ставить знак равенства между традициями и условностями, основанными на суевериях, то условности просто помогают отличить нормального человека от долбоёба, как в этом случае с замполитом. Подводники спокойно говорят слово «плавали» вместо «ходили», «подполковник» вместо «капитан второго ранга». Здесь, правда, важна интонация, потому как сухопутное звание может иметь как оскорбительный оттенок, так и уважительный. Конечно же, если вы штабной офицер, программист, таксист, какой-нибудь там офисный работник и так далее, то обязательно используйте слово «крайний» вместо «последний» везде, где это уместно и неуместно. Так вас будет легче отличать от нормальных людей.

Смерть

Каждого из вас Смерть поджидает во многие моменты вашей жизни, когда вы приглашаете свою внимательность и инстинкт самосохранения: перебегаете дорогу в неполюженном месте, заплываете за буйки, ездите пьяными за рулём и не надеваете каску, находясь на строительной площадке. У подводников всё не так. Смерть не ждёт их, а несёт вместе с ними службу по охране морских рубежей их Родины. С того момента, как они отдают швартовые концы и уходят в море, Смерть стоит за плечом каждого из них постоянно и с любопытством наблюдает, когда же кто-то из них даст слабину.

Сидит в седьмом отсеке на вахте матрос Герасимов, например, мечтает о скорой своей демобилизации и представляет, как он войдёт в свою родную деревню в ленточках до жопы, с восемнадцатью якорями и аксельбантом, сшитым из такого количества ниток, которого хватило бы на аксельбанты гусарскому полку в девятнадцатом веке, а Смерть шепчет ему на ушко: «Петя, ну зачем тебе осматривать отсек каждые полчаса? Ну что, блядь, за хуйня такая – полгода до дембеля, а ты бегаешь, как карась! Закороти систему КИС ГО²¹ да сиди себе спокойно на боевом посту, наращивай общую прекрасность организма!»

А и правда, думает матрос Петя, что я, пальцем деланный? И закорачивает систему КИС ГО, чтоб лампочка в центральном сама собой загоралась, а не от того, что он все кнопки в отсеке обожмёт. Совесть его, конечно, покусывает, но ёб вашу мать, каждые полчаса же по трюмам лазить – это ни в какие ворота ведь не лезет! И Смерть, радостно повизгивая, бежит в седьмой отсек договариваться с насосами и клапанами, а может, и со станцией управления холодильной установкой, чтоб они ей подмогнули чутка и начинали гореть, дымить и давать течи.

В это время в центральном вахтенный инженер-механик третьей боевой смены сбрасывает табло осмотра отсеков, а седьмой тут же раз – и опять осмотрен.

– Седьмой центральному!

– Есть седьмой.

– Как ты, сокол ясный, отсек-то за пять минут осмотрел?

– Ну я быстренько... там туда-сюда.

– Герасимов. Кто-то врёт. Быстренько я осматриваю, и то за двенадцать минут.

Отключает седьмой, вызывает связистов:

– КПС центральному!

– Есть КПС!

– В седьмом пидорас КИС ГО закоротил. Сбегайте, отъебите его так, чтоб у меня тут дымом запахло.

И связисты бегут в седьмой, бьют матроса Петю, ремонтируют систему КИС ГО, опять бьют матроса Петю, пугают его тюрьмой и презрением Родины и убегают, напоследок пнув Петю, обратно в свой КПС. Смерть вздыхает и уходит в следующий отсек.

По окончании вахты матроса Петю вызывают в центральный для проведения воспитательной беседы. «Ебать» – так называются в военно-морском флоте воспитательные беседы. Проводит механик, так как Петя из БЧ-5, присутствует замполит.

– Герасимов, – начинает механик, вкладывая в свои слова всю ненависть татарского народа, – я даже не знаю, с какого конца начинать тебя ебать! У тебя же мама, да, Герасимов? Сестра? Вот ты стоишь тут, изображая дебилизм и пустоту глазами, а они ждут тебя, Герасимов, мёд там на пасеке покупают на последние деньги, самогонку гонят, невесту там тебе нашли уже небось. Хули ты улыбаешься? Ты же не вернёшься домой, Герасимов, ты понимаешь, что

²¹ КИС ГО – контрольно-исполнительная система готовности отсеков.

ты даже в гробу домой не вернёшься? Почему у тебя отсутствует инстинкт самосохранения? Как ты без него дожил до восемнадцати лет? Почему тебя барсуки в лесу не съели или в туалете ты не утонул?

Матрос Петя не знает, как ему реагировать, и молчит, уставившись в палубу.

– Ты в школе-то учился, Герасимов? – пытается достучаться до него механик с другой стороны.

– Учился.

– Ну, расскажи мне, каких русских писателей ты знаешь?

– Ну... Пушкин.

– Хуюшкин, Герасимов! Пушкин – это поэт! Он слова в рифму писал, а писатель – это который без рифмы пишет! Писателей каких ты знаешь?

– Ну... Толстой.

– Какой Толстой?

– А он же один был.

– Ладно. Ладно, он был один. Какое его произведение ты читал?

– Ну... «Войну и мир».

– «Войну и мир»? На каком языке оно начинается?

– Ну, на русском же, понятное дело!

– Ясно, значит, дальше заглавия не осилил. Слушай, а тебя матрозавры остальные как называют? Герасимом? А ты знаешь, что про тебя целое произведение написал великий русский писатель Тургенев? Читал «Муму»?

– Не-ет.

– Ну как, блядь, нет? У тебя же в личном деле «среднее образование» написано! Как вы на флот-то попадаете, я не пойму? Откуда вас берут, из поселений староверов, что ли?! Стас, есть у тебя Тургенев? Принеси, пожалуйста!

Зам приносит томик Тургенева из корабельной библиотеки.

– Вот, Герасимов, начнём твоё половое воспитание. Завтра, в это же время на этом же самом месте ты мне пересказываешь рассказ Тургенева «Муму» близко к тексту. Близко, Герасимов, так близко, чтоб даже муха не проскочила. Свободен!

Или вот в центральном. На всплытии без хода, например. Смерть стоит за спиной командира и ждёт, когда он допустит хотя бы малейшую оплошность. Лодка медленно-медленно ползёт вверх, и все спокойны и не верят своему счастью, а Смерть улыбается: она-то знает, что сейчас будет пласт воды с другой плотностью, и нас как жახнет об этот лёд, и, может быть, не тем местом, на которое мы рассчитываем, и всё, считай приплыли. Но и командир об этом знает откуда-то.

– Принимать с двух бортов!

– Есть принимать с двух бортов! – репетую командиру и начинаю принимать.

– Приготовиться к ускоренному приёму!

– Готов!

– Принимать ускоренно с обоих бортов!

И лодка в этот момент подпрыгивает на несколько метров, но уже поздно – тонны морской воды падают в её чрево по трубам метрового диаметра под давлением пять атмосфер, и она уже тяжёлая, и взлететь ей ну никак не удастся. Да ладно, ухмыляется Смерть, сейчас вы, по инерции, как шухнете вниз на три километра, а продуться-то не можете, там и посмотрим, кто кого. Но командир её опять слышит!

– Два насоса за борт!

– Есть два насоса за борт! – и два центробежных насоса начинают выплёвывать по двести семьдесят тонн воды в час каждый в морды изумлённым касаткам.

Лодка зависает, как бы раздумывая, что же ей дальше делать...

– Четыре насоса за борт!

Ну, может, я тогда накрепко лодку, думает Смерть, и они хвостом вниз уйдут по-любому. И начинает наклонять лодку на корму.

– Тонну в нос! – командует механик, глядя на дрожащую стрелку дифференциального манометра.

– Есть тонну в нос! – репетую я и перегоняю воду между дифференциальными цистернами.

– Стоп насосы!

– Есть стоп насосы! Тонна в носу!

Сидим, ждём. Лодка немного опустилась, но зависла, значит, в слой воды мы вошли и можем двигаться дальше.

«Да ну вас, пидорасы!» – думает Смерть и идёт что-нибудь ломать.

Она поджигала нам трюмную помпу в седьмом, но мы справились, хоть и воняло потом неделю. Она выводила из строя систему управления рулями, подрывала паровые клапана, замыкала проводку в щитах, но мы всё починили. Даже шарик расходомера нам вывела из строя, сучка костлявая, но и тут мы смогли.

Расходомер – это такое устройство, которое считает количество воды, принятой или откачанной из уравнивательной цистерны. Уравнивательной цистерной подводная лодка, собственно, и дифференцируется по плавучести. Долго объяснять, но это – важно. Само устройство – это кусок толстой трубы, на двух фланцах вставленный в трубу приёма забортной воды. Внутри у него две крыльчатки, которые закручивают поток воды спиралью, а в этой спирали крутится железный шарик в резиновой оболочке. Датчики считают количество его оборотов и выводят на табло в центральном количестве воды. Казалось бы, ну чему там ломаться? Шарик же железный! Но мы же русские моряки, чё нам.

Понятно, что в море запрещено проводить ремонты, связанные с забортной арматурой, но и плавать месяц подо льдом без расходомера тоже не то, что доктор прописал. Приняли все возможные меры предосторожности: подвсплыли как могли, выставили вахтенного на клапане ВВД в отсек, загерметизировали переборки, в соседних отсеках поставили вахтенных на переборочных дверях и приказали им держать кремальеры и не выпускать нас ни за что, если что. Проверили всю забортную арматуру, всю позакрывали, проползли по всем трубам и проверили ещё раз. А Смерть сидит в уголочке и облегчённо вздыхает: ну наверняка же на Севмаше какую-то трубу левую захуярили, которой ни в одной документации нет, или на «Звёздочке» потом тарелки клапанов плохо притёрли, и они зарядят нам шестью атмосферами в рожи. Медленно-премедленно откручиваем болты на фланцах, прикусив язычки. Все молчим и тяжело дышим – не то чтобы страшно, но волнительно всё-таки. Все болты сняли, пока всё спокойно – клапана трещат, но держат. Раздвижным упором разогнули трубу, вытащили нужный нам кусок. «Да, блядь, что такое-то, – нервно расхаживает Смерть по трюму, – ну как так может быть, что ни на Севмаше, ни на «Звёздочке» не нашлось ни одного криворукого помощника мне!»

Вот так и бывает.

Достали шарик, а у него оплётка резиновая лопнула, и он за крыльчатку зацепился. Всунули новый, потрясли трубой вчетвером (она ж тяжёлая!), крутится вроде. Вставили кусок трубы обратно.

– Эбля! – кричит Борисыч. – А прокладки-то поставить!

– Борисыч, ну вот что ты за человек-то такой, – говорю я ему, – надо же было подождать, пока мы все двадцать четыре болта закрутим!

И все начинают смеяться, хоть и не закончили ещё, но понятно же, что, скорее всего, пронесло на этот раз.

– Центральный! – кричу в «Лиственницу». – Пробуйте принимать, мы закончили.

– Ёпт! – кричат из центрального. – Всё работает, как часы часового завода «Луч»!

И раздражённая Смерть плюёт нам на спины и уходит дальше, искать приключений на наши жопы. И аппендицит. С кем-нибудь вообще может приключиться аппендицит где-нибудь на Северном полюсе, и если всех забрать не получается, то почему бы не взять одного хотя бы? А потом Смерть вообще думает: «Да ну их в жопу, этих подводников, пойду вон на авианесущий крейсер, может, там хоть кого прихвачу».

Так ни разу у неё с нами ничего и не получилось. Видимо, везучие мы просто. Но её присутствие ощущалось всегда: когда спишь, ешь, чистишь зубы, пишешь стихи, учишь мат-часть, проводишь занятия, несёшь вахту, мечтаешь о тёплом солнце на подводной лодке, то всегда рядом с тобой Смерть. Она смотрит на тебя с любопытством школьника, впервые увидевшего колоду порнографических игральных карт, и ты не можешь игнорировать этот взгляд. И думать о нём ты тоже не можешь, а то с ума сойдёшь. Такой вот дуализм. И этому нигде и никогда не учат – или вы умеете так, или нет.

Я, например, понимаю, почему Покровский сравнивает подводников с самураями, которые готовы к смерти, как только вышли из дома. А вы теперь понимаете?

Третий тост

Вот вы, когда употребляете алкогольные напитки, за что пьёте третий тост? Когда как, правда ведь? А вот подводник, оказавшись в любой компании, обязательно пробормочет про себя на третьем тосте: «За тех, кто в море!», даже если тамада предлагает за молодых или родителей. Этот тост предполагает и пожелания удачи тем, кто сейчас в море, и почтение памяти тех, кто остался там навсегда. А за всё мирное существование советского и российского военно-морских флотов, начиная с шестидесятых годов, «навсегда в море» осталось более восьмисот подводников. О большинстве из них вы не знаете и не узнаете никогда: это американцы снимают о них художественные фильмы, воспевая их героизм, награждают их посмертно своими государственными наградами, признавая их подвиги, и даже с почестями хоронят их тела, от которых отказывается советское правительство.

Дизельная подводная лодка С-80. «Автономка мёртвых». Подводная лодка затонула 27 января 1961 года в 00 часов 27 минут. Причина аварии – обмерзание поплавкового клапана в шахте РДП (работа дизеля под водой) и поступление внутрь корпуса заборной воды. Матрос, дежуривший на ручном клапане, в панике перепутал клапана и перекрыл не тот (по другой версии, давил ручку клапана в другую сторону, согнув шток, так как был уверен, что закрывает его, потому что был прикомандирован с другого проекта). Погибло 68 человек. Часть из них была раздавлена заборным давлением, часть умирала от удушья в течение недели после аварии (по данным патологоанатомов). Двое человек покончили с собой: один матрос повесился в первом отсеке (и висел в петле семь лет), и мичман замкнул руками клеммы аккумуляторной батареи. Поднята с грунта лодка была только через семь лет. Тела тех, кто не был растерзан давлением, сохранились хорошо. Патологоанатомы, производившие вскрытие тел в десантном трюме СДК²², не верили своим глазам.

Атомная подводная лодка К-19 «Хиросима». Самая «небезучая» подводная лодка Советского Союза. Советские моряки называли её «Хиросима», а американцы – «Widowmaker». За всю историю этой лодки на ней погибло 37 человек.

Первая серьёзная авария произошла 4 июля 1961 года в 4 часа 15 минут. Сработала аварийная защита реактора, произошёл разрыв первого контура и заклинило насосы охлаждения реактора. Начался быстрый нагрев активной зоны реактора. В то время учёными ещё не был открыт ОТКР (отрицательный температурный коэффициент реактивности), и подводники считали, что тепловой взрыв реактора приведёт к ядерному взрыву. Было принято решение собрать нештатную схему охлаждения реактора силами личного состава. Самому старшему в группе добровольцев, лейтенанту Борису Корчилову, на тот момент было 23 года. Получив дозы облучения, несовместимые с жизнью, моряки собрали схему охлаждения, но радиационный фон на лодке продолжал расти. Из-за поломки антенны сигнал бедствия передать не удалось, и командир лодки капитан второго ранга Затеев принял решение идти не в сторону базы, а в сторону завесы из дизельных подводных лодок, которая находилась южнее места аварии. По его приказу всё стрелковое оружие было утоплено, остались пистолеты только у него и старшего помощника. Сигнал бедствия, передаваемый маломощным приёмником, был принят всеми подводными лодками. Но только одна из них, С-270, под командованием капитана третьего ранга Жана Свербилова, покинула конвой и, нарушив все приказы, ринулась на помощь К-19. Капитан третьего ранга Свербилов впоследствии был наказан за проявленное своеволие. В аналогичной ситуации с подводной лодкой К-219, которая тонула в Бермуд-

---

²² СДК – средний десантный корабль.

ском заливе, другой командир, получив сигнал бедствия, прошёл мимо, не меняя курса, помня о том, как досталось Свербилову. С-270 прибыла к борту К-19 и по носовым горизонтальным рулям приняла на борт тяжело раненных (трое из них уже не могли ходить). Одного из офицеров штаба, который находился на борту К-19 и пытался сбежать впереди пострадавших, Жан Свербилов приказал помощнику расстрелять на месте, после чего порядок был восстановлен. Более трёх суток подводная лодка С-270 буксировала К-19 в условиях сильнейшего шторма, пока не был получен приказ передать поражённых на борт надводных кораблей. «Перед тем как заснуть, я думал о том, что наш экипаж сделал святое дело. Все лодки, участвовавшие в учениях, приняли радио Коли Затеева, но никто, кроме нас, к нему не пошел. Если бы не наша С-270, они бы все погибли, а их было более 100 человек...» – из воспоминаний Жана Свербилова, командира С-270. Моряков К-19, получивших запредельные дозы радиоактивного облучения и мучительно скончавшихся в медицинских центрах, без огласки похоронят в Москве, Ленинграде и Зеленогорске. Представления о награждении званиями Героя Советского Союза Свербилова и Корчилова были отклонены руководством страны.

По этой трагедии режиссёром Кэтлин Бигелу снят фильм «К-19. Оставляющая вдов» с Харрисоном Фордом и Лиамом Нисоном в главных ролях. При всех неизбежных ляпах и художественных допущениях фильм показывает смелость и отвагу советских моряков и обязателен к просмотру.

Следующий печально известный случай произошёл с этой же лодкой 24 февраля 1972 года. Если вы когда-нибудь слышали песню «Девятый отсек», то она именно об этом случае. В 10.23 в 9-м отсеке произошло возгорание прибора для дожига угарного газа. Вместо того чтобы локализовать аварию, вахтенный матрос побежал будить главного старшину Александра Васильева.

Васильев, приказав всем покинуть отсек, бросился тушить возгорание, которое к тому времени переросло в объёмный пожар. Он сгорел заживо, спасая товарищей. Лодка всплыла аварийно в девятибалльный шторм. Из девятого отсека в восьмой начали поступать продукты горения. Весь личный состав отсека, который не включился к этому времени в средства защиты дыхания, погиб от удушья на боевых постах, только командиру дивизиона движения капитан-лейтенанту Виктору Милованову удалось, заглушив реакторы, покинуть отсек и выйти в седьмой, где он потерял сознание от отравления угарным газом. В седьмом отсеке мичман Александр Новичков помогал растерявшимся матросам включаться в средства защиты органов дыхания. Спасая их, он погиб. Подводная лодка находилась в надводном положении, без хода, с частично затопленным девятым отсеком, в котором продолжал бушевать пожар, и загасованными восьмым и седьмым.

Но в подводной лодке этого проекта десять отсеков, и я уверен, что большинство из вас не знает историю этого десятого отсека. В десятом отсеке, отрезанные от остальных, оказались двенадцать моряков под руководством капитан-лейтенанта Полякова, управленца ГЭУ, который и спас всем им жизнь. Двадцать три дня (подумайте!) двенадцать человек сидели в крошечной темноте в железной бочке с температурой воздуха плюс четыре градуса. Они дышали воздухом, который постепенно стравливали из дифферентовочной системы, давление снимали через кингстон глубиномера, пили воду через трубочку из цистерны, разбив её мерное стекло и достав до нижнего, неоткачиваемого уровня. Из еды у них были только соль и макароны. Сырые макароны, естественно. Когда за ними пришли, только двое могли кое-как держаться на ногах. Их выводили с завязанными глазами, чтоб они не ослепли от дневного света.

Угадайте, сколько человек получили звание Героев? Правильный ответ – ни одного. А знали вы вообще об этих людях? Учились на их примерах мужеству и героизму, когда были маленькими?

К-3 «Ленинский Комсомол». Первая атомная подводная лодка Советского Союза. 8 сентября 1967 года на лодке произошёл объёмный пожар в первом и втором отсеках. Пожар произошёл из-за нештатной прокладки в системе гидравлики. Прокладка не выдержала давления, и в распылённом состоянии гидравлика попала на плафон освещения, что привело к объёмному возгоранию. В результате пожара погибло 39 человек. Они сгорели заживо. Один из них, капитан-лейтенант Анатолий Маляр, успел, сгорая, захлопнуть переборочный люк из второго в третий отсек, чем и спас остальных членов экипажа. Комиссия признала действия экипажа героическими и представила членов экипажа к наградам (в том числе и погибших). Но Главком ВМФ С. Горшков объявил, что авария произошла по вине экипажа. Выжившие и мёртвые превратились из героев в преступников. Только лишь спустя 45 лет, когда с обстоятельств аварии был снят гриф секретности, морякам удалось восстановить своё честное имя.

К-129 затонула в марте 1968 года, предположительно из-за столкновения с надводным кораблём. Погибло 97 человек.

К-8. Пожар. 52 человека. Этот список можно продолжать, но расскажу вам ещё об одном человеке, и на этот раз хватит.

7 октября 1986 года затонула подводная лодка К-219, возвращаясь из своего тринадцатого похода. Погибло четыре человека, остальной экипаж был спасён командиром – капитаном второго ранга Британовым, который был назначен «крайним» в этой аварии и с позором уволен с флота. Авария произошла из-за негерметичности ракетной шахты № 6, о которой знали все и много лет, но никто из штабов и командований не взял на себя смелости доложить о неисправности верховному командованию. Из-за раздавливания корпуса ракеты в шахте в отсек начал поступать окислитель ракетного топлива. Была объявлена аварийная тревога, и личный состав покинул отсек. В отсеке остались три человека, погибшие от удушья. Далее в ракетной шахте № 6 произошёл взрыв. Подводная лодка резко провалилась по глубине, но благодаря решительным и оперативным действиям экипажа всплыла на поверхность, продув главный балласт. В то же время было замечено критическое повышение температуры реактора, что могло привести к расплавлению активной зоны и радиоактивному загрязнению Бермудского залива. Дистанционно стержни компенсирующих решёток не управлялись, и было принято решение опустить их вручную. Старший лейтенант Николай Беликов и матрос Сергей Преминин, которому на тот момент было двадцать лет, вошли в аппаратную выгородку, в которой к тому моменту температура достигала 70 градусов. Кроме того, по всей лодке распространялись ядовитые газы от сгоревшего ракетного топлива.

Вручную стержни опускаются такой ручкой, как на мясорубке, только больше по размеру. После того как три из четырёх решёток были опущены, Николай Беликов потерял сознание. Матрос Преминин вынес его и вернулся для того, чтобы опустить четвёртую решётку. Он её опустил, но выйти из отсека уже не смог. От перепадов температуры и давления дверь заклинило, и никакими усилиями открыть из соседнего отсека её не смогли. Сергей погиб либо от удушья, либо от перегрева.

Знали вы что-нибудь про него? А знали вы, что звание Героя Российской Федерации посмертно за то, что он предотвратил ядерную аварию, ему было присвоено только в 1997 году, благодаря некоторым общественным деятелям.

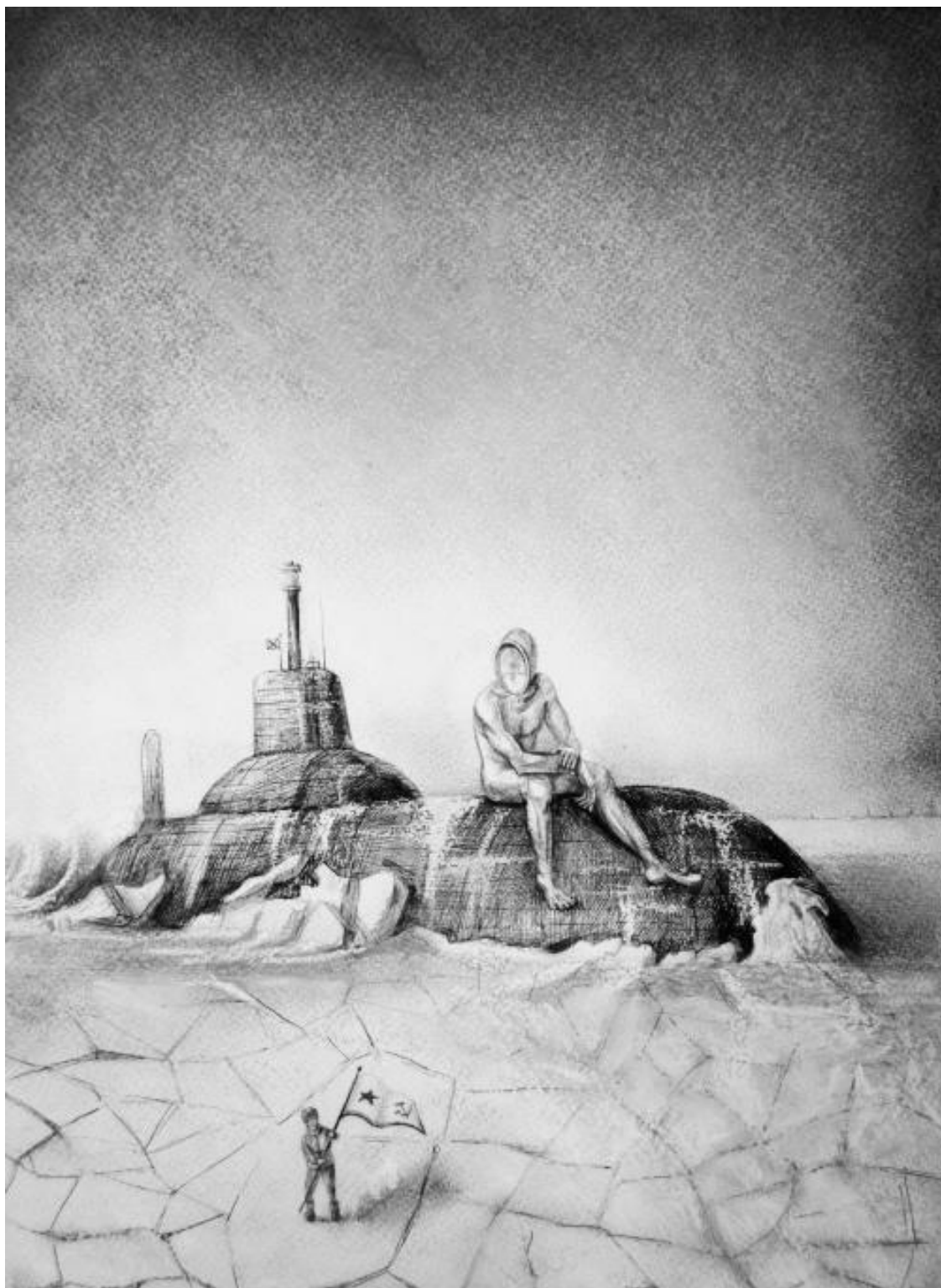
Командир Британов приказал экипажу покинуть корабль и перейти на подоспевшее советское торговое судно. Сам он до последнего стоял на мостике и охранял корабль от возможных попыток захвата вражескими силами с автоматом Калашникова в руках. Он покинул корабль только тогда, когда от кромки воды до рубки оставалось несколько сантиметров. А потом он почти год ожидал суда, но был помилован и просто выгнан с флота.

А потом лётчики морской авиации, которые сбрасывали на лодку изолирующие дыхательные аппараты, а те оказались почти все без регенеративных патронов, устроили массовую

драку с офицерами тыла в Калининграде. Но вы же об этом не знали, правда? А потом четыре страны сняли фильм «Враждебные воды», посвящённый подвигу матроса Сергея Преминина. А знаете, какие это страны? Франция, Германия, Великобритания и США. А Питер Хухтхаузен, военно-морской атташе американского посольства в Москве, собрал и направил в правительство США документы на награждение Сергея Преминина медалью «Пурпурное сердце».

Я много могу рассказывать, но наверняка уже всех утомил. Но зато теперь вы знаете, за что выпьет третий тост военный моряк, который, может быть, случайно как-нибудь окажется в вашей весёлой компании.

Туман

Хлорка и права человека

Тут вспомнил одну историю о правах человека в военно-морском флоте. Не, ну помню-то я их немало, но одну расскажу сейчас. Один читатель очень активно возмутился, что на

флоте есть вестовые, которые кормят офицеров: мол, не такие уж и барины, могли бы сами себе суп в тарелки наливать, а не бедных матросов заставлять себе прислуживать, ущемляя их права человека и унижая личное достоинство.

Ну, хуй его знает, что сказать на это. Про то, что офицерский корпус несколько привилегирован по отношению к остальным слоям военно-морского флота, я даже не стал говорить, чтоб не вызывать всплески повторных возмущений. Права человека – это вообще несколько размытое понятие во время выполнения боевых задач. Сейчас попробую объяснить.

Боевой корабль в море – это не набор отдельно котлет и мух. Это симбиоз людей и механизмов, заточенных только для одной-единственной цели: выполнить свою задачу с наибольшей эффективностью. Конечно, было бы неплохо при этом сохранить корабль и людей, но это вторично и, давайте будем откровенны, на это всем насрать. Нанёс удар по врагу – красава. Точка. А сохранил корабль, уведя его от ответного удара? Ну... тоже неплохо. Именно в такой очерёдности.

Поэтому нельзя сказать с чёткой разграничительной линией: вот это – механизм, а вот это – живой организм. Понятно, что вроде как живой организм ест, какает и бегает курить, но и механизм тоже ест и какает. Понятно, что механизм в боевом своём состоянии безотказно работает и выполняет одну уникальную для себя задачу, не обращая внимание на то, насколько сильно его этим унижают, но и живой организм – также!

Будет живой организм в нормальных условиях при температуре под семьдесят градусов, влажности за девяносто процентов, в грохоте турбины, свисте генератора и шипении паровых клапанов стоять в трусах и крутить маневровые устройства несколько часов кряду? А турбинист будет. Будет живой организм в нормальных условиях оттирать говно со стен и подволока галюна, потому что другой живой организм проебал проверить давление? Или выгребать опять же говно и органику из фильтров помп? А трюмный будет. Да что там турбинист с трюмным! Даже минёр во время выполнения боевой задачи будет вьёбывать, как ломовая лошадь! Вы что думаете, что там кнопками всё делается? Хуй вы угадали! Цепи, крюки, блоки, гидравлика, прищемленные пальцы, отдавленные конечности и сломанные рёбра. Любой БДСМ-щик заикаться начнёт от зависти, когда увидит торпедный отсек в действии!

И вот самый ущемлённый во всей этой вакханалии – вестовой в кают-компании? Ну, не знаю, не знаю. И кстати, не только офицерам прислуживают вестовые на лодке, а точно так же и мичманам, и другим матросам. А всё почему? А всё потому, что приём пищи – это досадная необходимость, которая только мешает выполнению боевой задачи. Ну не могут сорок офицеров пообедать за пятнадцать минут, если сами себе будут они разливать суп по тарелкам и накладывать потом ещё и второе туда. Не могут, понимаете? А, ну и посуду за ними потом тоже мыть же ещё приходится... Куда только смотрит Комитет по правам человека при ООН? Куда угодно, но только не в военно-морской флот, вот что я вам скажу.

Мне, конечно, жаль матроса, который брезгует такой унижительной работой, как ухаживать за боевыми товарищами, но жаль где-то на самом дне моей солёной души, потому как я – не брезгую. Для того чтоб приглушить у меня эту природную брезгливость и вот этот вот бесполезный аппендикс на моей гордости, меня с первого дня в военно-морском училище начали приучать ухаживать за моими товарищами, как и их – за мной. Я охранял их сон, стоя на тумбочке со штык-ножом или с автоматом в карауле, чистил для них картошку и разгружал мясо, накрывал им на столы и потом убирал за ними срач со столов и мыл за ними посуду, столы и пол. Несмотря на тонкость своей душевной организации, зажмурив волоокие глаза, я своими изящными пальцами мыл за ними и унитаза (типа «очко», или «дучка» по-флотски), в которые они срали, и писсуары, в которые они ссали, и раковины, в которые они плевались зубной пастой, сморкались и складывали туда свою щетину. И бумажки, которыми они вытирали свои жопы, я тоже за ними выносил. И да, резиновые перчатки тогда ещё не изобрели, чтоб вы понимали.

А ещё у нас был старшина роты в звании целого старшего мичмана, который полагал, что если в гальюне нет бодрящего запаха хлорки, то приборка там не проводилась.

Ну и стоим мы как-то «на тумбочке», то есть дневальными по роте, с моим дружкой Лёшей. А Лёша только завёл себе новую «любимую на всю жизнь женщину» и как раз собирався ей первый раз «вдуть», потому как цветы ей уже подарил, в кино сводил и подержал её за руку, гуляя по Графской пристани. Поэтому Лёше очень нужно было убыть в увольнение до утра, сменившись с вахты.

– Приборку в гальюне зашуршишь, чтоб я охуел от её невъебенности, – тогда отпущу! – резюмировал старшина, выслушав Лёшины стенания.

– Есть! – радостно ответил Лёша и, наплевав на пару часов дневного сна, вооружился тряпками, ведрами, швабрами, фотографией любимой и ринулся в бой.

Он вымыл всё: стены, зеркала, плафоны на светильниках, краны на умывальниках, сами умывальники, писсуары, трубы к ним, дучки и дверцы на кабинках. Даже саму дверь в гальюн отдраил с мылом. Часа два шуршал, но за хлоркой в санчасть уже пойти у него сил не осталось.

– Ну как? – попросил он меня оценить приборку.

– Ну охуеть теперь! Даже поссать тут стесняюсь! Как в Эрмитаже, блядь, только чище!

– Спасибо, друх! – и Лёша побежал докладывать старшине.

Старшина походил, посмотрел, понюхал и выдал:

– Неудовлетворительно! Дезинфекция не проведена на должном уровне! Хуй тебе, а не увольнительная! Опять прочить придётся!

– Товарищ старший мичман! – возмутился Алексей, а его частенько штырило, да. – Я требую проведения служебного расследования с целью установления истины и восстановления моих человеческих прав!

– Да пошёл ты на хуй! – ответил старший мичман и убыл из расположения части.

Но Лёша не успокоился. Он не сдавался никогда, когда пахло самкой. Ни-ког-да, чтоб вы понимали. Он побежал в санчасть и получил там хлорку. Хлорку нам выдавали в виде концентрата, который нужно было разводить, исходя из пропорции «одна капля на табун». Но Лёша решил, что это лишнее и чем сильнее будет пахнуть, тем более вероятен тот факт, что грудь любимой наконец-то окажется в его жадных руках. Он шухнул по стакану в каждую кабину, каждый писсуар и каждый умывальник, остатки просто разлил по палубе. А потом закрыл дверь в гальюн и убыл накрывать на столы.

Я стоял на тумбочке, когда через полчаса в роту вернулся старшина.

– Тащ старший мичман! – доложил я, желая помочь товарищу убыть на случку. – Курсант Карлихин продезинфицировал гальюн!

– Заебись, – ответил старшина, – пойду поессу заодно!

И, напевая песню «заебися пахнет пися, если пися заебися», вошёл в гальюн.

С тех пор, когда говорят «как пуля», я вспоминаю, как из того гальюна выскочил наш старшина, захлопнул дверь и, привалившись к ней спиной, как в фильме ужасов, тяжело дышал и вытирал слёзы.

– Иди-ка сюда-ка! – позвал он меня. – Попробуй-ка зайди-ка, – ласково попросил он меня.

Не уловив подвоха, я приоткрыл дверь. Пары хлора немедленно набросились на меня. Они въелись мне в глаза, нос, уши, рот и, по-моему, моментально проникли даже в уретру. Через полвдоха мы уже вдвоём вытирали слёзы и сопли, привалившись к дверям спинами.

И тут в роту вернулся Лёша.

– Алексей, – ласково позвал его старшина, – а не желаете ли поссать?

– Так точно, тащ старший мичман! Желаю! – и Лёша вошёл внутрь, а мы захлопнули за ним двери и начали слушать. Мы слышали, как Лёша ссал, напевая «В краю магнолий», и как

потом мыл руки, осторожно заглянув внутрь, прищурившись и затаив дыхание, мы увидели, как Лёша ковыряется в зубах, любясь собой в зеркале.

- Окна там открой, блядь! – рявкнул на него старшина.
- А чё такова-то? – сделал удивлённые глаза Лёша. – Свежо же, и так довольно.
- Что должен сделать военнослужащий, получив приказание?
- Есть! – ответил Лёша и ринулся к окнам.
- Бля, Эдик, я чуть не сдох же! – рассказывал мне потом Лёша.
- Ну, ты артист, бля! Да Станиславский бы ладони отбил, тебе хлопая!
- Всё ради любви же!

Права человека – это хорошо, их ущемление – это плохо. Но если уж вы решили идти в военно-морской флот, то знайте: основным вашим правом там будет положить свою жизнь на защиту интересов Родины, а на этом фоне подносить суп офицеру – сущие мелочи.

Сверхъестественное

То реже, то чаще, но неизменно настойчиво меня просят рассказать случаи встреч с потусторонними силами и проявлениями мистических событий во время службы. Я не раз отмечал, что я – знатный скептик (или «упёртый баран», как предпочитает произносить вслух эту характеристику моя жена). Тем не менее настал уже момент, когда мне представляется более приличным кратко описать эти события, чем писать слово «потом» в ответ на каждое письмо с такой просьбой.

Чем меньше мы осведомлены о физических параметрах некоей вещи и её существовании вообще, тем легче убедить нас поверить в её существование с любыми параметрами. Это утверждение, на первый взгляд спорное, покажется вам очевидным, если вы зададитесь целью немного об этом подумать.

Смотрите: если вы, например, никогда не видели корову и не знали о её существовании, то поверить в то, что корова – крайне опасное животное, которое передвигается на двух ногах и питается кроликами, вам будет намного легче, чем если бы вы хоть раз в своей жизни видели корову, мирно пасущуюся на лугу. Особенно важную роль играет личность того, кто пытается вас убедить поверить: доверительно ли случаю он одет, каков у него тембр голоса и обладает ли он признаками принадлежности к какой-либо организации. Хорошо, если ещё при этом у него будут в наличии какие-либо титулы, пусть их название вам ни о чём и не говорит. Даже так – особенно если их название ни о чём вам не говорит. И непременно найдутся свидетели, которые будут утверждать, что вот всё это вот видели собственными глазами или, по крайней мере, лично знают человека, который точно видел. Непременно.

Кроме того, к вашим услугам всегда будет ваша память, об особенностях работы которой вы не задумываетесь, а просто пользуетесь ею в своё удовольствие. Между тем работу памяти можно, несколько упростив, представить в виде слепого, собирающего пазлы. Вокруг слепого бегают мышки и растаскивают кусочки из уже собранных пазлов, слепой находит подходящий по размеру и форме фрагмент и вставляет его на место украденного. В итоге все пазлы собраны и имеют законченную прямоугольную форму, но рисунок на ней будет соответствовать изначальному с ничтожно малой долей вероятности.

Сверхъестественное манит человеческий разум, как магнит железные гвозди. Во-первых, это интересно и захватывает дух, а во-вторых, в это легко поверить, не имея общепринятых представлений о том, как обстоят дела на самом деле, тем более не обладая изрядной долей скептицизма и не заставляя себя критически относиться ко всей поступающей извне информации, как, впрочем, и поступает большинство людей.

Завелось как-то в нашем военно-морском училище привидение. Аккурат после очередного всплеска паранормальной активности на крейсере «Москва». Однотипный со «Славой», он в отличие от неё обладал несколько дурной репутацией и преследовался чередой несчастий, в которых было принято обвинять в основном нечистую силу. На крейсере регулярно появлялись переборки, какие были на кораблях Великой Отечественной войны, в неожиданных местах (по ним сочилась вода, и они передвигались, сужая пространство), и в трюмах расхаживали привидения матросов в окровавленных одеждах (чаще всего в белых робах времён той же войны) со струпьями на лицах. По словам очевидцев, естественно. И сколько мы ни расспрашивали этих очевидцев, так и не удалось установить, отчего привидения появлялись, чего хотели и куда исчезали, если никто с ними не боролся, а только обсирался от страха при одном их виде. Рассказы свидетелей ширились, росли, наматывая на себя новые подробности и прирастая мелкими деталями, но так и не проливая хоть сколько-нибудь света на свою природу.

И, видимо, не выдержав такой несправедливости (не, ну а чем мы хуже крейсера?), военно-морское училище в бухте Голландия завело своё собственное привидение. Его источ-

ником стал лейтенант (фамилию его я умышленно не называю из уважения к памяти), который, прослужив чуть более полугода после выпуска, погиб на одной из атомных подводных лодок. Летними и осенними ночами он стал появляться на аллеях училища в белой парадной форме и с кортиком, лицо и руки его были страшно обожжены, но не подвержены неизбежному разложению временем. Он ходил под плотными крышами из ветвей каштанов и грецких орехов, где и погожим днём было несколько темновато, и пытался что-то сказать курсантам, которые ночью отчего-то гуляли там же. Что он хотел сказать, никто не знал, хотя поводов бояться его не было – про его агрессивность либо плохие намерения известий ни разу не поступало. Тем не менее курсанты предпочитали всегда либо терять сознание, либо бежать со всех ног, позоря гордое имя военного моряка, но спасая таким образом свой рассудок.

Не удовлетворившись такими объяснениями и считая рассказы очевидцев (в основном с химического факультета) несколько неполными, мы со Славой решили взять дело в свои руки и выяснить, откуда у всего этого растут ноги. Не с крейсером «Славой», а с моим другом, в честь которого, как он любил говорить, и был назван тот самый славный крейсер. К тому времени мы уже знали, переняв опыт старших товарищей, что как в жизни ноги всегда растут из жопы, так и в училище всё, что не подлежит здравому объяснению и не укладывается в нормы приличия или логики, появляется строго из недр химического факультета.

С одной стороны, это выглядело логичным: если вы можете выбрать профессию благородного турбиниста, степенного управленца, ловкого перегрузчика, бесшабашного электрика или загадочного киповца, но выбираете профессию, называемую в народе «дуст» (просто дуст, без всяких прилагательных), то чего от вас вообще можно ожидать? Хорошего, в смысле. Но с другой стороны, объяснение такое хоть и выглядит логичным, отнюдь не исключает возможных из себя исключений, и вдруг это оно самое и есть?

Выслушав нас внимательно, заместитель командира взвода (пятикурсник) сказал, что с такими тараканами в голове нам проще перевестись на химфак. Но ладно, так как учимся мы хорошо, замечаний по службе имеем в пределах нормы и просьба наша не коррелирует с развратом, пьянством и нарушениями воинских уставов, он, так и быть, согласен расписывать нас со Славой в парно-пожарный дозор до начала зимы. С тем условием, что причина этого останется между нами до конца наших дней, или хотя бы разглашать её мы не будем минимум пять лет. Согласившись на эти кабальные условия (а выбора у нас не было), мы со Славой занялись подготовкой к нашей миссии, то есть засели за штудирование По, Кинга и Лавкрафта; остальных писателей типа Стокера и Кунца мы хоть и уважали, но считали несомненно поповее классической тройки и не допустили себе полагаться на их мнение в столь ответственном мероприятии, как отлов привидений.

Эх, как я завидую вам, современные пытливые умы! Имея под рукой интернет и каплю усидчивости, можно быстро научиться всем этим хитростям и мерам безопасности; даже в этом, казалось бы, туманном вопросе экспертов – как блох на собаке! Не то что получить исчерпывающую информацию, но и приобрести всё необходимое (например, крылья летучей мыши, хвост носорога, пепел Феникса и кровь девственницы) можно прямо не выходя из дома и за довольно разумные деньги!

Мы же со Славой, проштудировав классику и написав краткий конспект с алгоритмами действий в различных ситуациях, отправились на цыганский двор за дельными советами и практическими приспособлениями. К тому времени мы уже знали, что гипнозам не подвержены, и опасений этот поход у нас не вызывал, да и денег, как и материальных ценностей, у нас отродясь не водилось.

Старый цыганский двор располагался на Северной стороне в частном секторе, был широк, неухожен и кишел цыганами – в различные времена в нём проживало или временно располагалось от десяти до пятидесяти человек, большинство из которых промышляли на пристанях и рынках города Севастополь.

– Кто тут у вас главный по колдовству? – не найдя другого повода, напрямую спросили мы у цыганёнка лет пятнадцати, который шил сапоги, сидя на вытертом крыльце.

– Пошли, – сказал цыганёнок, не проявляя лишнего любопытства, и сразу повёл нас в глубь странно дышащего жизнью, но неприглядно запущенного дома.

– Чарген! – крикнул он на пороге одной из дальних комнат. – К тебе пришли!

– Здорово, морячки! – весело подмигнула нам сгорбленная старушка с чёрными, обильно тронутыми сединой волосами, одетая во вполне цивильные брюки и свитер. – За приворотным зельем?

– А откуда вы узнали, что мы морячки? – немного затупил Славик.

– Так вы же в форме и бескозырках! Что ж я – совсем из ума выжила?

– А! Точно! – обрадовался Слава отсутствию колдовства на этом этапе. – Не, не приворотное, мы же и так красавцы! Надо какое-то средство для привлечения привидений и вступления с ними в контакт!

– Привидения отпугивать? – пробормотала старушка. – Да есть что-то, сейчас поищу.

– Да нет, – говорю я, – не отпугивать, а наоборот – приманивать надо привидение.

– Приманивать? – Она как будто и не удивилась вовсе. – А для чего вам такое в голову пришло?

Вкратце пересказав ей историю и добавив, что кроме как военными моряками нам бы хотелось стать ещё и охотниками на привидений по совместительству или, может быть, потом, на пенсии.

– Слышала я про это привидение! – подтвердила бабка рассказы дустов, от чего они стали ещё более подозрительными. – Сама-то я его не видела, хотя с другими-то да, встречалась!

– Не, ну вы-то понятно, что встречались. Это конечно. Вот как бы и нам встретиться, не прибегая к сильнодействующим наркотикам и в здравом уме? Есть какой-то надёжный способ, желательно проверенный на практике?

– Есть один! Да! Но для этого мне надо обряд над вами провести специальный для привлечения нечистой силы. Вещь опасная, конечно, но может помочь! Потом, когда дело закончите, ко мне вернётесь – я обратно вас расколдую.

Так как мы со Славиком были атеистами и обряд не был связан с болевыми ощущениями, питьём крови и поеданием несъедобных или плохоперевариваемых веществ, то мы с готовностью согласились, предупредив цыганку, что денег у нас нет и мы надеемся на её сознательность в деле проведения научных экспериментов, потому и настаиваем на бесплатном магическом обслуживании.

Цыганка пожевала губами и махнула рукой, что ладно, потом, мол, сдерёт с нас двойную цену, кода мы расколдовываться придём. Мы, конечно же, от души пожелали ей удачи, так как денег больше чем на пару пирожков с ливером, а то и картошкой у нас в карманах в те времена отродясь не водилось, а вряд ли магические ритуалы эквивалентны таким суммам, как их ни интерполируй.

Усадив нас на старый сундук и вызвав себе на подмогу чёрного кота с каким-то непроизносимым цыганским именем, старуха долго хлопотала, выскивая какие-то куриные лапы, сухие палочки и специальные мисочки, после этого лазила в погреб и доставала оттуда пузырьки с загадочными жидкостями и вязанки трав, разводила огонь в маленьком примусе и, когда мы совсем уже было заскучали, начала обряд.

Сказать, что в обряде этом было что-либо необычное, я не могу – повидав на своём веку всяческих, начиная от официально принятых в церквях и заканчивая совсем уж примитивными, я твёрдо укоренился во мнении, что все они имеют одинаковую суть и никаких иных целей, за исключением нагнетания загадочности, не преследуют. Во время проведения этого, правда, в комнату вошёл тот самый юноша, который встречал нас у порога, и, постояв секунду, сделал страшные глаза и начал было пятиться назад, бормоча что-то себе под нос и закрываясь

руками, но так как вошёл он после того, как цыганка начала петь, а расслабился, как только Славик сказал, что у нас денег нет и всё это за бесплатно, то немудрено было сделать вполне очевидный вывод о некоторой театральной природе этого эпизода.

Попев песен и напоив нас ароматными травами с ноткой полынной горечи, бабушка повела по нам сухой куриной лапой (не уверен, правда, что она была именно куриной) и на том завершила обряд, сказав, что теперь на нас привидения будут слетаться как мухи сами знаем на что. Правда, одно условие для этого необходимо: нам со Славой непременно нужно находиться вместе, а поодиночке можно тоже, но это может быть несколько более опасным предприятием, хоть и привидения будут не так активно нападать – в два раза же слабее заклятие, что мы должны понимать как будущие инженеры. Конечно-конечно, ответили мы, и да, мы помним, что надо прийти расколдоваться во избежание, и на этом покинули гостеприимный цыганский дом.

Доложив заместителю командира взвода о завершении предварительной подготовки, мы сообщили ему, что всё – уже пора расписывать нас в парно-пожарный дозор, когда взвод наш будут назначать дежурным, то есть несколько раз в месяц.

Парно-пожарный дозор был не то чтобы самым лёгким бременем в дежурном взводе, но пользовался определённой популярностью – иногда даже приходилось тянуть спички или бумажки из шапки с целью установления того, к кому благоволит Фортуна. Но то – Фортуна, сущность если и существующая, то довольно капризная и непостоянная, а то – заместитель командира взвода! Куда там Фортуне с ним тягаться!

Обязанности парно-пожарного дозора состояли, как нетрудно догадаться из названия, в том, чтобы предотвращать возможные возгорания в учебном корпусе ночью путём непрерывного его патрулирования как внутри, так и снаружи.

Учебный корпус состоял из пяти четырёхэтажных зданий, соединённых колоннадами с внутренними оранжерейными дворишками, и имел центральный парадный вход с башней и шпилем; вокруг он был окружён довольно густым парком и по ночам внутри не освещался почти совсем, а снаружи – лишь редкими жёлтыми фонарями. Даже просто хождение по учебному корпусу ночью уже было определённого рода приключением – он был и вправду огромен, с гулкими паркетными полами, высоченными потолками и здоровенными окнами, сквозь которые лунными ночами струи белёсого света так необычно освещали все эти барельефы вождей, космонавтов и учёных, а также мотивационные лозунги на стенах «Учиться настоящему делу военным образом!» (или наоборот – я уже точно не помню) и прочие, что даже им, сто раз виденным днём, придавалась некоторая мистическая загадочность и смыслы, которых вовек не увидеть при дневном свете.

Попади туда в зрелом возрасте и с бодрящим напитком (конечно, я имею в виду ром с капелькой кофе), я бы бродил по этим лабиринтам без усталости, переполненный восхищением, но во времена юности в парно-пожарном дозоре полагалось найти укромное местечко и крепко в нём спать. Были как стандартные шхеры: рояль за бальной залой, маты под турниками в малом спортзале или парты в каком-нибудь учебном классе, так и необычные места, которые искались с завидным рвением. Дежурные по училищу, естественно, были осведомлены об этих привычках юных пожарных и периодически совершали обходы с целью найти, разбудить, пригрозить, дать тумаков и отправить дежурить. Бывало, что и находили, да.

Но мы-то со Славиком спать не собирались, полагая, что научная польза от нашего эксперимента будет значительно превосходить пользу от нашего крепкого сна. Причём превосходить будет как для нас, так и для всего человечества в целом. К первому своему дозору в заколдованном состоянии мы подготовились со всей необходимой тщательностью: подстрились, помылись, побрились, надели свежее бельё (наизнанку, согласно инструкциям цыганки) и новенькие чехлы на бескозырки, взяли с собой мешочки с солью и написали прощальные письма матерям, в которых изложили мотивы нашего поступка и просили не держать на нас зла

за чрезмерную тягу к неизвестным граням бытия. Письма спрятали в свои учебные шкафчики с тетрадками и учебниками, чтоб их не обнаружили заранее; дождавшись темноты, присели на дорожку и выдвинулись на позиции.

Для приличия, а скорее от некоторой робости, обошли учебный корпус изнутри, ожидаемо никого в нём не встретив, кроме сонного караульного и сонного дежурного по училищу. Впрочем, встретить там никого сверхъестественного мы и не планировали – призрак лейтенанта предпочитал исключительно открытые пространства.

– Как думаешь, уже достаточно стемнело? – спросил Славик.

– Думаю, что да. Да и полночь совсем скоро – пора приступать.

– Ну погоди, сейчас я курну ещё одну и пойдём.

В курилке прямо у дверей такого уютного и манящего роялем, матами и столами учебного корпуса Славик выкурил свою «Астру», а я потренировался закусывать ленточки у бескозырки, чтоб не потерять её, если вдруг случится... резко менять позиции для более удобного наблюдения, и мы, соблюдая почтительное и торжественное молчание, тронулись. В смысле – на позиции тронулись, а не умом.

Если вам никогда не доводилось видеть летних южных ночей, то я вынужден предупредить, что, скорее всего, последующее повествование не заиграет для вас теми красками, которые переливаются в моей голове, и в том не будет вашей вины, а скорее моя. К своему глубокому сожалению, я мало того что не Гоголь, так ещё и не могу им даже притвориться хотя бы на время одного рассказа.

Напишу я, например, просто «Ночь была черна», а вы, сидя в своей Пензе, Санкт-Петербурге, Бобруйске или Петрозаводске, выглянув в окно, наверняка подумаете: ну да, ночь чёрная, но видали мы и почернее цвета, – в этом и будет заключаться главная ваша ошибка.

Чернота южной летней ночи настолько глубока и насыщена, что пытается поглотить даже контуры света от фонарей, делая их края неровными, расплывчатыми и дрожащими. Если долго сидеть в этой темноте, то становится понятным, что даже и звуки немного не те, какими должны бы быть. Нет, они есть, конечно, но настолько несмелые и настолько не к месту, что, кажется, даже цикады понимают, что у них мало шансов своими стрекотаниями наполнить эту темноту хоть чем-нибудь, кроме неё самой. Может быть, даже само слово «чёрный» было придумано именно в летней южной ночи – тогда это многое объясняло бы.

Мы со Славиком медленно пересекли плац – единственное место, которое было ярко и ровно освещено, как и положено любому капищу, – к плацу военные всегда проявляют максимальную степень почитания. Нам не было страшно в классическом понимании этого слова, мы скорее почтительно робели от того, что не понимали, надо нам бояться или вовсе нет. В привидения мы не верили, но всегда же есть шанс, не важно какого размера, что то, во что ты не веришь, выскочит у тебя перед лицом во всей своей ужасности и с радостным оскалом на клыках скажет: «Привет, морячок!» И вот что тогда делать? Когда страшно – всё понятно, нужно изолироваться от источника страха – и всех делов, а вот когда не страшно?

Обходя по кругу аллеи вокруг учебного корпуса раз за разом, мы, конечно, потеряли и первоначальную робость, и странное чувство сожаления даже стало одолевать нас – ну блин, ну так же интересно могло бы быть, а тут просто выскакивают бешеные мотыльки, да листья каштанов, в темноте похожие на огромные человеческие руки, машут приветливо южным тёплым ветерком. Все эти загадочные тени, движения и звуки тоже могли бы насторожить, а то и испугать особо впечатлительные натуры, но с нами таких не было. Даже если мы и обладали некоторой степенью впечатлительности, а вернее – мы точно ею обладали, то в данных условиях при всей предварительной подготовке и больших ожиданиях степень эта не работала абсолютно.

– Облом, да? – первым не выдержал Славик круге на четвёртом. – Ни тебе привидений, ни тебе упырей, ни котов учёных на деревьях!

– Слава, ну так ты что думал, что вот прямо с первого раза и клюнет? Мы же охотники. Терпение – наш ключ к успеху!

Но, в принципе, он был прав. Облом – именно то самое чувство, которое пришло на смену робости и дрожи в коленках, лучше и не скажешь.

Чтобы сменить обстановку и тем самым привлечь к нам внимание Судьбы, мы решили уйти с маршрута и побродить по корпусу – там именно это привидение никому не встречалось, но вдруг какое другое попадётся? Дусты утверждали, что и там встречалось им много необъяснимых вещей. Что было неудивительно вообще, если задаться себе целью проанализировать статус-кво химического факультета.

Факультет этот не был, условно говоря, родным для Голландии – изначально в ней предполагалось выпускать только нормальных инженеров для флота, а химический был переведён из Баку только в 1985 году, хотя само Каспийское училище просуществовало до 1992 года. Чтоб бедные дусты не чувствовали себя обделёнными, им построили отдельную казарму – не в пример остальным – современную, красивого внешнего вида и со всякими излишествами в виде душевых и прочих мелких пережитков сибаритства. Правда, в учебный корпус допустили их не сразу и неохотно. В основном занимались они в здании, где находилась самая загадочная в инженерном училище кафедра морской пехоты (до сих пор не понимаю, для чего будущему инженеру перед допуском к грааю инженерных знаний на первом курсе полагалось изучить тактику морской пехоты и сдать по ней зачёт), и в своём отдельном учебном корпусе.

С появлением химиков жизнь в училище несомненно оживилась и заиграла новыми творческими нотами. Раньше ведь как приходилось враждовать? Со смежными в определённой степени специальностями – управленцам с турбинистами, спецтрюмным с перегрузчиками и всем им – с электриками от неизбежной зависти за то, что они единственные жили в общежитии прямо с первого курса. Не, ну а как – белая кость всё же. А тут – химики! Это как в клетку с тиграми бросить кролика – в этом сравнении принимать в расчёт нужно только сам эффект такого поступка, без окрашивания его кровью. Да и слово «вражда», которое я написал выше, имеет не совсем тот смысл, который в него обычно вкладывается, – здесь это скорее такой разовый синоним гусарства, чем вражда по классовым или каким другим признакам. Видимая вражда без признаков вражды и без цели в ней победить – лучше и не скажешь.

Химиков сразу все полюбили – теперь появился повод, по которому можно наконец объединиться и выступить одним фронтом! К чести химиков стоит заметить, что приняли они всё это с пониманием и должным достоинством. Своей ролью они даже гордились, что не может не говорить о том, что ребята-то они были отличные, ну вот просто им не повезло с выбором специальности.

Например, традиционным считалось обливать химиков водой, когда они шли в баню (именно на пути туда; на пути обратно, когда они шли чистые и распаренные, никто этого не делал), а шли они мимо всех факультетов. Или кричать им хором во время проведения футбольных кубков училища: «Дусты! Отдайте наши казармы!» Сначала это было просто смешно, а потом превратилось в ритуал.

Об обособленности этого факультета может ещё сказать тот факт, что внутри училища можно было переводиться с факультета на факультет (если, например, при поступлении не добрал баллов на желаемый), но на моей памяти никто не переводился на химический, как, впрочем, и с него тоже: если и уходили, то только за ворота.

Ну и вот теперь представьте, как бурлила фантазия в части поддѣбывания этих загадочных и не совсем понятных существ – химиков. В ход шло всё, что могло идти в ход, и особенно то, что могло бы намекать на сверхъестественную природу: хлопанье ставнями пустых помещений, вывешивание простыней на верёвках, загадочные звуки и прочие шелестения в ночной траве. А химики же верили во всё, как дети, и рассказывали потом тебе же, как вчера они видели окно само собой открывающееся и закрывающееся (что ты и так знаешь, потому что сам

же это и делал), но добавляли столько деталей в виде блеклых силуэтов, нагрянувших на луну туч и уханья филина (филина, блядь, в Севастополе в бухте Голландия – ну вы только подумайте!), что хотелось вот прямо погладить их по голове и сказать: «Как же вы теперь дальше-то жить будете? Я даже не представляю». Непременно с тоской в голосе.

Наше со Славиком топанье по учебному корпусу ожидаемо принесло два результата. На нас наорал караульный, что мы заебали тут топтать всю ночь и, может, уже успокоимся и уснём где-нибудь, как нормальные люди, и очень удивился дежурный по училищу: за всю свою долгую службу он, скорее всего, впервые видел такой исправно работающий парно-пожарный дозор, о чём и упомянул на следующий день, приказом по училищу отметив нашу ответственную службу.

И это было бы хорошо, но цели такой мы себе не ставили, поэтому, отмахнувшись от славы и почестей, в нетерпении начали ждать второго заступления на службу. А потом третьего, а потом четвёртого, а потом уже не так сильно пятого и уж совсем разочарованно – шестого.

К этому времени уже подходил к концу бархатный сезон (который так назывался, потому что дамы, отдохавшие на курортах в стародавние времена, нежась от жары днём, к вечеру вынуждены были надевать бархатные наряды, чтоб не мёрзнуть от неожиданной вечерней прохлады – это нам командир роты так рассказывал), и начались роптания на тему: «А чего это только их в парно-пожарный дозор расписывают? Остальные лысые, что ли?» Правда, эти роптания пресекались заместителем командира взвода универсальным военным ответом: «А тебя ебёт?» Но и без роптаний мы со Славиком уже достаточно разочаровались в своём предприятии и, не имея большой веры в самом начале, к данному этапу лишились её практически полностью. Кроме того, не высыпаясь в этих дозорах, как нормальные люди, мы заметили некоторое отставание по парочке зубодробительных предметов – сопротивлению материалов и теоретической механике, что при дальнейшем нашем попустительстве однозначно привело бы к отсутствию зимнего отпуска и пересдаче зачётов в «академии» – так в народе называлась учёба в то время, когда все остальные убывали отдыхать.

– Ну что, Славик? Ещё раз и закругляемся?

– Давай два!

– Ну хорошо – давай два. Вот ты оптимист, конечно, да.

– Это ты стихами сейчас говоришь?

– Я всегда стихами говорю, просто вы, мелкие людишки, их не слышите!

Шестой наряд начался для нас так же обыденно, как и предыдущие, за исключением того, что непонятого смятения мы не испытывали совсем и были одеты в бушлаты по причине ночной свежести. Топая по тёмным аллеям, мы строили планы, обсуждали возможности и прикидывали варианты, совсем уже позабыв об истинной цели нашего здесь нахождения, как вдруг Славик замер на месте, будто упершись лбом в невидимую стену, и судорожно схватил меня за рукав. По дрожи его пальцев и тому, как цепко они ухватили меня за рукав бушлата, я понял, что надо заткнуться и медленно посмотреть вперёд.

Впереди, метрах в двадцати от нас, в курилке слева от асфальтовой дорожки сидел силуэт в белой тужурке и белой фуражке. Фонарь желтил его контур и размывал края, вокруг которых вилась какая-то дымка, – силуэт был неподвижен и задумчив, если так вообще возможно сказать про силуэт.

Испугались мы в тот момент или нет, я не знаю. Мозг мой говорит мне, что нет, но вместе с тем он услужливо подкидывает картинки, как сразу вокруг зазвенела тишина, как сразу весь мир отдалился, будто отодвинутый чьей-то рукой, и какими маленькими мы казались себе в тот момент. И всё это позволяет сделать логическое предположение, что да – струхнули немного. Хорошо, что не подвёл адреналин и тщательная подготовка – мы достали из карманов мешочки с солью и приготовились... вот даже и не знаю, к чему точно, но тогда было чёткое ощущение, что к чему-то мы точно приготовились.

Между тем дымка вокруг силуэта как будто растаяла, и он абсолютно неожиданно для нас поднял руку с тлеющим в ней огоньком сигареты, глубоко затянулся и выпустил новый клуб дыма вокруг себя. При этом что-то звякнуло... Мать моя, да это же кортик! Как пить дать кортик!

– Ну чего вы там застыли-то? С самохода крадётесь, туристы?

И силуэт развернулся к нам. Не, ну понятно, что привидения если и существуют, то вряд ли курят, но за секунду, в которую это произошло, было не до таких мелких нюансов.

– А, это вы? Дежурите, что ли, не спите? Молодцы, огурцы!

Это был дежурный по училищу – начальник нашей кафедры автоматики, невысокий, пухленький, очень улыбчивый и всегда крайне позитивно настроенный.

– Да что вы там застыли-то, как мухи в сиропе? В лужу с клеем попали?

Несмело семеня, мы подоברались к курилке и как-то пролепетали какой-то доклад о том, что всё в порядке, – страх даже если и был, то уже отступил, но какая-то странная опустошённость не давала пока собраться обратно.

– А что у вас в руках?

– А... соль.

– Соль?

– Соль.

– А зачем вам соль?

– Ну... так. На всякий случай.

– Так. Садитесь и рассказывать. Мне сорок лет, и из них двадцать два я провёл на флоте – ох уж и наслушался, доложу я вам, про эти навсякие случаи. Курите и говорите.

Ну а что делать-то? Ну не на пикник же мы шли с двумя пакетами соли, верно? Рассказали, конечно, всю эту историю.

– И бельё наизнанку надели?

– Ага.

– И соль с собой взяли?

– Так точно.

– И не страшно?

– Ну как бы... нет.

– Слушайте, а молодцы вы, хочу я заметить. Вот это я называю системным подходом! Не зря вот мы вас на нашу кафедру-то взяли. Только вы вот этот системный подход к учёбе бы проявляли, а не к поиску потусторонних сил, а то звоночки тревожные поступают от одной моей подруги, знаете ли.

Да знаем – с преподавательницей по теоретической механике они были очень дружны.

– Ну и вот давайте теперь займёмся нашим любимым делом – будем анализировать. Вот с чего вы взяли, что в этих рассказах про привидение лейтенанта есть какая-то правда? Вот какие основания, если не брать в расчёт вообще антинаучность этого явления?

– Ну как же... Ну а почему бы и нет?

– Нет, это антинаучный подход. Научный подход – «почему же всё-таки да?». Вот какие у него основания здесь появляться? Не на кладбище, где он похоронен, не на месте, где служил, а в училище, из которого он успешно выпустился?

– Ну... люди говорят, что курсанты наши, когда его выносили, понесли его не ногами вперёд, а головой.

– Люди. Люди всегда говорят! И если бы люди всегда говорили, предварительно подумав, то мы уже давно научный коммунизм построили бы в отдельно взятой стране! Хорошо. Давайте рассуждать логически – ну понесли его головой вперёд, и что?

– Может, это обидно как-то для покойника, кто его знает.

– Ну вот когда вас пьяных из увольнения несут, вам не всё равно – головой несут вперёд или ногами?

– А я никогда до такого состояния не напивался! – честно говорю я.

– И я, – врёт Славик.

– Допустим. Теоретически предположим, что напились – будет вам разница?

– Да нет.

– А вот теперь расширяем горизонты сознания: если вам, пьяным, но живым, всё равно, как вас несут, то мёртвым, но трезвым как будет? Ну, если теоретически продолжить рассуждения.

– Да наверняка тоже всё равно.

– Ну. Так и что у нас в сухом остатке?

– Что?

– Ложь, пиздёж и провокация – вот что! Эх, до чего же я логику люблю!

– Тащ капитан первого ранга, разрешите вопрос!

– Разрешаю.

– А чего вы в белой тужурке?

– А у нас партсобрание завтра – жена подшила дома и принесла, вот я и примерил, пока сижу тут и курю.

И он похлопал рукой по нормальной чёрной тужурке, которая была аккуратно сложена рядышком с ним на скамейке.

– Так нет, получается, привидения-то?

– Какое-то сожаление я слышу в вашем голосе, юноша.

– Ну да. Привидение – это же романтика. Загадочность там, всё такое.

– Есть привидение, нет привидения – вот бы мне заботиться только об этой проблеме, Маркс меня побери! Какая разница – есть оно или его нет? Нравится вам думать, что оно есть, – так пусть будет! Кому оно мешает-то? Разве только вам в учёбе! Ну давайте, говорите уже, что больше так не будете, да расходимся.

Мы сказали, конечно, но ещё в пару нарядов сходили на всякий случай. Кроме того, не так-то легко, знаете, свыкнуться с мыслью, что мечта твоя недостижима просто потому, что её нет. Но так как легенда эта всем нравилась и охотно передавалась из уст в уста, мы со Славиком решили пусть и не отловить привидение, но хотя бы укрепить веру в него.

Шпионским путём разузнав, когда в дежурный взвод заступают дустовские первокурсники (сами мы уже были на втором курсе), мы раздобыли простынку, оставили в кроватях куклы на случай проверки, предупредили дежурного по роте, что мы в самоход (дело святое), выскользнули из общежития, спрыгнув со второго этажа, и залегли на косогоре, по верху которого и шла та самая тропинка. Простынку мы укрепили на кусте шелковицы и прикрыли веточками, чтоб издали не светила. Планирование – ключ к успеху, точно вам говорю! Тихо перешёптываясь, мы лежали и ждали – были уверены, что первокурсники непременно будут делать обход: наглость-то у них ещё не отросла. И точно – вскоре по асфальту зацокали прогары. Юные, но уже дусты, шли и громко рассуждали о методах охмурения женского пола, как будто в восемнадцать лет об этом можно хоть что-то знать – цирк, да и только. Когда они подошли к условленной точке, я пнул Славика ногой, и мы верёвочками раздвинули ветви.

– У-у-у-у-у! – сказал при этом Славик самым зловещим голосом, на который только был способен.

До того самого момента я был уверен, что слово «врассыпную» можно применить только к группе людей от отделения и выше – о, как я ошибался! Дусты ринулись врассыпную вдвоём так, что даже пули врага их не догнали бы.

– Славик, ну что за «У»? Ну каждое приличное привидение должно говорить «Оу», а не просто «У», ну мы же репетировали!

- Это был экспромт, что ты понимаешь! Смотри, как бегут – Бен Джонсон не догонит!
- Это точно. Сразу видно – спортсмены!

Ну а на следующий день всё было как положено: «Его опять видели!», «Вон те двое поседевших юношей! Лицо обгорелое! Руки к ним протягивал и звал! Заунывно так! И кортиком звякал!».

– Надо же, – бурчал Славик, – вот уж не предполагал, что от одной простынки может быть такой реалистичный эффект.

На этом я и закончу свой первый рассказ о встрече со сверхъестественными силами. Самое важное, на что хотелось бы обратить внимание во всей этой беллетристике: «Планирование – подготовка – терпение – решительность в нужный момент». Запишите, а лучше выучите назубок.

И скажу вам, чтоб подвести некоторый итог: привидения, несомненно, бывают, мало того – я сам был одним из них.

Горец

А скажите-ка, положив руку на сердце или на тот орган, которым вы больше дорожите, часто ли вам в голову приходят лихие идеи с неясными для науки очертаниями их результатов? Не эти детские «скрестить ужа и ежа», а по-настоящему лихие – без компромиссов и оглядок на гуманность и правила устройства Вселенной? Не настолько безумные, как не подарить своей девушке веток серебристой акации на Восьмое марта, а в пределах некоторой разумности: что, например, будет, если добавить к телу кролика удаль ягуара и мозг дельфина?

Мне вот это точно в голову не приходит уже давно по причине того, что результат этого генетического эксперимента я наблюдал воочию в течение нескольких лет. И звали этот эксперимент по документам Кириллом, а по жизни – Горцем.

С виду абсолютно невозможно было угадать в нём мутанта. Обладал он заурядной деревенской внешностью, был средненького росточка, невероятно бледен, худ почти на грани приличия, сутул и лохмат даже тогда, когда стригся ёжиком. Учился только на пятёрки, и красный диплом светился на его лбу с первого курса так ярко, как не у всех прыщи горят в юношеском возрасте.

Триггером, включавшим у него суперспособности, служил алкоголь: Горец с ним не дружил. Вернее, он-то с ним дружил и очень уважал, а вот алкоголь взаимностью не отвечал и напрочь сносил ему крышу чуть не с первого стакана. Делая при этом бессмертным.

Тихий и спокойный в повседневной размеренной жизни, необычайно добрый и приветливый, Кирилл нравился всем. Начальству – за то, что не имел замечаний по службе, товарищам – за то, что безотказно помогал в курсовых, рефератах и лабораторных, а преподаватели так вообще на руках его готовы были носить из аудитории в аудиторию за светлый пытливый ум, вежливость и таланты к любым без разбора наукам. Но коварный алкоголь загонял личность Кирилла на самые дальние задворки его сознания, выпуская наружу Горца. И это был форменный пиздец, кратко доложу я вам, чтоб не заводить рака за камень.

Горец, в отличие от Кирилла, не видел границ вообще – ни моральных, ни физических. Он обладал буйным нравом дикого мустанга с тягой к приключениям и опасностям, как у героев Жюль Верна, только сильнее. Намного сильнее. Вырываясь наружу из тщедушного тела Кирилла, Горец бешено вращал красными глазами, рычал, брызгал пеной отовсюду и перманентно искал, чем бы себя убить – по всей видимости, не находя уюта в своём бессмертии. Горец разбивал об голову военные телефоны, рассчитанные на прямое попадание артиллерийского снаряда, перекусывал электрическую проводку под напряжением, прыгал по балконам четвёртого этажа, дрался с патрулями, милиционерами и всеми, кто казался ему подозрительным, плавал в море в любую погоду и рвал на себе одежду. Ох, как он любил рвать на себе одежду!

На следующий день, вернувшийся из заточения, Кирилл ничего не помнил, удивлённо хлопал глазами на рассказы о своих подвигах и обречённо вздыхал, глядя на свои разорванные тельняшки, фланки, бушлаты и шинели.

– Вы всё врётё? – с дрожью надежды в голосе уточнял Кирилл. – На мне ведь ни синячка, ни царапинки...

Это-то и было самым удивительным. Горцу не причиняли вреда ни кулаки, ни дубинки, ни гравитация, ни даже всемогущий электрический ток! Мало того, даже эбонитовые телефоны не оставляли на нём ни малейших отметин.

– Это что такое? – спрашивал утром командир, тыча пальцем в тушку очередного разбитого телефона.

– Упал, – докладывал дежурный по роте.

– Кто упал?

- Телефон упал.
- Куда упал? В Марианскую впадину?
- Никак нет. С тумбочки на пол.
- Вот с этой тумбочки вот на этот пол?
- Так точно!
- Сочно! Я что, на дебила похож? Вот скажи мне, я похож на дебила?

И в подтверждение своих слов, не дожидаясь ответа, сбрасывал телефон с тумбочки на пол. Даже разбитый этот телефон ожидаемо не получал дополнительного вреда, чего нельзя было сказать о линолеуме, на который он падал.

– Или ты сейчас показываешь мне новую дырку в асфальте под окном и приводишь тушку того, кто его скинул, или готовься заступать сегодня по второму кругу.

И приходилось заступать по второму кругу, да. А как иначе? Потом уже телефоны прятали от него, если успевали. Поняв, что появление альтер эго – это инвариантная традиция, стали назначать ответственного дежурного по Горцу вытягиванием спичек.

В обязанности дежурного по Горцу входило сидение с компанией в абсолютно трезвом состоянии. При этом дежурному надо было делать вид, что он пьёт, и притворяться пьяным, потому как Горец не выносил абсолютно, когда в его компании сидели и не пили, а потом бегать за Горцем и страховать его от увечий, начальства и разорванной одежды. С последним было особенно сложно. Хорошо, что тогда уже появились степлеры, и можно было оперативно привести его в более-менее приличествующий вид. Да и с остальным не очень выходило – если бы не демоническое везение Горца, то всё неизвестно чем и закончилось бы.

Шли мы однажды с ним по улице Гороховой под утро то ли из «Вислы», то ли из ещё какого не менее аристократичного места, но точно несколько заплетающимися ногами. Вдруг Горец увидел машину на тротуаре. Машина была чёрного цвета, не то «Мерседес», не то «БМВ», и спереди сидели два классических «братка». Слюнявя пальцы, они сосредоточенно считали американские деньги, которые пачками были разложены везде вперемешку с пистолетами.

– А-а-а-а-ааа!!! – заорал Горец. – Пидарасы!!!

И ринулся к машине.

Схватив пальцами пустой и стылый питерский воздух, в тот же миг ставший неожиданно неуютным, там, где только что была его куртка, я моментально начал трезветь, наблюдая, как он бежит вокруг машины, бьёт её по колёсам ногами и по капоту руками, непрерывно вызывая на бой «безмозглых животных», «рогатых тварей» и «одноклеточных амёб». Да, точно, это был «мерс» – Горец прицел же ему пытался отломать. До сих пор не понимаю, отчего нас тогда не убили. Видимо, бандитам было просто лень прерывать счёт и заново потом всё перемусоливать и перетягивать резиночками. Они только лениво помахали – мол, проходите, детишки, ну что вы, в самом-то деле, безумства какие-то вытворяете в столь прекрасное раннее утро. Очнувшись, я подхватил Горца на руки и побежал с ним в училище, как Прометей с огнём бежал к людям, а может, даже и быстрее.

Хотя это ещё не самая замечательная история с его участием, это просто зарисовка – самую замечательную сейчас расскажу.

Учились мы тогда в Обнинске, и учёба эта была несколько странной – заточен учебный центр был под определённые проекты лодок, но попадём мы на них после выпуска или нет, не знал ещё никто. Я, например, точно знал, что буду проситься на «Акулу», и в старые советские времена меня уже на этом этапе отправили бы в Палдиски, но где сейчас был тот СССР и тот Палдиски? Ну и сидели мы там, вяло изучая устройство подводной лодки не скажу какого проекта. От скуки и бурлящей во всех местах тяги к героизму, конечно же, приходилось в основном пьянствовать. Ну не постоянно, конечно, и не прямо все, но на выходных-то да, старались не покрываться мхом и катились, кто куда мог.

В один из очередных понедельников нас неожиданно выстроили всех в холле общежития и приказали ждать начальника учебного центра. Не, ну ждать – не мешки ворочать, спина не болит, правильно? Отчего бы и не подождать. Ждём, шушукаемся и строим версии, что сейчас будет-то. Может, медалями награждать станут или именным оружием, например, а может, паёк увеличат или там телевизор цветной в холле поставят вместо этого чёрно-серого «Рубина». И как только разговоры дошли до падших женщин (а любые разговоры юношей всегда доходят до падших женщин), пришёл начальник учебного центра. Был он мрачен, как черничный кисель, из чего сразу стало понятным, что ни медалей, ни телевизора нам не видать. Походив вдоль строя и насверлив в нас дырок глазами, он наконец остановился посерединке и, посмотрев некоторое время в пол, начал удовлетворять пожар нашего любопытства:

– Жизнь сложная штука, да?

– Да-а-а-а...

– Пизда! Откуда вам знать-то, дрищи малолетние? Слушайте молча, стойте. Дакают они, как дятлы. Ты! Выйти из строя!

Кирилл вышел из строя и немедленно сделал виноватый вид: покраснел ушами и опустил глаза.

– Вот служишь ты такой, служишь, гниёшь на северах, потом в академии учишься, в штабе штаны просиживаешь, получаешь полковника и назначение начальником учебного центра. Ну скажите же: довольно серо и обыденно, правда? Что за жизнь такая без ярких лучей света, правильно? И тут. Приезжают к тебе очередные курсанты, типа учиться: по служебной необходимости и от чувства глубокой ответственности за выполняемую работу ты листаешь их личные дела с выписками всякими и табелями, и тут: оргазм! Натуральный, доложу я вам, оргазм предвкушаешь, когда попадают документы этого. Там пятёрками прямо насрано везде: куда ни плюнь, сплошные грамоты, благодарности, поощрения и эти пятёрки по всем предметам. И такие, знаете, жирные уверенные пятёрки – шестёрки почти, а не то что хиленькие, натянутые оценки. Вот, думаешь ты себе, вот он – смысл твоей никчёмной жизни: взять под крыло этого самородка и уберечь его от пагубного влияния военно-морского флота! Затребовать немедленно после выпуска и назначить его преподавателем, чтоб научить наконец этих подводников, как правильно клапана крутить и кнопки нажимать. Окрылённый вновь обрётённым предназначением, ходишь неделю, другую, уже черновик рапорта набрасываешь Главкому ВМФ... Как звонит телефон. Кто говорит? Начальник ОВД города Обнинска! Что он говорит? Он, хлюпая слезами в трубку, говорит, что не соизволю ли я быть так любезен и не выслушаю ли от него рапорт дежурного наряда милиции, который он прямо сейчас держит потными пальцами. Ну отчего же не соизволить, например? Может, человеку душу излить некуда, а для чего ещё нужен офицер военно-морского флота, с точки зрения сухопутного населения? Конечно, говорю, зачитывайте, выслушаю со всем возможным вниманием, несмотря на крайнюю занятость. Ну он говорит, что весь зачитывать не будет, так как он на четырёх листах, а зачитает основными фрагментами, чтобы передать суть. А эта самая суть заключается в том, что вчера вечером дежурный патруль, прогуливаясь у ресторана «Версаль», обнаружил там трио крайне выпивших молодых людей, в чём не заметил ничего подозрительного, так как для чего ещё ходить в ресторан, как не выпивать? Ну не поесть же марципанов, в самом деле! Люди эти курили в мусорку, чем даже импонировали милиционерам, и те двинулись было дальше следить за порядком, но не тут-то было! Самый худой, бледный и неопасный с виду юноша неожиданно обратился к ним с вопросом, отчего же они, такие все стражи правопорядка, не делают им хотя бы замечания за нахождение в общественном месте в непристойном состоянии? Патруль ответил, что видали они и непристойнее состояния, и посоветовал ребятам отдыхать дальше, не отрывая их от несения дежурно-постовой службы по плану. Ах так, скотины, прокричал им тот самый юноша, а это вы видели – и с этими словами разорвал на себе рубаху. Чего там видеть-то, удивились патрульные: ни сисек, ни наколок. Ах так, снова закричал тот самый

юноша и бросился к ним с явным намерением вступить в бой. Двое остальных пытались его удержать, просили не обращать внимания и вели себя вежливо. На тот момент. Но удержать у них не получилось, и дежурным пришлось вступить в неравный бой, и на всякий случай они вызвали себе подкрепление. Когда подкрепление подъехало, бой уже кипел вовсю: милиционеры вместе с товарищами нашего д'Артаньяна пытались уgomонить этого самого д'Артаньяна, лоя его и лениво отмахиваясь дубинками. Но несмотря на свой тщедушный вид, он оказался вообще неугомонимым: наносил разрозненные удары всем подряд, ловко маневрировал и при этом ещё давал советы бить его дубинками по ногам, а не по голове, потому что по голове его бить бесполезно, а если по ногам, то у них хотя бы будет шанс завалить его и скрутить. Увидев подъехавший «уазик», друзья д'Артаньяна, очевидно, Атос и Арамис, закричали: «Ах, так?! Все на одного?!» И началось. Как будто до этого и не начиналось. Дрались уже все со всеми, и чтоб не дать ситуации выйти из-под контроля, вызвали ещё милиционеров в подкрепление. В итоге четыре! Четыре наряда милиции общим количеством в одиннадцать человек скрутили наших трёх мушкетёров и загрузили их в дежурный «уазик». Далее цитирую дословно: «После этого дежурная машина с песней про усталую подлюдку направилась в отдел милиции». Хули вы ржёте? Это ещё не всё! Утром, придя на службу, начальник ОВД, по счастливому стечению обстоятельств мой хороший знакомый и в некотором роде даже друг, обнаружил что бы вы думали? Что все они сидят дружно в дежурке и пьют чай, макая в него печенки, при этом разучивая песни про подводников. И только что не целуются. На удивлённо поднятые брови милиционеры слёзно просили сурово ребят не наказывать, потому что ребята-то хорошие оказались, душевные такие, из Севастополя и на подводников учатся. И вот что мне делать? Это он у меня спрашивает, а не я у вас – не надо тут рты разевать. Я бы, конечно, вас...

И начальник учебного центра потряс сжатым кулаком, показывая, как бы он их что-то там.

– Ты, – обратился он к Кириллу, – испытываешь горькие сожаления от бездарно профуканной карьеры преподавателя в тёплом учебном центре близ Москвы?

– Никак нет! Я не хочу преподавателем. Я на флот хочу.

– В ебенья?

– А хоть даже и дальше.

– Глубже.

– Что глубже?

– Говорить надо не дальше, а глубже, когда речь про флот идёт. Вот отличник круглый, а такой дурак. Итак. Моё решение. В субботу у милиционеров суббота по случаю наступления весны. Ты и двое твоих подельников отправитесь туда с самого утра и отмоете все окна на втором этаже так, чтоб мы с женой шурились от нестерпимого их блеска, прогуливаясь там перед закатом. А если шуриться не будем, то рапорт этот я лично направлю дальше по инстанциям. Всё ясно? Стать в строй!

Конечно, никуда бы он рапорт не отправил, что точно знали и мы, и он, и он знал, что мы это знаем, но что это меняло? Конечно же, ничего, и Горец с подельниками драили те окна всю следующую субботу. Благо у милиционеров тоже есть обязательная подписка на какую-то их газету и было чем.

Окончив училище с красным дипломом, Горец отправился служить куда-то на Камчатку, и следы его там для меня со временем растаяли, но пока были видны, то и там всё было сплошь в пятёрках, условно говоря, куда ни плюнь. Правда, я ни одного милиционера из тех мест не встречал, так что про остальное сказать не могу.

Какую основную мысль следует вынести из этого рассказа? Пить – вредно, а дружить – полезно. То есть если пить с друзьями и следить за мозгом, то не так уж и вредно это выходит. Плюс на минус даёт минус только в математике, открою вам такой секрет, а в осязаемой жизни – иногда даже и восклицательный знак может получиться.

Притихший северный город

– Севасто-о-о-оополь! Севасто-о-о-оополь! Город р-р-р-русских маар-р-рико-о-ооф! – В конце этой серенады Славик икнул и неожиданно сбился на верхние октавы. Дежурный наряд милиции Витебского железнодорожного вокзала захлопал в ладоши, а редкие прохожие бросили даже каких-то денег в футляр от аккордеона. Случайный дедушка, который начал подыгрывать Славику по велению души и из чувства прекрасного, презрительно вытряхнул деньги в мусорный бак, сложил аккордеон и поковылял дальше по своим дедушкиным делам.

– Откуда вы такие красивые? – поинтересовался у нас со Славиком наряд милиции.

– Из Севастополя!

Милиционеры неуверенно переглянулись и уточнили:

– На электричке приехали?

– Ну дураки вы, что ли? Разве можно из Севастополя на электричке приехать? На электричке мы из Пушкина сейчас приехали!

– На экскурсии были? – опять уточнили милиционеры, отмахиваясь от нашего перегара.

– Ну не-е-е-ет же! Ну, разве можно на экскурсии так напиться? Мы были у друзей из стройбатовского училища, соревновались, кто больше может выпить водки, оставаясь в сознании!

– Выиграли, судя по всему?

– А то! И у вас ещё сейчас можем выиграть!

– Не, ребята, нам нельзя – мы же на службе!

– Ну а мы где, по-вашему? На променаде, что ли? Мы тоже на военной службе, только в увольнительной!

– И куда вы сейчас пойдёте, позвольте полюбопытствовать, если это не военная тайна, конечно?

– В Адмиралтейство! Куда же ещё отсюда можно пойти?

– Так два часа ночи уже, и метро не работает.

– И улица Гороховая, может быть, не работает?

– Ну нет, конечно. Просто поздно уже и идти далеко – может, вам машину вызвать из отделения, чтоб вас довезли?

– Да уж дудки – знаем мы эти ваши приколы! Сами уж как-нибудь дойдём!

Чего тогда Славик решил запеть на перроне, он сам вспомнить не мог, но предполагал, что исключительно от чувства восхищения тем, какой, сука, всё-таки грандиозный этот Питер, в который он приехал буквально пару дней назад из своего родного Севастополя. Я к тому времени жил здесь уже несколько месяцев, что делало меня уже практически коренным петербуржцем в глазах Славика. Дошли мы довольно быстро, за чуть более чем два километра почти не попав в приключения. Подарили только мою красивую чернильную ручку бродячей собаке, оттого что нам стало её жалко, и немного поскандалили в массажном салоне «Багира. Для состоятельных господ».

– Слушай, а мы с тобой господа? – спросил Славик, увидев вывеску.

– Ну отчего же не господа, если мы в полтретьего ночи стоим посреди улицы в рубашках и брюках? Вполне себе господа, я считаю!

– А состоятельные?

Мы пересчитали мятые купюры и решили, что не то чтобы да, но и не совсем нет.

– Так хочется массаж! Да?

– Ну-у-у-у. Не знаю, Слава, вроде бы и нет.

– А мне вот – да! Пойдём-ка зайдём в это замечательное заведение!

От обилия бархата лиловых тонов, блёсток и наличия полуголой женщины за конторкой меня начали терзать некоторые сомнения по поводу массажности этого салона, но Славик к алкоголю был менее устойчив и уж если он хотел массажа, то даже полуголая женщина не могла его от этого отвратить.

– Здравствуйте! – улыбнулась нам женщина всеми своими сиськами. – Чего желаете?

– Массажа! – заявил Славик. – Понятно же, что не шавермы!

– Вы имеете в виду эротический массаж?

– Нет, я имею в виду обыкновенный массаж, такой, знаете, чтоб плечи помяли, шею и вот чтоб прямо легко в конечностях стало!

– Просто массаж?

– Ну да, вы же массажный салон – именно так на вывеске и написано!

– Ну... мы как бы не совсем массажный салон... нет, мы, конечно, можем и массаж сделать, но именно вот массажа у нас нет в преysкуранте...

– А что у вас есть в преysкуранте? – удивился Славик.

– Ну вот, – и растерянная женщина протянула Славику бордовую папку.

– Да ладно? – Славик внимательно изучил оба листка в папке. – Вы любовь, что ли, за деньги продаёте?

– Нет, только сексуальные услуги.

– И никакого массажа?

– Ровным счётом никакого!

– Это возмутительно! Подайте жалобную книгу!

Женщина позвонила, и через пару минут откуда-то из-за шторы появился улыбчивый человек с золотым зубом, щетиной и в малиновом пиджаке:

– Добрый вечер, господа! Я хозяин этого заведения – Рустем!

– Да мы видим, что не Петя! – буркнул Славик.

– Чем могу вам помочь?

– Я вас не вызывал, я требовал подать мне жалобную книгу! – стоял на своём Славик.

– Зачем ругаешься, брат? Зачем жалобная книга, э? Два года работаю – никто не жалуется, все довольны! Чем ты недоволен, скажи?

– У вас на вывеске что написано? «Массажный салон». А массажа-то вы как раз и не делаете!

– Брат, ну а что мне на вывеске написать? Публичный дом? Мы же в Питере, брат, здесь всё же культурно должно быть! Ну, хочешь я тебе массаж сделаю, по-братски?

– Ну уж нет. Какой-то ты страшный! Пойдёмте прочь, Эдуард, из этого вертепа пороков и страстей!

Ну а оттуда уже два шага было до нашей тогдашней альма-матери. Даже несмотря на то, что училище имени Феликса Эдмундовича в те времена было рассадником демократии, либерализма и вольнодумия на флоте, всё-таки не принято было являться туда в три часа ночи пьяным через центральный КПП – можно было сильно огорчить дежурного. Для этих целей существовали специальные ворота в Черноморском переулке – метра четыре высотой и с красивыми коваными пиками поверху, – как мы там перелазили в ту ночь, мы не помнили, но поутру устроили там минуту молчания.

– Вот мы дебилы, да? – спросил Славик, любуясь пиками.

– Ага. Но судя по всему, довольно ловкие дебилы, раз в нас никаких новых дырок не образовалось.

С тех пор мы решили, что приводить себя в непотребное состояние будем только внутри. Или ночевать на улице, в крайнем случае.

Одну страшную тайну я знаю про город Санкт-Петербург и всё хочу вам её рассказать, но как-то смущаюсь, зная горячий и мстительный нрав его коренных обитателей. Вдруг мне

когда-нибудь придётся там побывать с визитом? Они вполне могут захотеть мне отомстить за раскрытие этого секрета или, например, объявить бойкот моей книге в своих магазинах – с них станется. Но с другой стороны, что там тех питерцев в мировом масштабе? Так что слушайте.

Все вы обязательно слышали эти истории про то, как в Питере сыро, всё время дожди сверху, болота снизу, сырость вокруг и «Пятьдесят оттенков серого» – это книга про жизнь там без наркотиков и алкоголя. На самом деле это всё миф, созданный самими петербуржцами, и усиленно ими же распространяемая по всему миру дезинформация в рамках Всемирного Заговора против остального мира. Они будут вас уверять в этом со слезой на голубом глазу, предъявляя данные метеорологических исследований с тысяча девятьсот пятого года, согласно которым за сто одиннадцать лет в их городе было ровно одиннадцать солнечных дней. Но весь фокус состоит в том, что они сами же эти исследования и сфабриковали у вас за спиной. Просто эти милые (с виду) жители города ревнуют его красоту к вашим таганрогским глазам и берегут его священные мостовые от ваших рязанских подошв, родные гранитные парапеты от ваших московских жоп и кованые ограды своих милых мостов от ваших тверских ладоней. Так знайте правду – на самом деле в Питере нереально красиво, атмосферно, уютно, вкусно и интересно буквально на каждом углу. Если вы там никогда не были – срочно сдавайте билеты в Турцию, Испанию и Коста-Рику и немедленно первым же рейсом летите туда и убедитесь в правоте моих слов! Главное, не забывайте ходить по городу с недовольным лицом уставшего от этой красоты сноба – тогда вполне сойдёте за своего. Но сильно на это не надейтесь, конечно, – чутьё у них будь здоров!

Сняли у нас два знакомых курсанта Паша и Коля как-то комнатуху в коммуналке недалеко от площади Восстания. Сняли они её довольно дёшево по причине того, что из мебели в комнате были только фикус на подоконнике и примус на газете в углу. То есть довольно уютная комнатка, и на учёбу близко добираться, если бы не один маленький нюанс – изнеженные комфортом питерские барышни отказывались отдаваться Паше и Коле более одного раза на фикусе или примусе, требуя себе как минимум кровати или дивана. Нет, ну вы посмотрите на них, да?

Паша и Коля, не откладывая дел в долгий ящик, договорились со старшиной роты, и тот выдал им во временное пользование под честное слово две панцирные кровати из своих запасов. Спинки-то они отвезли без особых проблем, но вы бы видели удивлённые взгляды Горчакова, Лермонтова и Гоголя (хорошо ещё, что Пржевальский с Гераклом не видели за деревьями), когда они тащили мимо их памятников саму сетку (две за раз решили не брать) прямо на троллейбусную остановку в аккурат на пересечении Адмиралтейского и Невского проспектов. Мы со Славиком как раз решали на ней, куда отправимся сегодня вкушать прекрасное глазами, как Паша с Колей, оба в военно-морской форме, растолкав удивлённые стайки иностранных туристов, впихнули панцирную сетку на заднюю площадку троллейбуса. На это стоило посмотреть, и поэтому мы со Славиком запрыгнули туда же. Троллейбус не сказать что был полон, но совсем и не пуст. Установив сетку поперёк заднего окна наискосок, Паша с Витей усталились красными ушами в окно, ожидая реакции публики. На последнем сиденье сидела бабушка – божий лепесток (круглые очки и фиолетовые волосы), а за ней здоровый мужик с двумя арбузами – один он держал на коленях, а второй, судя по всему, проглотил целиком. Остальные пассажиры интеллигентно не замечали курсантов с кроватью в троллейбусе.

– Вот же нахалы! – пробасил мужик с арбузами. – В троллейбус с кроватью!

Бабушка, которая до этих пор мило улыбалась, глядя на морячков, посуровела лицом, нахмурилась и тихо, но отчётливо произнесла:

– Понаедут тут из своей Москвы и командуют в наших троллейбусах!

– Отчего же понаедут? – удивился мужик. – Я коренной петербуржец!

– Коренной петербуржец, – отчеканила бабуля, – не заметит, как кто-то прольёт соус на скатерть, потому что он воспитан!

– Ну так то соус! А то – кровать!

– Ну и что, что кровать? А куда им девушек водить? Всё время по музеям, что ли? Надо же и на кровать! Стоило бы это понимать в вашем-то возрасте, немолодой человек!

– Но согласитесь, милая дама, что кровать в троллейбусе – это несколько неудобно!

Бабушка повернулась к мужику, сдвинула очки на кончик носа и взглянула на мужика с плохо скрываемым пренебрежением.

– Я в блокаду крыс ела и кору с деревьев, чтоб от голода не сдохнуть, – вот это было несколько неудобно. А это – всего лишь кровать в троллейбусе!

– Простите, погорячился! – густо покраснел мужик.

– Ну вот то-то же! – Бабулька отвернулась, поправила очки и, мечтательно заулыбавшись, продолжила смотреть в окошко.

Вот как вы считаете, отчего Петербург называют культурной столицей? Понятно же, что не из-за музеев и нескольких филармоний: музеи и филармонии много где есть, даже наверняка и в Хабаровске. А потому так называют, что там культурны все, включая алкоголиков и падших женщин, и все как один имеют аристократические манеры в своём поведении.

Решили мы как-то в пятницу устроить пенную вечеринку. Как любые нормальные мужчины традиционной ориентации мы признавали только одну пену – пивную. Поэтому утром, пока остальной класс изображал физкультуру в Александровском саду, мы со Славиком, вооружившись клеёнчатым китайским баулом и собрав деньги с участников, перешли в начало Гороховой улицы, где в те времена располагался чудный магазин «Три ступеньки». Стали там в очередь и принялись вздыхать в предвкушении. Классический алкоголик (треники, щетина, авоська, мешки под глазами), за которым мы заняли, повернулся к нам и говорит:

– А чего вы в очередь-то стали? Идите так, берите, мы же никуда не торопимся!

– Да что вы, что вы... – принялись было мы отнекиваться, но алкоголик обратился ко всей очереди:

– Господа товарищи! Давайте курсантов без очереди пропустим! Им же на занятия ещё идти!

Очередь, человек десять-пятнадцать абсолютно разношерстной публики (пара братков, домохозяйки, интеллигент в очках и костюме, алкаши, спортсмены и туристический гид), дружно загудела:

– Конечно-конечно! Идите! Чего вы там мнётесь-то в хвосте!

Отчего-то даже неудобно было покупать двадцать бутылок пива в такой дружественной атмосфере.

А сколько в Питере исторических мест – так это просто не сосчитать. Проще сказать, что весь Питер – сплошное историческое место, в нём можно гулять, гулять и гулять, разинув рот и непрерывно любуясь по сторонам. А какой колорит может вам встретиться, если повезёт!

То ли на Малой Конюшенной, то ли на Садовой была такая классическая питерская пончиковая, в которой подавали только чай (почти бесплатный) и хрустящие горячие пончики, полные воздуха внутри и сахарной пудры снаружи. Из неё на улицу периодически выходила невысокая полная женщина в белом колпаке и халате и кричала пронзительным высоким голосом:

– Пышки! Пышки! Свежие пышки! Горячие пышки!

И вот сколько бы ни было у вас силы и воли, но силы воли всегда не хватало, чтобы пройти мимо и не зайти за порцией этих пышек со стаканом чая: есть ли она на этом месте сейчас, интересно, и так ли вкусны те пончики? Может, кто ходит и разведает?

И не надо стремиться попасть в Питер во время белых ночей: так себе удовольствие, я вас уверяю. Эту фишку тоже придумали хитрожопые питерцы, чтоб вы, поддавшись на их восторги, поперлись туда именно в это время года и подумали: «Ой, да ничего особенного – только сплошные толпы кругом». Не поддавайтесь на это и езжайте туда в любое удобное для

вас время года. И мосты, и Айвазовский, и Пётр Первый на коне ждут вас там круглый год. И «Аврора» тоже ждёт.

– Слушай, Эд, а чего мы почти год в Питере, а на «Авроре» ни разу не были? – спросил меня как-то Славик.

Я насторожился, потому что мы были несколько подшофе, а в таком состоянии у Славика тяга к приключениям росла в геометрической прогрессии.

– Ну так мы с тобой как коренные петербуржане с петербуржанками – они тоже никогда на «Авроре» не были!

– Ну мы-то не коренные! Мы-то скоро уедем в тундру! Давай собирайся – пошли!

На дворе стояла поздняя осень – чёрная, холодная и неласковая, поэтому, чтоб не замёрзнуть, мы спустили на специальной верёвке ведро с деньгами и запиской в кафе, которое было прямо под нашими окнами на Адмиралтейской набережной. Официант строго сказал «Ноу фото!» иностранцам, прочитал записку и положил в ведро бутылку водки и сдачу. Подзаправившись и взяв с собой во фляжку, мы ринулись на штурм «Авроры», отчего-то решив, что военных моряков туда запускают круглые сутки. А оказалось, что нет.

– Как это музей закрыт? – удивился Слава на цепочку поперёк трапа. – Кому музей, а кому и отец родной! Я, может, только из-за мурашек от песни «Дремлет притихший северный город» во флот подался! Полезли!

– Кх, кх... – Милиционер, который гулял тут с автоматом, видимо, простыл от сырости, которой тянуло с реки. – Молодые люди, вам чем-то помочь?

– Да, товарищ милиционер! – согласился Слава. – Помогите нам вашим фонариком, а то в темноте затруднительно будет дизеля заводить!

– А может, вам и снаряд для пушки организовать?

– Нет, мы просто покатаемся, мы мирные военные моряки и переворотов устраивать не планируем сегодня!

– А откуда вы, позвольте поинтересоваться, такие мирные военные моряки?

– Из училища имени вашего Дзержинского!

– А как вы сюда попали?

– По Троицкому мосту прошли, чего сюда попадать-то?

– Ребята, – милиционер посмотрел на часы, – так его разводят через сорок минут, где вы ночевать-то будете? Нет, я могу, конечно, вас в отделении устроить или в военную комендатуру сдать, но, может, вы лучше домой? А на «Авроре» завтра покататься приходите, я сменщика предупрежу – он будет вас ждать.

– В военную комендатуру, конечно, заманчиво, да, Эдик? Можно же в камеру попасть, в которой Лермонтов сидел, это же, считай, как медаль получить!

– Да, Славик, но, может, домой? Там тепло и колбаса есть с булкой и кефиром.

– Эх, какие вы мелочные! Лермонтова на колбасу променять!

– Кто «вы»?

– Люди!

– А, да, есть такое! Ну, так докторская же и булка такая свежая, с хрустящей корочкой румяного цвета...

– Прекратить немедленно! – не выдержал милиционер. – Я сейчас буду стрелять на поражение за колбасу с румяной булкой!

– Всех не перестреляешь! – гордо вскинул голову Славик.

– Кого всех-то? Вас же двое на шестьдесят патронов!

– Фу, товарищ милиционер, какой вы скучный! Пятьдесят граммов? – и Славик потряс фляжкой.

– Тока быстро и за будку пошли!

Так нам и не удалось на «Авроре» покататься. Да и побывать на ней, собственно, тоже – в этом я так и остался похож на коренного петербуржца.

А про Государственный художественный музей вообще и говорить даже не буду – я считаю, что человек, который не видел Айвазовского в оригинале, вообще зря небо коптит и не о том мечтает, а когда умрёт, то непременно станет об этом жалеть.

Мне вообще все города нравятся, в которых я когда-то бывал – в любом при желании можно найти какой-то шарм и очарование, но Питер можно только любить, вот что я думаю. И когда моя фея-крестная очухается наконец от той вакханалии, которой она, видимо, занята последние полвека, и спросит меня, отряхивая помятый подол своего платья, куда же меня послать жить – в Москву или Петербург, то я вынужден буду рассмеяться ей в лицо от инвариантности этого вопроса. Тут немного притянуто за уши, да, но я предполагаю, что она будет слаба в географии и нынешних областных центров может вовсе и не знать.

Так что вот что я вам скажу, мои собратья по несчастью: Матусовский не просто так назвал этот город «притихшим», не слушайте нытьё этих коварных питерцев про то, как там уныло.

Потому что всё это враки. Немедленно собирайтесь и езжайте; потом ещё спасибо мне говорить будете.

Млекопитающие

Не знаю, как в гражданском, а в военном флоте принято делиться всем, кроме зубной щётки и жены, потому что гигиена, знаете ли. А так – вполне можно одолжить чашку, ложку, сигарету, деньги, ботинки, куртку или пилотку с обязательным обещанием вернуть в ближайшее же время, вот буквально после суточного развода на вахту (строевого смотра, похода в штаб, окончания погрузки, прекращения нужды). При этом возвращать-то вовсе и не обязательно, если нужно, так хозяин и сам напомним. Но вот пообещать вернуть – надо непременно.

И некоторые особенно хитрожопые личности, я думаю, пробирались на флот с единственной целью – пользоваться налево и направо шириной души окружающих их моряков.

Служил у нас такой офицер в группе командования: назовём его условно Алексей Васильевич, и была у этого самого не условного, но условно названного Алексея Васильевича привычка никогда не покупать себе сигарет. Ну и что, можете подумать вы, что тут такого – многие люди не покупают себе сигарет, и никто в их окружении не находит в этом ничего особенного. Оно-то так, да, но сколько из них при этом любят курить и делают это с необходимой для их организма регулярностью? Вот то-то и оно.

– Угостите сигареткой! – весело утверждал Алексей Васильевич и при этом обязательно протягивал руку ладонью вверх таким трогательным жестом, что невольно кто-нибудь да сигарету ему выдавал.

День так говорил, два, триста шестьдесят пять, четыреста восемьдесят девять... Причём просил у всех, даже у матросов.

– У него вообще сигареты есть свои когда-нибудь? – спросил как-то механик, глядя с мостика, как Алексей Васильевич бежит по пирсу. – Начнётся же сейчас плач Ярославны про никотиновый голод в конечностях!

– А это науке неизвестно! – доложил Борисыч. – Ни эмпирическим, ни теоретическим путём установить сие не удаётся!

Мы с Борисычем только прибыли на службу из сопок, и механик нас инструктировал на мостике, пока мы остывали. Нам с Борисычем в то время принадлежал рекорд восемнадцатой дивизии по времени преодоления сильно пересечённого по вертикали и горизонтали расстояния «Заозёрск – Нерпичья»: двадцать минут, если не купаться, и двадцать пять с перекупом при среднем времени в дивизии сорок минут. Но если и рекордов не устанавливать, то из сопок всё равно выходишь мокрым: голова, спина и штаны по колено. И вот представьте, стоишь ты такой мокрый, ноги приятно гудят, впереди спокойствие вахты, вкусный чай, уютная сауна с душем имени товарища Шарко и философические беседы на ходовом мостике, а к тебе подходит член группы «К» с протянутой рукой, улыбкой и дежурной фразой: «Угостите сигареткой!» И фразу ты эту уже пятьсот раз слышал только в этом году, и член этот на новеньком «Ровере» ездит, никого не подвозя, потому что «подвеска – говно»; «ой, такая обивка на сиденьях тонкая!»; «совсем бензина нет – боюсь, и один не дотяну!»; «да тебе долго со мной будет, я ещё в дивизию, потом ещё там по делам...». Никто уже и не спрашивает насчёт подвезти до дома, потому что привыкли, что нет, – условный рефлекс называется. А, ну сейчас-то «Ровером», да особенно на Большой земле никого и не удивишь, а тогда, чтоб вы понимали, такой автомобиль был один на весь городок, а может быть, и на всю область. Сигаретный кризис к тому же уже окончился, и хоть денег тогда платили мало и крайне редко, но в продаже были такие абсолютно дешёвые китайские фильтрованные сигареты с козлом на пачке и ещё какие-то, которые было сложно, но вполне возможно курить. И вот всё это сложив в голове, начинаешь внутренне протестовать против такого несправедливого распределения благ, несмотря на широту души, а скорее даже вопреки ей.

– Угостите сигареткой! – как бы поздоровался с нами троими Алексей Васильевич.

– Нету, – сказал я, – бросаю курить и курю последнюю, по этой причине.
– Ты же уже бросал курить неделю назад? И две недели назад?
– То тренировочное бросание было и зачётное, а сейчас – фактическое!
– Борисыч? – и рука ладонью вверх разворачивается к Борисычу.
– Сам стрельнул. Пуст, как претензии Северной Кореи на мировое господство!
– На, – и мех протянул сигарету, не в силах наблюдать больше этого унижения старшего офицера. Так-то он добрый был, даже матросам сигареты раздавал, впрочем, как и все остальные, за исключением сами понимаете кого.

Покурили. Алексей Васильевич убежал по срочным делам вниз, а мы ещё остались посто-
ять.

– Как он заебал уже! – не выдержал механик. – Борисыч, сделайте уже с этим что-нибудь!
Командир же будущий растёт! Кому, если не механикам, научить его правилам корабельных приличий!

Ох уж эта команда «сделайте уже с этим что-нибудь!». По своей универсальности и все-
объемлющему смыслу она уступает разве что команде «ну вы же офицер!» и зачастую исполь-
зуется с ней в дуэте. Владея одной только этой командой, можно некоторое время вполне спо-
койно управлять кораблём.

«– Падают обороты турбин!
– Механики! Сделайте уже с этим что-нибудь!»
«– Процентное содержание кислорода в пятнадцатом ниже 18 процентов!
– Химики! Сделайте уже с этим что-нибудь!»
«– Слышу ритмичный металлический стук на кормовой надстройке!
– Минёр! Ты, сука, лючок не задраил? Сделай уже с этим что-нибудь!
– Так мы же в подводном положении!
– Да хоть в глубоком космосе! Тишина важнее ещё одного долбоёба на борту!»

Ну вы поняли алгоритм. Тут главное вовремя остановиться и не заикливаться, а то
моряки вас быстренько раскусят – нижние чины команду «сделайте уже с этим что-нибудь!»
понимают хорошо, но не любят, когда им её подают случайные люди. Так что если придётся
случайно управлять кораблём, то помните об этом.

И вот захожу вечером того же дня я к Борисычу в каюту, а он сидит и иголочкой акку-
ратненько так потрошит папироску.

– Да ладно? – спрашиваю я Борисыча, правильно ли понимаю, что здесь такое происхо-
дит.

– Дурак, что ли? – отвечает мне Борисыч, что неправильно. – Приказание механика
выполняю. Ногти есть?

– Нет! – на всякий случай отвечаю я и прячу обе руки за спиной.

Борисыч строгий, хотя зачем его вопросы моей гигиены интересуют, не совсем ясно.

– Показывай! – не отступает Борисыч.

Показываю.

– Ну вот тут можно срезать, что тебе жалко, что ли?

Нет, конечно, чего мне жалко-то? А на бумажке у Борисыча уже лежали миленькими
стопочками какие-то волосики (я не стал спрашивать откуда); кучка пыли («Из реактор-
ного отсека», – гордо сказал Борисыч), щепотка, наверное, заварки, какие-то подозрительные
семена (а любые семена на подводной лодке подозрительны), тараканы лапки и серый поро-
шок, который оказался молотым перцем.

Высыпав из папиросы табак, Борисыч аккуратно смешал все стопочки в одну, тщательно перемешал всё спичками и с помощью самодельного шомпола начал забивать обратно в папиросу.

– Ты чё пришёл-то? – спросил Борисыч.

– Ногти тебе принёс же!

– А изначально?

– Точно не помню уже, но теперь точно не уйду, пока не узнаю, чем всё это закончится!

– Конечно же, не уйдёшь! Ты же часть плана, а как часть плана может уйти от создателя плана?

– Метафизика?

– Суровая действительность! Готово!

Борисыч покатал папироску с адской смесью в пальцах, придавая ей вид заводского изделия, и, оглядев получившийся результат, довольно буркнул «эх, прокачу!» себе в усы.

Кого он собрался катать на папиросе, а? Блядь, неужели всё врут по безопасности реакторов на подводных лодках и вон оно как в итоге заканчивается?

– Алексей Василич на борту?

– Ну. Ночует тут сегодня.

– Значит, так. Слушай внимательно. Сейчас идёшь по палубе вдоль его каюты и кричишь мне на вторую призывным голосом: «Борисы-ы-ыч! Пошли покурим!» Понял?

– Понял.

– Давай порепетируем, только кричи шёпотом, чтоб пациент раньше времени не услышал.

Репетировали минут десять. Не знаю, что там за требования в театре к призывному голосу в спектаклях, но Борисыч был придирчив даже чересчур, и совсем не с первого раза получилось у меня добавить необходимый уровень призывности в голос. То я переигрывал, то был вял, то вообще, как Буратино, не понимал, что делаю. Но как говаривал наш механик, отсутствие гениальности компенсируется частотой повторений, и в итоге у меня вышло призывно крикнуть так, что Борисыч выставил оценку «Верю!». Как и перед любым сколь-нибудь значимым мероприятием на флоте, мы сначала выпили чаю, и Борисыч объявил время «Ч».

Надев куртку и пилотку, я тихонько поднялся в девятнадцатый отсек, оттуда громко спустился обратно в восьмой и прошёлся по верхней палубе с криком: «Борисы-ы-ыч! Пошли покурим!» А Борисыч в то время регулярно привозил из отпуска папиросы «Запорожці», и то ли и правда они были так хороши, то ли по сравнению с китайскими, а может, и от общей атмосферы суровости и романтизма, но казалось, что табак в те папиросы набивают если и не боги собственноручно, то уж точно какие-то специальные архангелы по их прямому указанию.

Сами представьте: стоишь такой на мостике, напившись чаю или кофе до бульканья внутри. Ночь. Сверху чернота блестит звёздами, снизу чернота плещется морем, швартовые поскрипывают, верхние вахтенные потопывают, шелестят крыльями чайки и остальные животные... Может, ещё ветерок на флагштоках посвистывает. А вы только из сауны, распаренные, как младенцы, и Борисыч достаёт из кармана коробку папирос, раскрывает её широким жестом и молча протягивает, а ты так же молча её берёшь, сминаешь мундштук двумя заломами и у Борисыча же от бензиновой зажигалки прикуриваешь. Не знаю, как вам, а мне вот уже вкусно стало от одних воспоминаний. Понятно, что курить вредно, кто бы спорил, но иногда делать это просто необходимо.

– Ты же бросал курить? – высказывает тут же из каюты Алексей Василич.

– Ну, бросал.

– Не вышло?

– Да откуда я знаю? Это же процесс, и я его только начал.

А выскакивает он из каюты уже тоже в куртке, то есть автоматически как бы считается, что я и его курить позвал. Снизу топает Борисыч, и мы дружным ручейком семеним на мостик. Ночь, наверху немного моросит, и поэтому остаёмся курить внутри – Борисыч угощает. Прикуриваем.

– Крепкая! – щурится от вонючего дыма Алексей Василич.

Ну ясен-красен! Там же пыль из реакторного отсека и молотый перец! Там же из неё вон ногти торчат и волосы с шипением плаваются! Конечно, крепкая – как первая любовь, умноженная на число «пи»!

При этом Алексей Василич начинает нам рассказывать какую-то историю, которая кажется ему увлекательной, и поэтому он широко жестикулирует и тычет в нашу сторону этой адской папиросой. А нам же надо слёзы в глазах удержать, мы пятимся от него, а он за нами, а там места-то с гулькин хуй – уже антикоррозийные накладки в спины упираются. Спасибо, меня вахтенный верхний выручил, крикнул в «Лиственницу»: «На пирсе командир!» С неимоверным облегчением отдаю свою папироску Борисычу подержать и бегу от этой вони что есть сил на свежий воздух.

– Чего ты дышишь-то как рыба? – спрашивает командир, выслушав доклад.

– К вам спешил же!

– Соскучился?

– А то!

– А чем тут так воняет-то? – это командир уже по трапу топает из «Прилива» (так по-научному называется утолщение в основании рубки).

– Да... не могу знать!

– Как это ты не можешь знать? У тебя, такое ощущение, лодка подводная горит, а ты знать не можешь? Аж глаза щиплет же, ну!

Поднимаемся до мостика.

– Надо тревогу аварийную объявлять, я тебе говорю! Не знаю, пахнет ли апокалипсис, но если пахнет, то вот именно так! Как ты можешь оставаться таким спокойным?

– Здравия желаем, тащ командир!

– А вот ещё двое подозрительно спокойных офицеров. Курим?

– Так точно!

– А что воняет-то так?

– Не знаем! – бодро отвечает Борисыч.

– Да папиросы эти! – одновременно с ним Алексей Василич.

– Папиросы? – уточняет командир.

– Ага, вот! – и Алексей Василич тычет в сторону командира своей локальной атомной бомбой.

Командир смотрит на папиросу, на Борисыча, потом думает пару секунд.

– Папиросы, значит, да? Ну хорошо, жду вас, Эдуард Анатольевич, в центральном посту!

По имени-отчеству назвал. Ну пиздец, приплыли. Докуриваю, потому что вполне может быть, что и в последний раз.

– Ну, – командир уже снял шинель, подписал журналы и сидит в своём кресле. – Рассказывай!

Я топчусь подальше от него, за планшетом БИП, на всякий случай.

– За время вашего отсутствия на борту никаких происшествий не случилось! – включаю дурака.

– Это я уже слышал и обычно такую простую информацию я усваиваю с первого раза. Рассказывай.

– Проведена отработка смены по борьбе...

– В папиресе что?!

Командир заслоняет ладонью глаза:

– Только, пожалуйста, не надо вот эти честные глаза мне делать, ладно? Убрал?

– Так точно!

Убирает ладонь:

– Ну?

– Сан Сеич! Да откуда я знаю, что в папиресе-то? Теоретически там табак должен быть, а так – ну кто его знает, что там в неё напихали на табачной фабрике, правильно?

В центральный осторожно заходит Борисыч.

– Стань рядом с ним, – тычет командир пальцем в мою сторону. Сам откидывается на спинку кресла, складывает руки на животе и горестно склоняет голову вбок. Смотрит на нас молча минуту, может, две.

– Механики, лучший управленец восемнадцатой дивизии, лучший киповец восемнадцатой дивизии, краса и гордость, можно сказать, и туда же!

Почтительно молчим.

– Спросите меня – куда же?

– Куда же, тащ командир?

– Туда же! Что я, не по-русски говорю? Туда. Же. В детство! Глубокое, незамутнённое разумом и половым влечением детство. Вот отчего вы сейчас не краснеете? Вам же должно быть стыдно сейчас по самые гланды.

– Так за что стыдно-то? – дерзит Борисыч.

– Даже меня он уже заебал тем, что постоянно стреляет у всех сигарет. Хоть я и не курю, но даже меня. Но вот так вот поступить со старшим офицером? Он что, так ничего и не заподозрил?

– Никак нет!

– А если бы он отравился, ну или там асфиксия верхних дыхательных путей? Преждевременные роды? Аппендицит или почечные колики? Что молчите, млекопитающие? Чтоб последний раз!

– Есть!

– Что есть?

– Есть последний раз!

– Так-то! И никому ни слова!

Не, ну механику-то мы рассказали потом, само собой, – надо же было доложить о выполнении приказа. Это же военно-морской флот, на секундочку! Он доволен остался, а Алексей Василич так ничего и не заподозрил, но, видимо, какой-то условный рефлекс мы у него всё-таки включили – сигареты у механиков с того случая стрелял только в случае крайней необходимости, то есть редко.

И вот не жалко же поделиться с человеком сигаретой или там ложкой сахара, например, да что там – можно и половину котлеты отдать, но не на регулярной же основе, согласитесь? Потому как заметил я, что есть такие млекопитающие, которые всегда что-то просят, даже если и не нуждаются. То ли это заболевание какое-то, то ли увлечение вроде филателии, но скорее всё-таки заболевание. Не опасное для окружающих, но рано или поздно приводящее их в такую степень раздражения, после которой уже хочется сделать с этим что-нибудь не смертельное, но крайне вонючее.

Или я не прав?

Воспитательная работа

Гражданская наука психология – вещь настолько тонкая, что результаты её применения к отдельно взятому субъекту вряд ли подлежат измерению и представлению в виде доступных пониманию величин. В связи с этим любой человек, язык которого подвешен к телу в должной степени, способен практиковать эту науку среди индивидуумов с менее подвешенным, чем у него, мозгом и, мало того, даже брать с них за это немалые деньги. В связи с этим кажется абсолютно непонятным, как большинство людей из крупных городов доживают до пожилого (более тридцати лет) возраста со всеми этими своими мигренями, сезонными обострениями, регулярными кам андаунами и неспособностью найти своё место в окружающей их действительности.

То ли дело – психология военная! Чёткие и универсальные приёмы воздействия на психику в виде «Не ебёт!», «С хуя ли?», «Какого хуя?» и «Да заебал ты!» имеют высокую эффективность и действуют как мышь на слона, только наоборот. А уж практические приёмы! Всё, конечно, я описывать не буду, тем более забесплатно, но про один сейчас расскажу.

Навалилась на меня как-то Тоска без Начала. Ни причин для того не было, ни поводов, но вот навалилась, сука такая, и не отпускает, что ты ни делай – хоть кисель пей, хоть на трамзисторе играй. День не отпускает, два, четыре – на пятый пошёл к доктору, который не раз декларировал вслух, что он психиатр. Доктор меня внимательно выслушал и говорит:

– Бессонница? Вес теряешь? Потеря аппетита? Ну тогда всё нормально. Я думаю, что это просто рак и ты скоро умрёшь. Абсолютно не о чем волноваться в плане расстройства твоей психики!

– Ну а серьёзно?

– Ну хочешь тебе препаратов выдам нозепамовой группы?

– Поможет?

– Нет, конечно, но хоть не повесишься!

– Дурак ты, доктор, и не лечишься!

– Конечно, не лечусь! Я же доктор!

На следующий день подзывает меня к себе командир после построения. А осенью ранней дело было – вокруг красота такая, запахи вот эти вот ноздри щекочут, чайки ещё белее кажутся... Один я, короче, весь пейзаж порчу.

– Стас! – кричит командир заму. – Тоже подойди!

– Два замполита на корабле, – начинает командир, – а воспитательную работу среди офицера опять я провожу!

– Что он натворил, б? – интересуется замполит.

– Стой и учись, как надо психологическую помощь офицерам оказывать! Эдуард?

– Да, тащ командир.

– Рассказывай.

– О чём, тащ командир?

– Отчего ты ходишь смурной, как угод по болотам, а? Ну тошно смотреть же уже...

– Не знаю, тащ командир, тоска какая-то.

– Сосёт?

– Если бы! Грызёт в основном и давит!

– Болит что?

– Никак нет.

– Дома всё ли в порядке?

– Всё в порядке!

– То есть вселенская тоска?

– Она самая – вообще без причин!
– Да заебал ты, б! – вступает замполит, но командир его прерывает жестом руки.
– Слушай, Эдуард, есть способ один – поможет сто процентов. Принимаешь внутрь кружку абсента и идёшь на танцы.

– Танцевать, что ли?

– Дурак, что ли? Мужики не танцуют! Придёшь на танцы, выберешь место поярче, ну там под лампочкой какой или стробоскопом, станешь в задумчивую позу, руки, как Лермонтов, на груди скрестишь и будешь смотреть на всех свысока. Умеешь, как Лермонтов-то?

– Умею.

– Покажи.

– Не, ты как Чаадаев стоишь, а надо вот так, – командир показывает как. – Повтори. Нормально, потренируешься и после обеда мне предъявишь на зачёт. Так вот стоишь ты под лампой с абсентом и тоской внутри и смотришь вокруг с небрежной улыбкой на рту, а вокруг, мать моя женщина, ты посмотри что творится-то! Те вон пьяные в стельку и лыка не вяжут, а готовы подраться вон из-за той самки, у которой трое детей и варикозное расширение вен на ногах даже сквозь колготки проступает; те слишком вульгарно накрашены; те танцуют, как Буратино без ног, а неумело притворяются, что умеют; те вон одеты, как шлюхи, а делают вид, что английские королевы; та вон рыдает в углу навзрыд и тушь по щекам, а рыдает вон из-за того свина, а он же смотри какой неприятный, и усики эти – ну как из-за такого можно рыдать? А у этой, смотри, жопа шире моих плеч, а она ей крутит так, что стаканы за соседними столикам от воздушного фронта шатаются! И это ты ещё в тёмные углы не заглядывал! А ты один такой стоишь посреди этого позора рода человеческого. Лермонтов. И улыбаешься презрительно. Покажи, как презрительно улыбаются. Не саркастично, я сказал, а презрительно. Ну вот, другое дело.

И пока он всё это рассказывает, он же руками жестикулирует активно, то на кучку минёров покажет, то на группу механиков, то на помощника. И у всех, конечно, такой дикий непонятный вид от этого образуется, все думают, что это происходит такое за представление с таким странным составом актёров, и главное, как от всего этого теперь укрыться. И поговорить-то сразу находится о чём: все сразу начинают выдумывать отмазки непонятно от чего, но не зря же командир в них рукой тычет и вон как говорит активно – с этим надо что-то делать же срочно.

– И что, – спрашиваю, – поможет?

– Тебе – не знаю, а мне точно поможет! Ты же после всего этого напьёшься обязательно и на службу завтра не явишься, а послезавтра, когда явишься, то будешь уже чувствовать себя виноватым, и мне не надо будет проявлять к тебе сочувствие, а надо будет что? Правильно – ебать тебя за наглый прогул, что для меня намного легче, и траты душевных сил не требует! Молодец я? Тонко?

– Так точно!

– Ну, ступай тогда. Ступай, я сказал, а не бреди, как верблюд по пустыне! Резину мне на палубе когтями поцарапаешь!

– И что это было сейчас? – спросил механик, когда я примкнул к своей стае.

– Психологическая помощь. Практически отцовская.

– Помогло?

– Послезавтра и узнаем.

– Борисыч эвкалипта заварил – вечером сауну по-взрослому устраиваем. Ты в деле?

– Да.

– А чего командир тебе посоветовал?

– Абсенту выпить и на танцы сходить.

– Так что, нам турбинного масла в шило добавить? Потанцевать-то мы можем, конечно, да.

– Нет уж, увольте! Обойдусь без масла вашего и тем более без танцев! Мало у меня депрессия, так ещё и на танцы ваши смотреть! Тьфу – срамота!

После обеда лежу и смотрю в сетку на верхней койке – ну сплю типа. Вызывают меня наверх. Поднимаюсь – стоит на пирсе командир с саквояжем и замполитом.

– Чуть не забыл! – кричит мне снизу. – Показывай!

Что ему показывать? А, Лермонтова же – вот чёрт, забыл совершенно.

Показываю.

– Ну как тебе, Стас?

– Ну-у-у, уже не Чаадаев, конечно...

– Ну да, ну да. Ладно – зачёт! Свободен!

И уходят. Надо же – не забыл, вот прямо уже чуть полегчало на душе, а ещё сауна вечером: жизнь-то вроде и налаживается!

А эвкалипт в сауне вещь вообще незаменимая. Попробуйте, даже если нет сушёного, в виде травы, можно настойку купить в аптеке, правда, когда сушёный завариваешь – эффект лучше.

Сидя вечером в парилке, все активно потеют, сопят, пот в баночки мыльницами соскребают, и кто-то спрашивает:

– Борисыч, а эвкалипт для чего полезен?

– Для всего практически!

– Не, ну вот что он сейчас лечит?

– А у тебя что болит?

– Ничего!

– Тогда просто иммунитет укрепляет!

– А у меня – бронхит!

– Всё – считай нету!

– А мне платят мало!

– Вот прямо сейчас слышишь топот копыт вверху? Это помощник поскакал приказ строчить на твою премию! Вот что эвкалипт животворящий делает!

– А раны душевные?

– Только со спиртом!

– Ну дык а чего мы сидим? Может, пора уже того? Спрямитесь?

– Терпеть! Мне ещё грамм сто в банку наскрести надо!

Потом все плещутся в ледяном бассейне и долго, оттого что с разговорами, пьют, а под утро спорят, есть ли смысл ложиться на пару часов или уже до подъёма флага сидеть. И вот именно сейчас это так важно, что нужно даже об этом спорить – ведь если ты ещё в сознании, то неприлично же покидать общество, если общество несколько часов рассказывало тебе истории про то и про это, заботливо подливало и чутко не задавало вопросов, кроме наводящих.

А утром стоишь на построении с такой удивительно чистой, прямо до звона, головой и красными глазами, которые светят из-под опухших век. И с удивлением понимаешь, что вот если вокруг посмотреть, то море – солёное и пахнет йодом, сопки – в красном мху и пахнут грибами и ягодами, небо – синее, а жизнь – прекрасная... Вот только бы поспать ещё минут двести-триста, а потом чаю крепкого, но лучше кефира, – и вот оно, счастье, как синица в руках трепыхается, а журавлей в небе-то и не видать: нет их тут, журавлей этих, не долетают до наших краёв, стервецы, как бы и не оставляя выбора вовсе, что не может не радовать.

– Чё, – спрашивает командир, – пришёл всё-таки?

– А я и не уходил, – говорю.

– А отчего ты не выполнил моего приказа?

– Да чёт компрессор забарахлил, тащ командир, пока возились, чинили, пока то да сё – уже и смысла не было идти!

– То да сё, говоришь? Да я чувствую ваше «то да сё» – видишь же, дугой БЧ-5 обхожу. Но глаза, вижу, лучше стали, да.

– Так их не видно у него же, тащ командир! – это замполит подливает масла.

– Да у половины механиков их не видно сегодня – значит что? Значит – в хорошей компании вечер провёл и терапевтический эффект не заставит себя ждать! Правильно я говорю, доктор? – кричит в другой конец строя.

– Так точно! – орёт в ответ доктор.

– Ты же не слышишь, что я говорю! – кричит ему командир.

– Это не имеет значения! Вы всегда правы! Это я сейчас как психиатр говорю!

– Вот это да. Вот это точно, – поддакивает замполит.

– Ты-то тоже меньше рот раскрывай, а то думаешь – «джуси фрукт» твой перегар маскирует?

– А... ну был такой план, да.

– Так вот – нет! На прошлой неделе твой способ с мускатным орехом был эффективнее, если не считать того, что только идиот поверил бы тому, что ты с утра просто так нажрался мускатных орехов!

– Нет пределов совершенству, тащ командир! – бодро доложил замполит.

– В желании обмануть начальство, да?

– Скорее ввести в заблуждение по некоторым вопросам, не касающимся служебной деятельности напрямую!

Ну что – записали приём экстренной психологической помощи или повторить? Повторяю: друзья плюс баня плюс эвкалипт, всё обильно запить алкоголем и заесть максимально полезной едой – если мясо, то жареное, если сало, то копчёное, если огурцы, то солёные, а если капуста – то квашеная. Конечно, ещё выпаренный батон под это хорошо, но где же вам его достать? На следующий день не валяться в постели умирающим лебедем, а на общественно-полезные работы! И никаких женщин в эти два дня! Ни в каком виде!

Именно так и предписывает поступать военная психология. Гендерный шовинизм тут ни при чём, сугубо научный метод.

Тишина

Всегда улыбаюсь, когда слышу рассказы незнакомых мне людей о том, как они любят тишину. Нет, ну внешне-то, конечно, я серьёзен и поддакиваю, но внутри смеюсь. Я на самом деле ничего ужаснее тишины в своей жизни не испытывал. Страшно-то многое: гореть, тонуть, лезть на скалу по двум тоненьким верёвочкам, умереть от рака, даже первый раз смотреть фильм про оборотней страшно, когда ты юн. Но вот такого ужаса, как тишина, ваш мозг вряд ли когда-то испытывал.

Первый раз я услышал тишину, когда погрузился в бассейн в водолажном снаряжении. Сразу стало интересно и необычно, а потом минут через пять как-то не по себе. Вот он, трап, вроде бы в мутной зеленоватой жиже, вот они, трубы, которые ты должен собрать, а как-то начало казаться, что ориентация теряется, и тишина, такая приятная и ласковая в самом начале, начала тихонечко звенеть в ушах. Как она может звенеть громко и разрывать мозг, я узнал уже позже – на подводной лодке.

Единственное место на земле, где можно услышать тишину, – это специальная беззвоная комната из железа и бетона в США. По их статистике, никто не выдержал нахождения в этой комнате более 45 минут. А казалось бы, чего там? Сиди на мягком стульчике да посапывай. Просто мозг-то ваш, дорогие мои любители тишины, тишины-то этой никогда и не слышал на самом деле. Весь тот уровень шума, который есть вокруг и более-менее одинаков, мозг с удовольствием принимает за абсциссу и начинает свой отсчёт «шум-тишина» именно от неё. А представьте, если её резко убрать? Вообще, подводная лодка – место довольно шумное: механизмы, сервоприводы, вентиляция, кондиционирование, гидравлика, воздух и электричество создают свой особый, неповторимый фон, который слышен сразу, едва ты спустился в рубочный люк. Но слышен он недолго, и довольно быстро мозг начинает тебе говорить, что здесь тихо. Было ли страшно, спрашивают меня некоторые люди. Никогда. Когда что-то случается, то происходит всё настолько быстро, что осознать происходящее просто не успеваешь: или действуешь на автомате, на выработанных инстинктах, или застываешь, как истукан, в шоке от перегрузки нервной системы. Потом уже, когда анализируешь ситуацию, твой мозг знает, чем всё закончилось, и ноты страха убирает из эмоций, считая их ненужными и лишними. А вот чувство животного ужаса испытать легко: это как раз в те моменты, когда на подводной лодке становится тихо. Можно не услышать сигнал аварийной тревоги: чисто теоретически, конечно. Аварийная тревога передаётся звонком (звонком почти как в школе, только выше тональность и более пронзительный), сигнал аварийной тревоги – частая дробь, во время которой по громкоговорящей связи объявляют, что и где случилось. То есть ты сразу понимаешь, куда тебе бежать и зачем. Конечно, и пожар, и вода, и заклинки рулей на подводной лодке – вещи страшные, но алгоритм действий по ним отработан сотни раз и... ну... как бы правильнее сказать... шанс есть, короче.

А вот не услышать тишину – абсолютно невозможно, как бы парадоксально ни звучала эта фраза на первый взгляд. Вот ты спишь, а в следующую секунду уже стоишь, выпучив глаза и полностью потеряв нить реальности. Мозг гремит в голове, как последнее драже гексавита в банке, и орёт: «Уши!!! Ушибля!!! Где? Где! Мой! Шум?!» И начинает сам его создавать, подтягивая себя снизу к оси абсцисс. И этот шум – сначала ты сам, а потом – звон. В месте, где нет звука, сначала ты становишься звуком сам: слышно, как стучит сердце, течёт кровь и бурчат газы в кишечнике, а потом начинается звон.

Тишина звенит, ребята и девочки! В тишине на самом деле совсем не тихо.

Первое, что делает мозг, это пытается сориентироваться: надводное положение или подводное. В надводном, в принципе, херня – сразу можно расслабиться, а вот в подводном жопа,

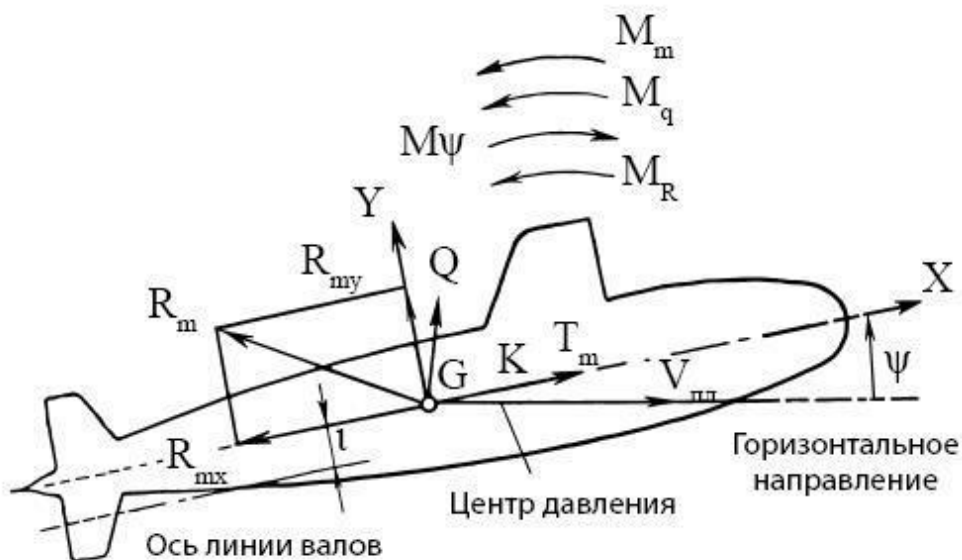
конечно. Самое страшное – рули и если лёд сверху. Тут-то и есть важная особенность дифферентовки подводной лодки. На подводную лодку под водой действуют вот такие силы.

Все их нужно учесть и уравновесить. Подводная лодка бывает удифферентована:

- легка;
- легка, лёгок нос;
- легка, легка корма;
- легка, тяжёл нос;
- легка, тяжела корма;
- тяжела

...ну и так далее. И здесь опять всё сводится к тому, как предпочитает плавать командир и механик. То есть опять всё сводится к субъективным предпочтениям одного человека. Что, конечно, не все из вас понимают. Знали вы в своей жизни хоть одного человека с такой степенью доверия?

А рули сразу падают. Ими, конечно, можно управлять вручную, но для этого нужно, чтоб кто-то прибежал в КШР²³, нашёл нужные гидроманипуляторы и начал ими управлять. Причём как он ими управляет, он не знает – линейка, которая показывает положение рулей, находится в трёх метрах от самих манипуляторов. Был у нас матрос-контрактник такой, Паша. Из таких, знаете, которые в жопу без мыла залезть могут. «А потом ещё вылезет, и от него говном вонять не будет», – обычно добавлял Антоныч.

Паша имел странную, но очень полезную особенность характера: был он работающим, но страшно ленивым и поэтому всю порученную ему работу выполнял быстро, эффективно и с минимальными затратами собственных сил.

– Борисыч, – говорил, например, Антоныч, – надо в холодильнике на пять градусов больше сделать, интендант икру заморозить хочет.

– Антоныч, так это же полдня ебаться надо! А у меня гидравлика, компрессоры стоят, и на хуй вообще всё! Пиздец работы сколько!

– Как дитё ты, Андрюха! Паше поручи!

– Так он же гидравлист, а не холодильщик.

²³ КШР – кормовая шлюзовая рубка.

– Хуильщик! Этот жук и с холодилькой договорится! Вызывай Пашу!

– Павел, – отдавал приказание Антоныч Паше, – нужно совершить подвиг и обеспечить экипаж икрой! Почёта и уважения тебе за это не обещаю, даже на руках носить тебя никто не станет – дело абсолютно секретное, но с меня одно ненаказание, зуб даю!

– Есть, Сан Антоныч! – отвечал Паша и куда-то убежал. Возвращался он через час и докладывал, что всё сделано, но как, просил его не спрашивать. А никто и не спрашивал.

Так вот, этот Паша придумал систему из военных зелёных ремешков, блока и проволоки, с помощью которой он лежал возле линейки указателей кормовых горизонтальных рулей и даже успевал ещё поспать, пока управлял ими вручную.

– Молодец! – сказал Антоныч, когда поймал его спящим на рулях во время исполнения учения по ручному маневрированию. – Никому не рассказывай, но обучи личный состав пятнадцатого и шестнадцатого отсеков, прими у них зачёты и доложи мне завтра!

А в надводном-то ерунда, конечно, когда всё рушится. Ну, врежемся в берег или пирс снесём в крайнем случае – делов-то. Как-то, помню, поднялся на мостик покурить, когда возвращались из очередного выхода. Так-то, конечно, нельзя, тревога и всё такое. Но «Молибден» в надводном положении не особо задействован, а кроме того, у меня была в кармане индульгенция от старпома, запаянная в целлофанку, в которой говорилось, что мне разрешено курить на ходовом мостике в надводном и подводном положениях, а также проходить в курилку без очереди и отходить от места без команды: «Подвахтенным от мест отойти». С росписью и печатью, всё как положено! За что он мне её выдал, я уже и не помню, вроде как стих я про него какой-то льстивый написал, с подъёмками и рифмой, но для придания мне статуса великого в ваших глазах отмечу, что я был единственным за всю историю корабля, у кого была такая бумажка!

Я и бал принцесс

– Эдик, пошли гидравлику грузить, нам привезли тонну почти!

Андрей Борисович стоит в дверях моей каюты и сверлит меня взглядом. Чувствую это спиной, так как делаю вид, что крепко сплю. А вдруг отстанет.

– Эдикбля!!!

Олрайт; значит, так не удастся откосить.

– Борисыч, – говорю, садясь на кровати, – ну какая гидравлика? Ну я же люкс в БЧ-5, ну посмотри на мои пальцы! Я ж как музыкант по кнопкам – должен чуйствовать подводную лодку.

Борисыч скатывает в тугой шар ватник, который он держит в руках, и швыряет мне его в грудь, гад:

– Вот ваш фрак, маэстро! Публика ждёт на бенефис и нервно волнуется. Пошлибля. Нет никого, только мы с Толиком. А вдвоём у нас пупки развяжутся!

– А так у нас втроём пупки развяжутся, и вам не так обидно будет?

А на дворе как раз весна началась. Ну, в смысле, где-то в Севастополе она уже наверняка началась, а у нас март – один из самых противных месяцев. Солнце появляется, и это, конечно, хорошо, но вот морозы ещё не уходят, а ветра сильные уже пришли. Так что даже сморкаемся сосульками. Надеваю водолазное бельё, робу, ватник, ботинки. Шапку и варежки беру под мышку. И этакой вот каракатицеобразной матрёшкой бреду в центральный пост. В центральном меня ждут Борисыч и мичман – компрессорщик Толик.

– Чё так долго-то?

– Да думал, что без меня начнёте.

В составе дружного трио ползём наверх. Первым идёт Толик и застывает при выходе из рубки.

– Смотрите, – говорит, – картина «Старик и море»!

Глядим. На корне пирса стоит управленец ГЭУ²⁴, тоже Борисыч, и писает в залив.

– Борисыч!!! – кричит ему Андрей. – Смотри осторожней, а то русалки за струю в море утащат!!!

– Не утащат! Они ж хохлов не таскают – от нас чесноком пахнет всё время. Это вас, кацапов, за милую душу!

– Мы же бульбаши!!! – кричим мы с Толиком, а наш Борисыч не кричит – он из Питера.

– Ага, – улыбается Борисыч, которой не наш, – особенно Эдик бульбаш! Такой же, как Хафизыч, только глаза пошире!!

– А давайте его отпиздим!!! – предлагает Толик. – Заодно и разомнёмся!!!

– А кто вам реакторами будет в море управлять, короли говна и пара, а? – резонно парирует не наш Борисыч.

Тут он, сука, прав. Самый грамотный управленец в дивизии. Чуть что – зовут его. На стержнях реактора, как Паганини, что хочешь сыграет. Образно выражаясь, конечно.

– Давай это... помоги нам лучше! – забрасываю я пробный шар.

– Да щас! Бог – поможет! Я же офицер военно-морского флота, а не грузчик!

Ладно, идём на пирс. У трапа стоит огромный овчинный тулуп в валенках. На тулупе висит автомат, а внутри тулупа торчит верхний вахтенный матрос. Возле него лежат и ждут наших ласковых касаний четыре двухсотлитровые бочки с гидравликой. Курим. Ходим вокруг бочек. Пинаем их ногами. Бочки продолжают равнодушно лежать.

– Может, чая пойдём попьём? – соблазняет Толик.

---

²⁴ ГЭУ – главная энергетическая установка.

– Не, надо грузить, а то стемнеет скоро.

Покурили ещё. Поняли, что бочки сами себя не загрузят и надо браться за работу. Раскрутили боковые поручни у трапа, соорудили наверху подобие блока из подручных материалов и кое-как закатали бочки на палубу. Открыли приёмный лючок.

– Ты систему подготовил? – на всякий случай уточняет Борисыч у Толика.

– А то. Готова, как девственница в первую брачную ночь!

Начинаем заливать бочки внутрь подводной лодки. Гидравлика замёрзла и течёт неохотно, тоненькой и ленивой струйкой. Мы с Борисычем поддерживаем бочку с боков, чтоб она не кульнула, а Толик – сзади, чтоб тоже типа что-то делать. Из дивизии приходит командир, подходит к нам и молча стоит, любителю на нашу слаженную работу. Конечно, это красиво, когда два человека с высшим образованием и один со среднетехническим заливают гидравлику из бочек внутрь. Минут пять стоял молча, потом вздохнул:

– Ну что, ебётесь?

– Ну, – говорим.

– А хотите по-настоящему? – улыбается командир.

– Не-не-не-не-не!!! – дружным, слаженным коллективом отвечаем мы.

– Так, ты! – показывает командир на меня пальцем. – Подойди-ка ко мне.

Выполняю приказание. А он ка-а-ак даст мне в пузо кулаком.

– Ура-а-а-а!!! – кричит Борисыч. – Наконец-то можно младших по воинскому званию бить!

И отвешивает оплеуху Толику.

– Только мне! – уточняет командир. – Эдуард, почему ты меня, своего родного командира, обманул?

Прокручиваю в голове свою почти двухлетнюю службу.

– Сан Сеич, – говорю официальным тоном, – соизвольте объясниться! Ни разу за всю свою жизнь я вас обмануть ещё не успел!

– А кто мне говорил, что он флотская сирота и родственников у него в штабах нету?

– Я говорил. Так ведь и нету: мать у меня медсестра в Борисове и отец хуй знает где в Челябинске.

– Да? А почему тебе министр нашей обороны звание капитан-лейтенанта досрочно присвоил?

– Какой министр? Какое звание? – хлопаю ресницами.

– Ну, приказ пришёл в дивизию, что тебе министр обороны присвоил очередное воинское звание досрочно и требует твоего явления в Североморск послезавтра, чтоб он тебе погоны мог лично вручить в связи с твоей охуенностью. Так что собирайся.

– Так а чё тут собираться, – говорю, – два месяца зарплату не платят – я до Североморска точно не доберусь никак.

– Придумаем что-нибудь. Там вроде с флотилии машина пойдёт. Пристроим тебя на хвост.

Ну, пристроили. Ехали из одиннадцатой дивизии ещё один геройский старлей-спецтрюмный и его командир на «уазике» дивизийном. Ехали весело: у «уазика» не работали дворники, и водитель останавливался каждые двадцать-тридцать километров, выскакивал протирать лобовое стекло. Это же атомный флот, бля, а не автобат – правильно? А ещё мы всю дорогу были возбуждены и хотели выпить, но одёргивали себя, что, мол, надо терпеть, а то вдруг министр целоваться полезет.

Ну, доехали до ДК Северного флота. Чуть не опоздали, между прочим. Бежим в зал, волнительно открыв рты. На входе прапорщики.

– Сдайте, – говорят, – фотоаппараты.

– Что? Что сделать?! – прямо бровями поднял фуражку командир лодки.

– Фотоаппараты запрещено с собой брать. Для безопасности.

– Чтобля?! Я – капитан первого ранга, командир атомной подводной лодки Северного флота! Это – дворец культуры того же самого Северного флота!!! Вы охуели, что ли, совсем тут?!

Ну, мы, конечно, с другим старлеем давай его успокаивать и дёргать за рукава с обеих сторон. Волнуемся за свои досрочно полученные звания, наверное. Уговорили его, сдали фотоаппараты. Да и хуй с ними, заходим в зал, садимся. Лётчики кругом, пограничники, надводники, ну, и как всегда, больше всего крыс тыловых. Да и хуй с ними тоже! Начинается. И выходит на сцену... мать моя женщина... так это ж Черномырдин Виктор Степанович!

Он-то нам погоны и вручал. Министр обороны просто стоял сзади и хлопал в ладоши, а потом руки всем жал. Некоторые потом говорили, что был он выпивши, но я лично этого не заметил.

Из моряков меня первого вызвали, просто, видимо, случайно. Выхожу. Овации вокруг – прям хоть бери и стесняться начинай. Виктор Степанович вручает мне погоны, жмёт руку и спрашивает:

– Ну как служится-то? Надёжно ли защищены наши рубежи?

– Да нормально, – говорю, – рубежи неприступны!

– А у вас, – говорит Виктор Степанович, – такие звания смешные. Читаю вот в приказе вашем: «Старшему лейтенанту присвоить звание капитан минус лейтенант». Как это, говорю, товарищи, капитан минус лейтенант и есть же старший лейтенант. А он (и показывает за спину на министра обороны) надо мной смеётся!

– Вот гад! – сочувствую. – Только вы ему не говорите, что я так сказал!

– Не скажу! Потом на балу ещё поговорим!

Ёпт! Так ещё и бал будет? А может, они с собой и принцесс из Москвы каких привезли для отличившихся офицеров? Ещё прямо радостнее на душе стало: я ибал принцесс, потом же всем можно рассказывать, не особо лукавя душой!

Но на фуршет с балом мы не смогли остаться – в дивизию затребовали срочно вернуть единственный «уазик». Решили сами себе устроить фуршет и бал. Спирт у нас с собой был, скинулись на троих и купили банку килек в томате, батон и пачку сосисок. Водитель нам банку тушёнки ещё подогнал. Заехали на ядерную свалку по дороге в Заозёрск и давай там быстро напиваться. Сторож к нам пришёл:

– Чего это вы тут, ребята?

Ну, рассказали ему, что да как.

– Погодьте, – говорит, – я вам сейчас хоть сала с лучком принесу.

– А принцесс, – спрашиваем, – нет у тебя случайно тут?

– Не, – смеётся, – только радиоактивные крысы и собаки.

Ну а что за бал без принцесс, я так себе думаю, просто пьянка же. Да и фуршет без канapé и шампанского в высоких бокалах тоже вроде как уже не фуршет, а просто пьянка. Поэтому просто пьянкой на радиоактивной свалке мы и отметили вручение нам погон Виктором Степановичем Черномырдиным.

Совершенство

Всё, что существует в мире в объективной реальности, стремится обрести форму. Высшей степенью обретения формы является красота. Ну, или ещё, можно сказать, удобство и эффективность использования, если рассматривать с практической, а не философской точки зрения. Это правило не имеет исключений, и если вы немного подумаете, то вынуждены будете со мной согласиться.

Подводная лодка 941-го проекта «Акула» (или «Тайфун» по классификации НАТО) – абсолютно совершенная конструкция, при этом чертовски красива и эффективна в использовании.

Конструктивно она состоит из пяти прочных корпусов. Два основных диаметром 10 метров расположены параллельно по принципу катамарана в горизонтальной плоскости и включают в себя восемь отсеков каждый. Правый корпус – нечётные отсеки с 1 по 15, левый – чётные со 2 по 16. В носу между этими корпусами третий прочный корпус – отсек с торпедным оружием № 17, он же служит переходом с борта на борт. Примерно посередине и выше основных корпусов (между 7 и 8 отсеком) четвёртый прочный корпус: отсеки 18, 19 – управление ПЛ, радиотехническое вооружение и связь, переход с борта на борт. В корме – пятый: кормовая шлюзовая рубка и переход с борта на борт.

Можно ли заблудиться на этой подводной лодке? Мне кажется, что нет, но случаи были.

Зашли мы как-то в Северодвинск на несколько дней. До этого пытались всплыть без хода в шторм и на чистой воде раз десять, потом узкости два дня проходили, то есть дней пять, может, не спали толком. ГЭУ не выводили, естественно, поэтому вахту несём по-морскому, и дежурным по кораблю стоит штурманёнок, который до этого три дня жил на кофеине с элеутерококком, а потом на каких-то таблетках, которые ему приносил доктор и приговаривал при этом: «Ты смотри, Слава, они потом действовать перестанут, и тебя вырубят напрочь в самый случайный момент». Я сижу на своём пульте в центральном с Антонычем, который вахтенный инженер-механик. И да, мы как бы спим.

– Центральный, верхнему! – сипит у Антоныча «Лиственница».

– Эдуард, – бормочет Антоныч, – ну ответь ему, а то я так удобно калачиком свернулся, что лень разворачиваться.

– Есть центральный! – отвечаю.

– Тут какой-то капитан первого ранга пришёл. Говорит, что он дежурный по базе и требует дежурного по кораблю.

А Слава в это время в обнимку с пистолетом спит в штурманской рубке с табличкой на груди: «Будить только в случае атомной войны! При пожаре выносить первым!» Табличку мы с Антонычем ему нарисовали, чтоб было смешно и человека никто не тревожил.

– Ну, пусть спускается в центральный, – говорю верхнему вахтенному, – я его здесь встречу.

Капитан первого ранга нашёл центральный не сразу. Сначала он свернул в верном направлении и потоптался на перископной площадке, но потом, видимо, решив, что вход этот не слишком солиден для центрального, ушёл в девятнадцатый отсек. Там он потыкался по рубкам и наконец вошёл в центральный пост с очень недовольным лицом.

– Товарищ дежурный! – обратился он ко мне, так как Антоныч продолжал лежать калачиком в своём кресле, а я уже бродил вдоль пультов. – Могли бы меня и встретить, между прочим!

Ну вот что мне ему сказать? Сказать ему, что я никакой не дежурный, а вахтенный ОКС²⁵, а дежурный отсыпается в штурманской и даже не знает о таком важном событии, как приход дежурного по базе? С одной стороны, можно разбудить Славу и пусть он его ебёт, а я весь такой д'Артаньян останусь. Но Славик реально как зомби ходил, а через день ему нас обратно выводить по узкостям. А мне-то что? Лишний хуй в жопе не помеха, как говаривал наш старпом.

– А мне по ТКР²⁶ не положено на введённой ГЭУ наверх подниматься, – бодро вру полковнику.

Он чувствует, что я ему вру, но как человек благородный решает не придирается к такой мелочи.

– Что у вас тут происходит? Чем занимаетесь?

Я обвожу взглядом полумрак центрального с чмокающим во сне губами Антонычем.

– Несём вахту. Защищаем Родину всеми доступными способами.

– Всё с вами ясно, нахалы! Я пойду пройду по отсекам, проверю тут.

– Подождите, – говорю, – товарищ капитан первого ранга. Я вам сейчас вызову кого-нибудь в провожатые, на всякий случай.

– Чтосказалшасбля? – возмущается он. – Да я на подводных лодках служил, когда ты ещё пешком под стол ползал, мелочь пузатая!

– Простите, простите, – пытаюсь я покраснеть от стыда, – я не в смысле вас обидеть, а так, на всякий случай.

– Ну вот и всё!

И капитан первого ранга уходит куда-то вглубь. Я облегчённо плюхаюсь в своё кресло и выкладываю ноги на свой сейф.

– Санантоныч! Ваша очередь бдить, будьте добры!

Проверили дифферентовку с Антонычем, поорали на вахтенных в отсеках, чтоб бдили. Пообсуждали, что, может, Славику брови сбрить или усы маркером подрисовать, потому что так крепко спит, что прямо жалко упускать такие огромные возможности для издевательств. Попили чаю, сбегали покурили по очереди. Потом Антоныч неожиданно вспомнил:

– Слушай, а где капраз-то этот? Минут же сорок уже прошло?

– Да, может, и больше. А я и забыл про него. Наверное, любитесь нашим флотским порядком везде и не может насладиться никак!

– Да заблудился он, давай поспорим на ноль-пять?

Да дурак я, что ли, с Антонычем спорить? Звоню вахтенному восьмого отсека:

– Толик, а мимо тебя капраз такой красивый не проходил случайно?

– Да раза три прошёл из кормы в нос. Или четыре. У меня уже голова кружится его считать.

– Слышь, Толик, он, когда в следующий раз пройдёт, ты ему просто поулыбайся призывно, ну, и там ножкой шаркни, а когда ещё раз пройдёт, скажи, что я его на чай приглашаю, и под локоток возьми да в сторону центрального проведи, до гиропоста минимум, а то он опять в седьмой уйдёт!

– Всё понял, Анатолич! Бут сделано!

Звоню на камбуз:

– Чудовищи, стакан чаю мне в красивом подстаканнике и бубликов каких на чистой тарелочке в центральный, для высокого гостя!

– Котлеты ещё с ужина остались!

²⁵ ОКС – общекорабельные системы.

²⁶ ТКР – типовые корабельные расписания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.